

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2078-7898
ISSN online 2686-7532

ВЕСТНИК

ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2024

Выпуск 4

**ФИЛОСОФИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ
по следующим научным специальностям,
по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусаян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАЕН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зипченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Багин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, независимый исследователь, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октабринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Замиратова (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несевра (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судьин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андрей Юрьевич Дудчик (канд. филос. наук, доцент, зам. директора по научной работе НАН Беларуси, Минск, Беларусь).

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта—Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджисо Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплутенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткин (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПМ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald»
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2024

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, independent researcher, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Neseyrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Andrey Yu. Dudchik (Candidate of Philosophy, Docent, Deputy Director for Science of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

<p>Анализ проблемы искусственного интеллекта через призму философии И. Канта
<i>Григорова Я.В., Комаров С.В.</i></p>	463	<p>Analyzing the problem of artificial intelligence through the prism of Immanuel Kant's philosophy
<i>Yana V. Grigorova, Sergey V. Komarov</i></p>
<p>Проблема психической реальности до антропологического поворота: критика Х. Плеснером классических моделей психического Р. Декарта, И.Г. Фихте, Э. Маха
<i>Кянганен К.В.</i></p>	471	<p>The problem of psychic reality before the anthropological turn: criticism by H. Plessner of the classical models of the psyche of R. Descartes, I.G. Fichte, E. Mach
<i>Kirill V. Kyanganen</i></p>
<p>Взаимосвязь подходов к истории в философии П. Рикёра: текстуальный, нарративный, эпистемологический и публичный
<i>Сидорова М.А.</i></p>	483	<p>The interconnection of four approaches to history in Paul Ricoeur's philosophy: textual, narrative, epistemological and public
<i>Maria A. Sidorova</i></p>
<p>Онтология идентичности субъекта в философии Эммануэля Левинаса
<i>Буланов С.М.</i></p>	494	<p>Ontology of the subject's identity in the philosophy of Emmanuel Levinas
<i>Stanislav M. Bulanov</i></p>
<p>Спасти Сизифа и не попасть в Камеру счастья: современные дискуссии о смысле жизни
<i>Лохов С.А., Мамченков Д.В.</i></p>	505	<p>To save Sisyphus and avoid the Happiness Ward: modern discussions on the meaning of life
<i>Sergey A. Lokhov, Dmitry V. Mamchenkov</i></p>
<p>Проблематика дефиниции и становления антиценности: методологический аспект
<i>Петев Н.И.</i></p>	516	<p>The problem of defining and formation of anti-value: a methodological aspect
<i>Nikolai I. Petev</i></p>
<p>Творчество из ничего и полифония-2: философская антропология Чехова в призме идей Льва Шестова и Леонида Хейфеца
<i>Кон В.А., Марков А.В.</i></p>	527	<p>Creativity out of nothing and polyphony-2: Chekhov's philosophical anthropology through the prism of ideas of Lev Shestov and Leonid Heifetz
<i>Vyacheslav A. Kon, Alexander V. Markov</i></p>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

<p>Особенности влияния цифровизации на психику личности молодого человека
<i>Джюра Г.С., Иванченко В.Я.</i></p>	543	<p>Features of the influence of digitalization on the psyche of a young person
<i>Georgy S. Dzhura, Victor Ya. Ivanchenko</i></p>
<p>Связь переживания тревоги и нарушений внимания в цифровую эпоху: обзор исследований
<i>Мерзляков Д.Е.</i></p>	556	<p>The relationship between anxiety experiences and attention disorders in the digital age: a review of research
<i>Dmitry E. Merzlyakov</i></p>

Разработка ресурсной модели конфликта
Бородина К.А.

568

Developing a resource model of conflict
Kira A. Borodina

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Этноконфессиональный аспект
социальной составляющей концепта
«устойчивое развитие сельских
территорий» в полиэтническом российском
регионе (на примере Республики
Башкортостан)
Галлямов Р.Р., Ураев Р.Р.

582

The ethno-confessional aspect of the social
component of the «sustainable development
of rural areas» concept in a multi-ethnic
Russian region (a case study of the Republic
of Bashkortostan)
Rushan R. Gallyamov, Rail R. Uraev

Посетительские предпочтения
интересантов городских социокультурных
мероприятий: трехкомпонентный подход
к исследованию и управлению
Шелгинская В.А.

594

Preferences of those interested in urban
socio-cultural events: a three-component
approach to research and management
Victoria A. Shelginskaya

Наши рецензенты

609

Our reviewers

Информация для авторов

610

Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141:004

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-463-470>

EDN: SECXZV

Поступила: 05.11.2024

Принята: 15.11.2024

Опубликована: 27.12.2024

**АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА*****Григорова Яна Викторовна***Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)***Комаров Сергей Владимирович***Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

В исследовании рассматривается структура разума в философии И. Канта как архетип искусственного интеллекта. Категории рассудка рассматриваются как логические драйверы синтеза продуктивного воображения. Поскольку временные схемы синтеза воображения в своей основе содержат трансцендентальный счет, постольку рассудок выступает как вычисление. Этот формальный механизм счета может быть отделен от работы живого рассудка и воспроизведен технически в системах искусственного интеллекта. Безусловность идей разума означает произвольность задания их как функций программы разума. Однако в отношении конечного вычислителя (рассудка) они выступают только как логические регуляторы его работы. В таком случае теоретический разум представляет собой слабый интеллект. Другим логическим драйвером категориального синтеза является идея практического разума. С точки зрения функционирования программы рассудка происходит переключение логического драйвера с регулятивной функции на конститутивную. Это означает, что практический разум реализует версию сильного интеллекта. При таком понимании разума способность суждения в процессе категориального синтеза выполняет синтетическую роль относительно категорий рассудка. В этом случае таблица категорий будет давать возможные образы гипотетических объектов. Проблема искусственного интеллекта как раз и заключается в воспроизводстве свободной игры способности суждения. Но в таком случае встает вопрос о суперинтеллекте, под которым понимается суперкомпьютер с большой вычислительной мощностью или биокомпьютер, принципы которого включают функции свободного выбора или научения, который может быть программистом самого себя. С точки зрения кантовского учения о разуме любой интеллект может быть только конечным: он может программировать самого себя в качестве вычислителя, но не может задавать свое бытие.

Ключевые слова: мышление, категории, воображение, рассудок, разум, слабый и сильный интеллект, способность суждения, рефлексия, суперкомпьютер.

Для цитирования:

Григорова Я.В., Комаров С.В. Анализ проблемы искусственного интеллекта через призму философии И. Канта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 463–470.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-463-470>. EDN: SECXZV

* Статья написана на основе краткого доклада на научной конференции «Свет и тени цифровой реальности» (Пермь, 2024). Расширенная версия в виде научного доклада была представлена на Международном Кантовском Конгрессе (Калининград, 2024).

ANALYZING THE PROBLEM OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE THROUGH THE PRISM OF IMMANUEL KANT'S PHILOSOPHY

Yana V. Grigorova

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

Sergey V. Komarov

Perm State University (Perm)

The research examines the structure of the mind in I. Kant's philosophy as an archetype of artificial intelligence. Categories of the mind are considered as logical drivers of the productive imagination synthesis. Since the temporal schemes of imagination synthesis basically contain a transcendental account, the mind acts as a calculation. This formal counting mechanism can be separated from the work of the living mind and reproduced technically in artificial intelligence systems. The unconditionality of the ideas of the mind means the arbitrariness of setting them as functions of the mind program. However, in relation to the final computer (the mind), they act only as logical regulators of its operation. In this case, the theoretical mind is a weak intellect. Another logical driver of categorical synthesis is the idea of practical reason. From the point of view of the functioning of the mind program, the logical driver switches from the regulatory function to the constitutive one. This means that the practical reason implements a version of strong intelligence. With this understanding of the mind, the capacity to judge in the process of categorical synthesis performs a synthetic role relative to the categories of the mind. In this case, the category table gives possible images of hypothetical objects. The problem of artificial intelligence lies precisely in the reproduction of the free play of the capacity to judge. But then the question arises about superintelligence understood as a supercomputer with high computing power or a biocomputer whose principles include the functions of free choice or learning, so it can be a programmer of itself. From the point of view of Kant's doctrine of reason, any intellect can only be finite: it can program itself as a computer, but it cannot set its being.

Keywords: thinking, categories, imagination, mind, reason, weak and strong intelligence, capacity to judge, reflection, supercomputer.

To cite:

Grigorova Ya.V., Komarov S.V. [Analyzing the problem of artificial intelligence through the prism of Immanuel Kant's philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 463–470 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-463-470>, EDN: SECXZV

Мысль о том, что разум в философии Канта представляет собой вычислительную машину, не нова [Dotzler B.J., 1989]. Однако наша идея заключается в том, что этот архетип представляет собой структуру всякого интеллекта, также и искусственного.

Мышление как вычисление

Ключевую роль в этом вопросе играет учение о категориях [Кант И., 1999, с. 105–106 (А 81–83)]. Действительно, категории выступают логическими драйверами управления воображением в его работе по синтезированию целостного вос-

приятия из материала чувственности, а вместе с предикабиями и предикаментами они задают все многообразие предметно-вещественного эмпирического опыта. В этом смысле категории выступают как *табличный процессор* синтеза такого опыта.

Но категории задают только логическую форму явления. «Ячейки (die Fächer) уже есть, необходимо только заполнить их» [Кант И., 1999, с. 121 (А 109)]. Это «заполнение» и определяет отличие живого интеллекта от искусственного. Важно отметить, что трансцендентальная логика отличается от формальной (об-

щей) логики именно тем, что речь идет о реальном синтезе представлений, который осуществляется спонтанной работой воображения. Категории как понятия задают только логическую форму синтеза, реальное же соединение элементов чувственного многообразного осуществляется спонтанной силой воображения. Несмотря на то, что в реальном мышлении как живом синтезе [Кант И., 1999, с. 118 (А 77)] важны все три элемента — чувственное многообразное, воображение, понятие, — однако ключевую роль Кант отводит именно воображению. Известно, что ощущение дает материал мышлению, а категории придают логическую форму его единства, именно воображение в своем живом движении соединяет чувственное многообразие в единый образ под управлением временных схем. Кантовская модель рассудка вовсе не система суждений и умозаключений; эта модель предполагает работу воображения, которое рисует в воображаемом пространстве фигуры. Поэтому это не структурная, а динамическая модель: рассудок можно представить как силовое поле, в котором эмпирический материал автоматически распределяется по силовым линиям временных схем и приобретает закономерную синтетическую форму (фигуру). Если воображение осуществляет фигурный синтез эмпирического материала по схемам времени, а последние соответствуют категориям как понятиям единства, то это значит, что последние выступают процессором, задающим логическую программу синтеза. «Заполнение» ячеек означает структурирование — временное определение — внутреннего чувства (Medium), согласно его априорной форме [Кант И., 1999, с. 186 (В 194)]. Это внутреннее чувство оказывается виртуальным пространством, пронизанным силовыми линиями категорий (временными схемами). Благодаря временным схемам таблица категорий представляет пространственную фигуру, выполненную в таком трехмерном пространстве. Любое чувственное многообразное, эмпирическое восприятие, представление или поток представлений, попадая в таким образом организованное «пространство», принимает вид внешнего объекта или процесса явления этого объекта по отношению к трансцендентальному субъекту.

Таким образом, синтез явления программируется ячейками-рубриками (категориями). Это позволяет различить синтетическую и аналитическую

функции рассудка. Аналитическая функция заключается в подведении уже имеющегося и уже данного налично представления (или понятия), объединяющего чувственное многообразное под соответствующую рубрику того или иного класса. Синтетическая же функция является живым синтезом представлений из материала чувственности. Заполнение «ячеек», строго говоря, относится только к аналитической функции рассудка, т.к. происходит классификация и распределение представлений и понятий по смысловым ячейкам, но не реальная проекция их единств. Аналитическая функция — это именно подведение представлений *под* понятия (die Vorstellungen werden unter einen Begriff gebracht). Но синтетическая функция означает именно синтез самих представлений, а не подведение их под понятийную рубрику. Это работа воображения, которое соединяет опытные данные в наглядные образы. В содержательном синтезе производится само соединение представлений в единство в соответствии с понятием этого единства (wird auf Begriff gebracht), и уже это единство (синтез) подводится под понятие. В аналитике данные уже должны быть даны, причем так, чтобы возможно было их подведение под соответствующую рубрику; поэтому предварительно они должны быть синтезированы в соответствии с понятием этого единства. Поэтому классификация, каталогизация, рубрификация, строго говоря, относится не к живому категориальному синтезу [Henrich D., 1988, S. 58]. Скорее, они являются техническими составляющими рассудка, которые легко могут быть выделены и воспроизведены как «искусственный интеллект». Собственно, актуальные задачи создания искусственного интеллекта и вращаются вокруг проблем «распознавания» эмпирического материала и его каталогизации по структурным элементам в виде баз данных, электронных массивов, а также проблем быстрого пересчета и комбинаторики этих данных [Оливейра А., 2022, с. 95–96].

Действительная функция рассудка заключается в том, чтобы возвысить спонтанную («слепую») силу воображения до понятия. Собственно, это и выражается в том, что рассудочные категории управляют лучом воображения через его временные схемы. В этом случае спонтанная сила воображения становится проекцией рациональных единств, выраженных в категориях.

Схематизм воображения играет роль генератора времени, а живой синтез наглядных образов как присоединение одного элемента чувственного многообразного к другому элементу выступает как счет. Временные схемы воображения в своей основе являются схемами трансцендентального счета, а рассудок предстает как счетный механизм. Кант принадлежит к традиции европейской философии, которая уподобляет мышление счету (Р. Луллий, Т. Гоббс). Важно только различать аналитический счет (аналитическое число, задаваемое объемом) и синтетический счет (синтетическое число, сам эйдос числа). Душа непрерывно считает, а рассудок мыслит. Кант перечисляет триаду синтеза (созерцание, воображение, рекогниция) в виде линейной схемы: первое, второе, третье и т.д. [Кант И., 1994, с. 501] Действительно, можно выделить схему трансцендентального счета как условие синтеза представлений для передачи техническому устройству. Но в трансцендентальном синтезе осуществляется не только счет, но и синтезирование как объекта, так и субъекта. В присоединении одного элемента к другому чувственного многообразного во внутреннем чувстве возникает практическое единство сознания. «Die numerische Einheit dieser Apperzeption liegt also a priori allen Begriffen ebensowohl zum Grunde...» [Кант И., 2006, с. 156]. Иначе говоря, в синтезе появляется тот, кто осуществляет сами эти действия, тот, кто мыслит. В техническом можно задать единство счета, но живой луч воображения никогда не может быть интегрирован в качестве технического вычислительного устройства, а потому не может быть задано единство апперцепции (точнее, оно имеется в виде живого сознания создателя искусственного интеллекта, задающего заранее его схему счета).

Иначе говоря, общая логика описывает мертвый рассудок, а трансцендентальная логика — живой, за которым всегда остается спонтанный, хотя и управляемый, синтез. Аналитическая функция рассудка очень важна, но она включает только технологическую составляющую рассудка, которая и может быть воспроизведена в искусственном интеллекте. Но живой луч живого воображения не может быть интегрирован в вычислительную машину, и синтетическая функция рассудка остается за живым человеческим интеллектом.

Слабый и сильный интеллект

Категории — это драйверы работы воображения. Но встает вопрос: чем определяется, в свою очередь, категориальный синтез? Во-первых, пространственной архитектурой самой таблицы категорий (о чем ниже), во-вторых, основоположениями самого рассудка. Теперь весь эмпирический материал, введенный в поле рассудка механизмом категориального синтеза, будет не просто распределен в сложно-разветвленное дерево представлений и понятий не возможного, но эмпирического опыта (реализация постулатов эмпирического мышления).

Каким образом управляется весь этот эмпирический синтез? Кто им управляет? Категории и основоположения рассудка определены относительно идей разума. Идеи разума выступают как базовые функции программы мышления; иначе говоря, они выступают как функции самого программиста, автора создания человеческого интеллекта. Безусловность идей разума означает не только их априорность, но и их фактичность и невозможность обоснования (по отношению к «естественному» человеческому интеллекту функцию программиста выполняет Бог, по отношению к «искусственному» интеллекту программистом является автор программы). Как известно, эти логические драйверы бывают двух типов: гипотетические и категорические. Гипотетические драйверы — это собственно идеи разума, задающие идеал полноты описания опыта. Если рассудок в философии Канта в своих синтетической и аналитической функциях выступает как конечный вычислитель, то идеи разума выполняют функции, задающие изначально условия гипотетического завершения ряда вычислений в отношении материала возможного опыта. Вообще, функция воображения как спонтанная сила должна рассматриваться как бесконечная, но поскольку в опыте она связана категориями, то работа рассудка выступает как «кусочные» вычисления. Это касается не только дискретных величин и гладких функций, но и счислений множеств и бесконечностей, которые для этого должны быть «окопечены» (см. теорему Кантора). Собственно, эту функцию «окопечивания» бесконечности или множественности и выполняют идеи разума в своем регулятивном применении

[Мейясу К., 2015, с. 154]. Поскольку окончательное вычисление невозможно в силу изначальной конечности вычислителя (нет бесконечного времени, а все время продуцируется самим вычислителем), то идеи выступают в регулятивной функции. Рассудок может решить любые логические задачи, но решить задачу полной системности опыта он не может, и все его выводы носят гипотетический характер («как если бы»). В этом смысле идеи определяют кантовский разум как *слабый интеллект* [Лысачев М.Н., Прохоров А.Н., 2023, с. 25].

Другим логическим драйвером кантовского рассудка является телеологический идеал (идея практического разума). Поскольку благодаря постулатам эмпирического мышления определяется отношение субъекта к объекту эмпирического опыта (отношение модальности), то вариантом программы является смена функции оператора управления вычислителем. Действительно, выход к границе эмпирического опыта означает не только явление объекта, но и явление субъекта, поэтому вполне возможно обращение рассудка (*Verwendung*). Для Канта это обращение означает обнаружение нашего не феноменального, а ноуменального характера [Sommer M., 1977, S. 214–215], а с точки зрения функционирования программы рассудка — это переключение логического драйвера с гипотетического на категорический, а его функции — с регулятивной на конститутивную. Это теперь драйвер не в отношении данности (действительности) объекта опыта, а в отношении данности (возможности) субъекта опыта (точнее — его поступков). Фактически работа конечного вычислителя (рассудка) теперь определяется не синтезом чувственного многообразного, а исключительно категориальным синтезом. В виртуальном поле воображение будет давать предмет рассудку в виде прочерчивания схем действий согласно категориям; темпоральный фигурный синтез будет давать не образ предмета, а схему целесообразного действия. В этом случае в полной мере реализуется потенциально весь объем возможного опыта (явления) — и в отношении данности объектов, и в отношении данности субъекта. Таким образом, программная функция переключения с гипотетического на категорический драйвер рассудка задает версию *сильного интеллекта* [Лысачев М.Н., Прохоров А.Н., 2023, с. 26–27].

Опция способности суждения

Различие аналитического и синтетического срезов рассудка заставляет Канта вводить функцию способности суждения. Строго говоря, суждение — это рассудок в его функции подведения, данного (неважно как полученного) под соответствующую категориальную рубрику. Что является логическим драйвером этой функции рекогниции? Кроме основоположений, это особая утилиты — рефлексия. Последняя как раз и направлена на четкое различение чувственности и модальностей интеллекта — воображения и категорий. Если программа рефлексии не работает, то драйверы основоположений сами по себе не могут гарантировать безошибочную работу рассудка, ибо они относятся только к формальному применению категорий (чистых ячеек рассудка). В самом деле, таблица категорий выступает как симметричная параллель двух линий (между I, II и III, IV рубриками). Но легко себе представить аналогичную, по обратным параметрам, изменение характера категориальной асимметрии. Поскольку категории заключают в себе операционную систему связей относительно материала опыта, то возможно связывание последнего в иной конфигурации (соответственно комбинации категорий I, III и II, IV, или I, IV II, III, или III, I и IV, II и т.д.; всего 24 сочетательно-смысловых комбинаций). Поскольку таблица категорий определяет фигурный синтез в воображаемом пространстве, то это будет означать возможные образы воспринимаемых объектов, но — без работы основоположений — не истинные, а гипотетические. Иначе говоря, воображение будет давать не эмпирические, а гипотетические их образы (без гарантированного выхода к самому эмпирическому явлению). Так, в поле чувственного экрана воображение будет свободно рисовать фигуры, означающие наглядные образы объекта, без констатации его эмпирической данности. В этом случае меняется функция рефлексии: она теперь не следит за правильностью синтеза, но только регистрирует действия рассудка.

Но если мы вообще отвлечемся от материала чувственности (данности объекта), то фактически это будет то, что психологи называют креативностью. А синтез в этом случае определяется свободной игрой воображения и рассудка.

Способность суждения здесь будет выступать не в аналитической, а как рефлексивная способность — в телеологической или эстетической функции. Выполнение операции подведения особенного под общее тут будет выполняться по-разному. В самом деле, в телеологической модальности способность суждения подводит особенное под общее понятие целесообразности. В этом случае рассудок аналитически мыслит предмет с точки зрения его соответствия общему понятию цели (телеологического драйвера программы). Но вот в отношении эстетической способности суждения возникает трудность, ибо общего понятия в этом случае нет. Поэтому, как показывает Кант, не созерцание подводится под понятие, а одна способность рассудка (воображение) под другую его способность (под способность суждения) [Кант И., 1995, с. 85]. Происходит свободная игра воображения и рассудка; способность суждения в своей эстетической модальности законодательствует себе сама (это означает, что программист должен задать изначально эти критерии, чтобы в соответствии с ними была осуществлена селекция чувственного материала. В этом случае не предметы, а именно субъект, т.е. сам интеллект, становится критерием эстетической оценки) [Irritz G., 2015, S. 341].

Свободная игра рассудка и воображения в способности суждения характеризует именно живой человеческий рассудок. Поэтому проблема искусственного интеллекта как раз и заключается в воспроизводстве этой свободной игры, поскольку логические драйверы здесь должны задавать неопределенность самого выбора [Сотой М. дю, 2024, с. 123–124]. Можно сказать, что проблема нейросети заключается в том, что мы не понимаем, как совершается само обучение (формирование критериев отбора) и совершается выбор [Oliveri G., Gaglio S., 2018]. Таким образом, реализация функции способности суждения как раз и означает самую сильную версию интеллекта.

Проблема суперинтеллекта

Последнее подводит нас к проблеме суперинтеллекта. Речь идет о двух версиях искусственного интеллекта. Во-первых, о суперкомпьютере с большой вычислительной мощностью (скоростью вычисления), во-вторых, о биокомпьютере (нейросети), принципы которого неизвестны ее

создателям, прежде всего за счет логической реализации функции свободного выбора или научения. Не приводит ли возможность свободного выбора в эстетической функции (создание VR), но, прежде всего, в телеологической функции (создание AR) к угрозе самому человеку? С точки зрения архитектоники кантовского разума здесь заключается принципиальная ошибка. В первом случае речь идет о бесконечной скорости вычислений, превышающей скорость вычислений живого человеческого интеллекта. Однако в этом случае можно говорить о количественной мощи искусственного интеллекта, поскольку принципиально она базируется на технически реализуемом аналитическом счете, и в этом смысле такой суперинтеллект остается конечным вычислителем (слабым интеллектом). Во втором случае, в случае с биокомпьютером, основания для опасения более существенны, поскольку здесь нарушается теорема Геделя, согласно которой творение не должно быть сложнее своего творца. В первом случае угроза заключается в невозможности в силу ограниченности времени работы живого интеллекта просчитать результаты конечного вычислителя большей мощности. Во втором случае, поскольку к самим принципам такого интеллекта относится неопределенность научения или выбора, т.е. спонтанность его работы, угроза связана именно с неопределенностью категорического драйвера, задающей квазисубъектность биокомпьютера [Beckers A., Teubner G., 2022, p. 176]. Такой биокомпьютер выступает программистом самого себя.

С позиции кантовского учения о разуме в этой связи можно отметить следующее. В любой версии — живого или искусственного — интеллект является конечным и не тождественным или равным миру (бытию). Даже в случае полной реализации телеологической идеи при гипотетическом допущении наличия предметной инфраструктуры для практической реализации «замыслов» такой машины, интеллект не сможет «заместить» собой весь мир. Программист самого себя может запрограммировать себя, но не бытие, мир явлений, но не мир сам по себе. Поэтому он может быть только «явлением», но не «заместителем» мира [Willaschek M., 2023].

Для всей философской традиции суперинтеллектом является Бог. Но это только катафатическое определение, поскольку его субъектность

(сущность) заключается не в мышлении или воле, но в его субстанциальности. Онтологическое доказательство Бога является рациональным аргументом мышления Бога, но не основанием его существования, т.к. Бог существует не потому, что он мыслит самого себя. Кант самым критическим образом относится к антропоморфизму в отношении высшего существа, а потому самым реалистическим образом относится к конечности живого человека (и его интеллекта). Интеллект мыслит то, что не является самим интеллектом; он может гипотетически программировать самого себя в отношении к своему бытию (в отношении модальности), но не может задавать само свое бытие. Это касается любого интеллекта, включая и суперинтеллект.

Список литературы

Кант И. Критика способности суждения. СПб.: Наука, 1995. 512 с.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Наука, 1999. 655 с.

Кант И. Об априорных основаниях возможности опыта (Из первого издания «Критики чистого разума») // Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Мысль, 1994. С. 499–508.

Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. Т. 2: Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. 936 с.

Лысачев М.Н., Прохоров А.Н. Искусственный интеллект. Анализ, тренды, мировой опыт. М.; Белгород: Константа-принт, 2023. 460 с.

Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. с англ. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.

Оливейра А. Цифровой разум: как наука меняет человечество / пер. с англ. К. Чистопольской. М.: Дело, РАНХиГС, 2022. 448 с.

Сотой М. дю. Нейросеть разумная: Как искусственный интеллект осваивает человеческие навыки, творит, думает, учится / пер. с англ. Д.А. Прокофьева. М.: КоЛибри, 2024. 384 с.

Beckers A., Teubner G. Three Liability Regimes for Artificial Intelligence: Algorithmic Actants, Hybrids, Crowds. Oxford: Hart Publishing, 2022. 208 p. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781509949366>

Dotzler B.J. Kant und Turing: Zur Archäologie des Denkens der Maschine // Philosophische Jahrbuch. 96 / hrsg. von A. Halder u.a. Freiburg; München: Karl Alber, 1989. S. 115–131.

Henrich D. Die Identität des Subjekts in der transzendente Deduktion // Kant. Analysen, Probleme, Kritik / hrsg. von H. Oberer, G. Seel. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1988. S. 39–70.

Irrlitz G. Kritik der Urteilskraft (1790) // Irrlitz G. Kant Handuch: Leben und Werk. Stuttgart: J.B. Metzler, 2015. S. 331–368. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-05432-6_10

Oliveri G., Gaglio S. Wittgenstein, Turing, and Neural Networks // Giornale di Metafisica: Rivista Bimestrale di Filosofia. 2018. Vol. 40, no. 1. P. 215–235.

Sommer M. Die Selbsterhaltung der Vernunft. Stuttgart/Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1977. 314 S.

Willaschek M. Kritik: Die Vernunft prüft alles, auch sich selbst // Willaschek M. Kant. Die Pevolution des Denkens. München: C.H. Beck, 2023. S. 285–296.

References

Beckers, A. and Teubner, G. (2022). *Three liability regimes for artificial : Algorithmic actants, hybrids, crowds*. Oxford: Hart Publ., 208 p. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781509949366>

Dotzler, B.J. (1989). [Kant and Turing: On the archeology of thinking of the machine]. A. Halder u.a. (hrsg.) *Philosophische Jahrbuch* [A. Halder et al. (eds.) *Philosophical Yearbook*. 96]. Freiburg, München: Karl Alber Publ., pp. 115–131.

Henrich, D. (1988). [The identity of the subject in transcendental deduction]. H. Oberer, G. Seel (hrsg.) *Kant. Analysen, Probleme, Kritik* [H. Oberer, G. Seel (eds.) *Kant. Analysis, Problems, Criticism*]. Würzburg: Königshausen & Neumann Publ., pp. 39–70.

Irrlitz, G. (2015). [Critique of Judgment (1790)]. *Kant Handuch: Leben und Werk* [Kant Handbook: Life and work]. Stuttgart: J.B. Metzler Publ., pp. 331–368. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-05432-6_10

Kant, I. (1994). [On the a priori grounds of the possibility of experience]. *Kant I. Kritika chistogo razuma* [Kant I. Critique of pure reason]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 499–508.

Kant, I. (1995). *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgment]. St. Petersburg: Nauka Publ., 512 p.

Kant, I. (1999). *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow: Nauka Publ., 655 p.

Kant, I. (2006). *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh: v 4 t. T. 2: Kritika chistogo razuma: v*

2 ch. Ch. 2. [Works in German and Russian: in 4 vols. Vol. 2: Critique of pure reason: in 2 parts. Part 2] Moscow: Nauka Publ., 936 p.

Lysachev, M.N. and Prokhorov, A.N. (2023). *Iskusstvennyy intellekt. Analiz, trendy, mirovoy opyt* [Artificial intelligence. Analysis, trends, world experience]. Moscow, Belgorod: Konstant-print Publ., 460 p.

Meillassoux, Q. (2015). *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After finitude: An essay on the necessity of contingency]. Yekaterinburg, Moscow: Kabinetnyy Uchenyy Publ., 196 p.

Oliveira, A. (2022). *Tsifrovoy razum: kak nauka menyaet chelovechestvo* [The Digital Mind: how science is redefining humanity]. Moscow: «Delo», RANEPa Publ., 448 p.

Oliveri, G. and Gaglio, S. (2018). Wittgenstein, Turing, and neural networks. *Giornale di Metafisica*:

Rivista Bimestrale di Filosofia [Journal of Metaphysics: Biannual Journal of Philosophy]. Vol. 40, no. 1, pp. 215–235.

Sautoy, M. du (2024). *Neyroset' razumnaya: Kak iskusstvennyy intellekt osvvaivaet chelovecheskie navyki, tvorit, dumaet, uchitsya* [Code of Creativity. How artificial intelligence learns to write, draw and think]. Moscow: KoLibri Publ., 384 p.

Sommer, M. (1977). *Die Selbsterhaltung der Vernunft* [The self-preservation of reason]. Stuttgart/Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog Publ., 314 p.

Willaschek, M. (2023). [Criticism: Reason examines everything, including itself]. *Willaschek M. Kant. Die Pevolution des Denkens* [Willaschek M. Kant. The evolution of thinking]. Munich: C.H. Beck Publ., pp. 285–296.

Об авторах

Григорова Яна Викторовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: janasweet@mail.ru

Комаров Сергей Владимирович

доктор философских наук, доцент,
декан философско-социологического факультета

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: philos.perm@gmail.com
ResearcherID: AAS-4823-2021

About the authors

Yana V. Grigороva

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: janasweet@mail.ru

Sergey V. Komarov

Doctor of Philosophy, Docent,
Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: philos.perm@gmail.com
ResearcherID: AAS-4823-2021

УДК 141.319.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-471-482>

EDN: WBFZPA

Поступила: 09.11.2023

Принята: 20.09.2024

Опубликована: 27.12.2024

**ПРОБЛЕМА ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ
ДО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА:
КРИТИКА Х. ПЛЕСНЕРОМ КЛАССИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
ПСИХИЧЕСКОГО Р. ДЕКАРТА, И.Г. ФИХТЕ, Э. МАХА**

Кянганен Кирилл Вячеславович

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

В статье предлагается проследить за ходом рассуждений Х. Плеснера об истоках и содержании психической реальности. Отмечается зависимость новоевропейских интерпретаций психического от дуализма Р. Декарта. Указывается, что, хотя герменевтика В. Дильтея и была принята в качестве методологии исследования, ее восприятие происходит в результате последовательного анализа нескольких способов решения психофизической проблемы: Р. Декартом, отстаивающим принцип психофизического параллелизма, представителем немецкой идеалистической философии — И.Г. Фихте, и теоретиком позитивизма — Э. Махом. В процессе изложения обосновывается позиция Х. Плеснера в отношении недостаточности дуалистических концепций и отождествления психического с сознанием. Отмечается связь психофизического монизма Э. Маха с австрийской философской традицией, а также проблематичность понимания Другого, пока последний понимается в качестве предмета материального окружения. На примере современных исследователей философской антропологии Х. Плеснера демонстрируется ключевая роль и противоречивый характер эксцентричности в определении статуса психического. Затрагиваются четыре основных вопроса, возникающих при анализе психической реальности. В том числе обозначаются противоположные тенденции в понимании сущности эксцентричности. С одной стороны, предлагается сблизить антропологические трактовки с культуралистскими, с другой — с натуралистическими. Как полагает автор, от решения указанного вопроса зависит итоговый вариант ответа на природу психической реальности, поскольку, несмотря на наличие трех детерминант человеческого существования, вектор современных исследований, как правило, определяется приоритетом тела над сопредельным миром (Mitwelt), или, наоборот, сопредельного мира (Mitwelt) над телом. При этом внутренний мир оказывается производной от телесных влечений и культурной среды.

Ключевые слова: психическая реальность, психофизическая проблема, философская антропология.

Для цитирования:

Кянганен К.В. Проблема психической реальности до антропологического поворота: критика Х. Плеснером классических моделей психического Р. Декарта, И.Г. Фихте, Э. Маха // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 471–482. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-471-482>. EDN: WBFZPA

THE PROBLEM OF PSYCHIC REALITY BEFORE THE ANTHROPOLOGICAL TURN: CRITICISM BY H. PLESSNER OF THE CLASSICAL MODELS OF THE PSYCHE OF R. DESCARTES, I.G. FICHTE, E. MACH

Kirill V. Kyanganen

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The article traces H. Plessner's reasoning about the origins and content of psychic reality. The dependence of new European interpretations of the psyche on the dualism of R. Descartes is noted. Although W. Dilthey's hermeneutics was adopted as a research methodology, its perception occurs as a result of a consistent analysis of several ways to solve the psychophysical problem — those proposed by R. Descartes, who defends the principle of psychophysical parallelism, by I.G. Fichte, being a representative of German idealistic philosophy, and by E. Mach, a positivist theorist. The article substantiates H. Plessner's position regarding the insufficiency of dualistic concepts and the identification of the psyche with consciousness. The connection of E. Mach's psychophysical monism with the Austrian philosophical tradition is noted. Also, the problematic nature of understanding the Other, as long as the Other is understood as an object of the material environment is noted. Using the example of modern researchers studying H. Plessner's philosophical anthropology, the paper demonstrates the key role and contradictory nature of eccentricity in defining the status of the psyche. Four main questions that arise when analyzing psychic reality, including opposing trends in understanding the essence of eccentricity. On the one hand, it is proposed to bring anthropological interpretations closer to culturalist ones, and on the other — to naturalistic ones. The author of the article believes that the final answer about the nature of psychic reality depends on the solution of this question because, despite the presence of three determinants of human existence, the vector of modern research is determined, as a rule, by the priority of the body over the world of culture (Mitwelt), or vice versa. At the same time, the inner world turns out to be a derivative of bodily drives and the cultural environment.

Keywords: psychic reality, psychophysical problem, philosophical anthropology.

To cite:

Kyanganen K.V. [The problem of psychic reality before the anthropological turn: criticism by H. Plessner of the classical models of the psyche of R. Descartes, I.G. Fichte, E. Mach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 471–482 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-471-482>, EDN: WBFPZA

Введение

В истории философии вопрос о значении, месте и роли психического является традиционной темой для дискуссий. Проблема психической реальности поднимается и в современных культурных исследованиях, постструктуралистских и психологических теориях, философской психологии. В русле же философской антропологии проблема психического является одной из традиционных тем обсуждения. При рассмот-

рении этой темы, как правило, ставятся четыре вопроса: первый касается определения понятия психической реальности, второй связан с установлением ее границ, третий выливается в проблему доступа к Другому. И, наконец, последний затрагивает ценностную сторону, когда происходит вопрошание о реальности психических феноменов. Тем самым подвергаются сомнению предыдущие постановки вопросов, которые переосмысливаются посредством определений, выходящих за первоначальные усло-

вия исследования, например, через парадигмы интерсубъективистских воззрений на природу человека. В свете изложенного, особый интерес представляют рассуждения одного из основателей философской антропологии — Хельмута Плеснера, предложившего иной взгляд на истоки психической реальности и ее значение. Немецкий мыслитель оставил после себя обширное наследие, изучаемое по сей день. И хотя мы по большей части не обнаружим трудов, сконцентрированных на проблеме психической реальности Х. Плеснера, тем не менее, следует отметить некоторых авторов, чьи работы так или иначе относятся к обозначенной теме. Так, Жос де Муль говорит о тройственной детерминации человеческого существования в антропологии Х. Плеснера. В частности, о внутреннем мире, делящемся непосредственно на душу как источник психической жизни, и сцену, на которой отыгрываются уже осуществленные и оставившие ментальный след переживания. Кроме того, как это ни парадоксально, но несмотря на эксцентрическую позициональность каждой из трех причитающихся детерминант, человеку исконно присуща допсихологическая потребность в избавлении от эксцентричности, что находит свое выражение в культуре и технологии. По словам де Муля, человек всегда был киборгом, поэтому объективированное в процессе эволюции окружение — его неотъемлемая составляющая [Mul J. de, 2014, p. 16–18]. Йохим Фишер подчеркивает зависимость интерпретаций психической реальности Х. Плеснера от последствий лингвистического поворота начала XX столетия, когда физику неодушевленных предметов вытеснила проблема органической деятельности мозга, а субъекта — язык в качестве интерсубъективного средства конструирования реальности. Отныне, говорит он, «эволюционная биология претендует на объяснение не только жизни, но и социокультурного мира в целом, и, наоборот, культурализм, посредством лингвистического поворота, объясняет естествознание и эволюционные закономерности в виде простой культурологической интерпретации-схемы особой историчности» (перевод наш. — К.К.) [Fischer J., 2014, p. 43]. Предпосылки обоих подходов заключены в картезианском дуализме. Однако, вопреки исторической тенденции, философской антропологии, по мысли Фишера,

надлежит занять место между культурологическим конструктивизмом и неodarвинизмом. Тем самым мы можем заключить, что как натуралистские, так и культурологические трактовки психической реальности не вполне отвечают оптике философской антропологии, и избыточная «виртуализация» последней приводит, скорее, к вольной интерпретации, нежели углублению исследования. Орест Толоне пишет о вкладе Плеснера в философию медицины. Опираясь на теорию эксцентричности, он видит необходимым условием выздоровления, или, по меньшей мере, надежды на него расхождение между «Я виртуальным» и «Я реальным», эксцентричным. Как и в случае с физически больным человеком, который прилагает наибольшее количество усилий, чтобы дистанцироваться от истязавшей тело болезни, отрицая ее принадлежность к себе и обозначая чем-то «внешне-автоматическим», так и в случае душевной жизни необходимым обстоятельством сохранения здоровья является отсутствие идентификации с переживаемым миром [Tolone O., 2014]. Соответственно, можно заключить, что человек ни в коей мере не тождествен психическому миру, хотя приведенная параллель и выглядит довольно натянутой. Учитывая то обстоятельство, что, к примеру, в случае патологии, патологические образования неотъемлемы от тела и развиваются вместе с ним по законам самого тела, а последнее, в свою очередь, по тому же Плеснеру — одна из детерминант нашего существования. Кроме того, у основателя философской антропологии генезис эксцентричности начинается с описания эволюции биологической жизни, а не социальной/культурной. Конечно, биологические условия еще не делают человека Человеком, однако и сведенный к социальному конструкту человек больше не Человек, а, пользуясь выражением Й. Фишера, интерпретация-схема, разобренная с живым телом. Уиб Эрнст, анализируя основные принципы философской антропологии Плеснера, говорит о законе утопической позиции, сущность которого состоит в постоянном и одновременно недостижимом поиске места в мире. Обреченный на «конститутивную бездомность», человек вынужден находиться на расстоянии как от физического существования, так и от воспринимаемого опыта. Однако его желание обрести целостность или иначе — позицию «однознач-

ной фиксации», вызывает чувства связанности с «другими», которые выходят за индивидуальное бытие и мышление. Подобная «отстраненная позициональность», способная вычеркнуть собственное Я, и составляет, по словам Уиба, человеческую субъективность [Ernste H., 2014, p. 251–253]. Таким образом, человек есть «не-что», распятое между социальным измерением и биологической неустроенностью. Ханс-Петер Крюгер, проводя параллели между «тремя плато» Джона Дьюи и «ступенями органического» Х. Плеснера, называет позицию последнего философией «негативности Абсолюта», поскольку «натурфилософия Плеснера завершается не законченным репертуаром поведения, а, скорее разрывом, который ставит личную жизнь про вопрос... без возможности когда-либо найти какое-то окончательное решение, хотя последнее должно быть достигнуто здесь и сейчас» (перевод наш. — К.К.) [Krüger H.-P., 2019, p. 63]. С одной стороны, эксцентрическая позициональность содержит необходимые условия для дальнейшего эксцентрирования поведения людей, когда осуществляется серия переходов от личных ролей к отдаленному миру символических форм и разума. Так, во-первых, сближается представление о «я» индивидуальном с «я» универсальным. Во-вторых, проводится генерализация накопленного опыта в языке и человеческих артефактах. С другой стороны, действует противоположная тенденция, завязанная на рецентрировании, производящемся вокруг телесности организма и его взаимодействиях с окружающей средой, поскольку живые существа никогда не обладают «чистым» разумом [Krüger H.-P., 2019, p. 63]. Так, эксцентричность сменяется концентричностью, и наоборот — они то объединяются, то распадаются на независимые элементы, когда, говорит Крюгер, мы эксцентрируемся в непритворном смехе и рецентрируемся в непритворном плаче. Бас Хэнгстменгель, рассматривая Х. Плеснера как социального теоретика, акцентирует внимание на идее неразрывности «я» и социальной роли. «Не может быть внутреннего человека без человека внешнего. Внешний человек делает возможным внутреннего человека» (перевод наш. — К.К.) [Hengstmengel B., 2014, p. 290]. Но на этом он не останавливается, утверждая, что и с внутренней стороны своего бытия «человек никогда не может быть единым

со своим “я”, но только лишь с чем-то, с кем-то, со “мною”» (перевод наш. — К.К.) [Hengstmengel B., 2014, p. 290]. Поэтому, заключает он, во вселенском *theatrum mundi* личность и есть исполняемая роль. И контакт с другими так же возможен только через соприкосновение ролей. Наконец, Петран Кокелькорен в статье, посвященной поискам источников самости, рассуждает о лингвистической иллюзии Я. На примере топологической модели З. Фрейда, он приходит к выводу, что так называемая внутренняя жизнь, раскрываемая психоанализом в виде структуры, состоящей из целого ряда компонентов, — не более, чем поствикторианская модель личности, описанная на характерном для XIX столетия индустриальном языке. Когда же добыча полезных ископаемых перестала быть трендом социально-экономического развития, над фрейдовской психической реальностью нависла существенная угроза со стороны цифровых технологий [Kockelkoren P., 2014, p. 321–323, 326]. Выдвигая гипотезу о том, что в системе Х. Плеснера человеческое самосознание — одно из следствий самоорганизации живого, он исключает из определения психического телесное измерение личности. Последнее становится «свершившимся» достоянием исторического развития и утрачивает статус действующего агента. Вместо этого нам предлагается сосредоточиться на разоблачении лингвистических ошибок, придающих понятиям характер «реального». Ибо живое тело современного человека — не более, чем марионетка, подчиненная символическому порядку [Kockelkoren P., 2014, p. 323]. И только лингвистическая дисциплина может исцелить его неудовлетворенность наличной ситуацией, освободив желания «от языкового кокона» [Kockelkoren P., 2014, p. 323].

Таким образом, мы видим, что в указанных работах тема психической реальности в философии Плеснера затрагивается лишь косвенно. При этом существенную роль в ее определении играет понятие эксцентричности человеческого бытия, а вектор исследований зависит от того, какая из детерминант человеческого существования признается основополагающей: тело, внутренний мир или же мир духовный. В свою очередь, в самих философских произведениях немецкого классика проблеме психического уделено немало внимания. А в трактате «Ступени органического и человек» проводится

глубокий анализ предшествующих философских трактовок. Из чего можно сделать вывод о ее существенном для антропологической мысли значении.

Истоки проблемы психической реальности в психофизическом параллелизме Нового Времени

Основатель философской антропологии начинает изучение феномена психического с реконструкции его генезиса и последующего переноса предмета исследования с онтологии и гносеологии в область науки о законах и категориях жизни. В. Дильтей является основным методологом Х. Плеснера. Герменевтическая же логика Дильтея как метод исторического познания, имманентный самой жизни, работает на философскую антропологию, поскольку ее цель — «понять жизнь из нее самой» [Философы двадцатого века..., 2004, с. 67], роль других и целостность человеческой природы через преодоление субъект-объектной парадигмы. Пересмотр прежних отношений между человеком и миром с противоборствующих начал на их понимание в качестве элементов структуры, образующей непосредственность связи «человек — мир». Однако герменевтика как ключевой метод исследования психического активно используется только после того, как последовательно развенчиваются декартовские, фихтевские и маховские трактовки психической реальности.

Х. Плеснер отмечает, что в истории философии вопрос определения понятия психической реальности и его границ часто фигурировал в свете психофизической проблемы, появившейся в XVII в. благодаря представителю рационализма — Р. Декарту. В незаконченном трактате 1664 г. «Человек» Декарт моделирует абстрактную конструкцию, позволяющую ему описывать универсальные человеческие свойства. Так, основной характеристикой идеализированного объекта объявляется его распадение на две параллельно действующие субстанции: душу и тело. Декарт предлагает осуществить их независимое рассмотрение, после чего изучить, как они взаимодействуют между собой, «образуя подобных нам людей» [Декарт Р., 2012, с. 6]. Он проводит аналогию телесности с архитектурными сооружениями, часовыми и земельными механизмами и. т.д., после чего за-

ключает, что человеку как воплощению разумной души отводится роль управителя телом, именуемым им машиной. Душа, заключенная в машину, помышляет те или иные идеи. «И так составляются химеры и гиппогрифы в воображении тех, кто грезит, бодрствуя, т. е. кто небрежно дает блуждать своей фантазии без того, чтобы внешние предметы отвлекали ее или же она была ведома их разумностью» [Декарт Р., 2012, с. 89]. По Декарту, сущность телесных вещей состоит в протяжении. Следовательно, «к реальным качествам телесных вещей могут относиться только те свойства, которые так или иначе укоренены в таком основополагающем качестве телесных вещей, как протяжение, или же могут быть выведены из него» [Дмитриев Т.А., 2012, 2012, с. 134]. Как утверждает Т.А. Дмитриев, «новшество психофизиологии Декарта заключается... в предпринятой им попытке объяснить все отправления человеческого тела исключительно при помощи механических причин на основе достижений нового европейского естествознания» [Дмитриев Т.А., 2012, с. 133].

В акте рефлексии о себе Я становится для меня постижимым как свое иное мышления. Однако, когда речь ведется о *res cogitans*, отмечает Плеснер, мы также можем говорить о нем «только с позиции обращенности к самому себе» [Плеснер Х., 2004, с. 54]. И в том, и в другом случае метод наблюдения становится доступным лишь в ограниченном собой способе восприятия. Самобытие наделяется статусом несомненной действительности, в то время как Другие его утрачивают вслед за вещами. «Тезис, что я как Я со свойственным ему самоположением принадлежу к внутреннему бытию, претерпел обращение в тезис о принадлежности внутреннего бытия исключительно мне самому» [Плеснер Х., 2004, с. 54]. Поскольку установлены границы внутреннего бытия и произведено его перенесение на «Я», то оно единственное способно постигать качественные характеристики, в то время как количественное, т.е. измеримое, отдано на откуп законам механики, соответствующим представлениям о природе Нового Времени. Следовательно, деятельность *res cogitans* выражается через «враждебную всякой протяженности мыслительность, внутреннее бытие нашего Я... [отсюда] стремление спасти явления от растворения их в про-

тяженном бытии, а качества — от поглощения их механизмом» [Плеснер Х., 2004, с. 54]. Тогда внутренний опыт представляет собой свидетельство о собственном я, а внешний — об ином. Но, вместе с тем, манифестируется и принципиальная независимость одного от другого, ибо идея лишена протяженности, что выражается в ее принципиальной неизмеримости, а тело — мышления. Так происходит деление нашего способа познания мира на знание о теле (физику) и самопознание я (психологию).

Критика И.Г. Фихте в связи с однонаправленностью процессов восприятия и соразмерностью психического — сознанию

По мнению Плеснера, прямым наследником идей Декарта, посвященных психической реальности, выступает И.Г. Фихте. Почему был избран именно он? Полагаем, на то имелось две причины: во-первых, в «Наукоучении» первого периода творчества, Фихте стремился объяснить процесс саморазвертывания абсолютного Я, который в определенной мере совпадает с культурогенезом. При этом масштаб его объяснительной схемы не позволял включить в логику деятельности абсолютного Я мир природных явлений. Во-вторых, результат деятельности Я — смысловая ткань реальности: единство духовной и материальной оснований. А как мы знаем, именно психическое — место обетования смыслов. По словам Плеснера, «закрытая для всего иного, любая форма сознания, по формулировке Фихте, является самосознанием, независимо от того, идет ли речь о данных внешнего или внутреннего мира» [Плеснер Х., 2004, с. 68]. Выстраивая философскую систему, он исходит из близкого к Декартовскому смысла самосознания Я, хотя и в ряде моментов отличающегося от него (к примеру, Фихте, вслед за Кантом, утверждал, что внешний опыт так же обладает непосредственностью, как и опыт внутренний). Он заключает, что, поскольку в основе непосредственно достоверного может лежать лишь такой принцип, который делает возможным само сознание, то и эмпирическая сторона Я, а вслед за ней и наличные в сознании какие бы то ни было факты им не являются. К самосознанию относится исключительно самополагающее Я. То есть само сознание, включающее и объемлющее мир. Самополага-

ющее Я есть «акт практического разума, воли, акт, в котором Я само себя порождает» [Гайденко П.П., 1990, с. 12], поскольку «было бы величайшей несообразностью предположить, что я был прежде, чем я был, чтобы привести к бытию себя самого» [Фихте И.Г., 1993, с. 80]. По Фихте, в акте самосознания субъект (активно-действенное начало) и объект (пассивно-страдательное) — тождественны. Однако, как указывает Х. Плеснер, даже в таком случае внешнее восприятие может считаться внешним по большей части благодаря своему содержанию, но по своему характеру оно, тем не менее, остается внутренним, поскольку связано с самосознанием. Потому и задача, поставленная Фихте перед человеком — «породить свое Я из глубин собственной самости, а вместе с тем породить и дух как таковой — родиться в духе» [Гайденко П.П., 1990, с. 13]. Следует отметить, что не все современные исследователи согласны с подобной трактовкой Фихте. Существуют позиции, ставящие акцент на ключевой роли теологического образования в конструировании концептуального аппарата немецкого идеалиста. В том числе и переработанного понятия абсолютного Я, исключающего присущие ему ранее субъективные компоненты. Так, утверждается, что в поздних редакциях своих работ «Фихте постепенно склонялся от субъективного идеализма к объективному, от индифферентной ко всяческой религии философии свободы к философии религии, которая творческую свободу человека заменяет на преклонение перед необходимостью, которая понимается мыслителем как Божественное предопределение» [Горохов П.А., 2010, с. 10]. Тем не менее, для Х. Плеснера представляется более важной связь учения Фихте с сопредельным миром других. Поэтому и логика исследования психической реальности движется сквозь И.Г. Фихте к В. Дильтею, посвятившему труды жизненному миру человека. Тем более, что работа Фихте — «Факты сознания», не отменяет критических замечаний Плеснера.

В изложенных теориях естественная установка бессильна, поскольку всякое различие идентифицирует себя и располагается исключительно в границах сознания. Следовательно, и элементы внешнего мира, репрезентированные в сознании, так же опосредованы психическим. Здесь протекает граница идеалистиче-

ских представлений и, одновременно обнаруживается их проблематичность. Тело, будучи вещью протяженной, относится к самосознанию, которое понимает его посредством внешнего восприятия. Одновременно оно выступает необходимым звеном в получении нашим Я материала для формирования представлений, занимая промежуточное положение, и, одновременно — исполняя главенствующую роль посредника и объединителя. В этом, говорит Плеснер, проявляется психофизическая целокупность нашей самости. Вместе с тем он незамедлительно задается вопросом: «как же может какая-либо сфера быть заключенной в своих границах во внешнем мире и в то же время заключать в себе внешний мир?» [Плеснер Х., 2004, с. 69]. Мир, который располагается на периферии имманентного нам чувствования с причастными ей органами восприятия. В этом несоответствии, на взгляд мыслителя, и заключается радикальный дуализм, разрушающий себя. Тело, говорит Плеснер, мост от внутреннего мира к внешнему. Однако, введенное ранее допущение об имманентности обрывает мосты, объединяющие два мира. Переход становится невозможным благодаря критической разнородности между «протяженностью» и «глубиной». Впрочем, и сам способ перехода остается для нас непостижимым вместе со старой тайной генезиса сознания, связующей проблему зарождения мышления с механическими раздражениями в коре головного мозга. Одна из возможных альтернатив была предложена представителем эмпириокритицизма — Эрнстом Махом, принявшего за отправную точку понятие ощущения. Будучи исходным материалом для всех наличных в сознании представлений, ему надлежало взять на себя разрешение фундаментальной неопределенности, а именно структурировать знание о психической реальности и наметить ее корреляцию с феноменами, бытующими в объективном мире. В понятии ощущения «мы достигаем пределов допустимого для картезианской альтернативы: одновременного полагания предпосылок к самопреодолению дуализма двух миров по законам его собственной перспективы» [Плеснер Х., 2004, с. 70]. Подобный ход мысли приводит Х. Плеснера к необходимости рассмотреть теорию Э. Маха.

Психофизический монизм Э. Маха и его последствия в представлениях о психической реальности

Предпосылки воззрений Э. Маха можно обнаружить, если обратиться к исследованиям культурно-исторического контекста австрийской философии. По словам Л.В. Низьевой, связь психического с физиологическим «типична для австрийской философской традиции» [Низьева Л.В., 2015, с. 8]. Она характеризует австрийский подход к психологии как позитивистский по своей сути, поскольку в фокусе внимания Маха располагались преимущественно физиолого-психические процессы, к истолкованию которых прилагалась естественнонаучная методология, выражающаяся в «терминах “объективного языка физики”» [Низьева Л.В., 2015, с. 11]. Данная особенность проявлялась в последовательных попытках развить психологическую концепцию «психологии без души» [Мах Э., 2003, с. 45], игнорирующей действительность мыслящего, переживающего и действующего субъекта. А сама доктрина психофизического монизма сформировалась под влиянием Дж. Беркли, Д. Юма и в особенности Г.К. Лихтенберга (1740–1799), к которому Мах испытывал симпатию из-за необычайного скептицизма последнего [Жеребин А.И., 2013, с. 137]. Основными идеями Э. Маха можно назвать следующую триаду: во-первых, представление о реальности как комплексе ощущений, во-вторых, идея невозможности Я. В-третьих, принцип экономии мышления. Для раскрытия «психологических» следствий первой идеи обратимся к немецкому мыслителю. Как утверждает Х. Плеснер: «Вследствие всецелой квантификации тела все его качественные характеристики оказываются субъективированными и истолкованными как всего-лишь-явления, а впоследствии — как ощущения» [Плеснер Х., 2004, с. 57]. Здесь весьма уместными представляются слова Лихтенберга: «Я хотел бы, чтобы материя когда-нибудь взялась писать о человеческой душе» [Лихтенберг Г.К., 1965, с. 105]. Конечно, — возражает Плеснер, — ощущение ни в коей мере не служит для познания предпосылкой. И «рассматриваемое как элемент представления оно, вместе с последним, включено во внутренний мир» [Плеснер Х., 2004, с. 70], поэтому психические процессы со-

ставляют непосредственную реальность, в пределах которой осуществляется познавательная деятельность. Соответственно, психология и теория познания у Маха совпадают.

Мах утверждает, что не существует деления на внутреннее и внешнее с отличной от последнего вещью, «существуют только одного рода элементы, из которых складывается то, что считается внутренним и внешним» [Мах Э., 2005, с. 260]. Ему представляется допустимой аналогия между физическими свойствами и ощущениями, ибо «сами по себе они идентичны, а только различны в зависимости от точки зрения, с которой они рассматриваются» [Мах Э., 2005, с. 42]. Однако Х. Плеснер оспаривает философскую позицию Маха, указывая на явный парадокс его системы. Элементы мира, будучи воспринятыми и интерпретированными человеком, остаются продуктами внутренней реальности, и тезис о ее соответствии реальности внешней не устраняет сложившейся перспективы.

Мах относит к психической реальности множество феноменов: чувства, переживания, инстинкты, рефлексy, представления, внимание, память, воля, интеллект, идеи, понятия, размышления, фантазии и воображение. При этом их статус, роль и значение этих феноменов напрямую определяется пользой для познания. Так, фантазия у него располагается рядом с ассоциацией (напр. см. стр. 73, 186 «Анализа ощущений»). А представления, к которым они относятся, «играют для нас роль посредников, заместителей» [Мах Э., 2005, с. 74]. Фантазмы понимаются как обманы чувств или же заблуждения познания [Мах Э., 2005, с. 188]. Воображение не имеет цены, если не позволяет «дойти до воспроизведения фактов чувственного мира» [Мах Э., 2005, с. 264]. Цель фантазии и воображения — «приспособление наших мыслей к фактам действительности» [Мах Э., 2005, с. 264], причем приспособление полезное, благоприятствующее развитию в элементарном физиологическом контексте. Как мы видим, и воображение, и фантазия у Маха выступают, скорее, вспомогательными величинами, необходимыми, к примеру, для геометрических построений, т.е. воплощению идей в тех или иных сооружениях.

С представлением о комплексе ощущений тесно связана идея невозможности Я. По сло-

вам Е.С. Черепановой, Я — для Маха понятие безнадежное. «Именно с “Я” связано разделение мира на субъективный и объективный, и коль скоро мы объективное считаем комплексом элементов, из которых состоят наши ощущения, то вопрос о “субъективности” представлений снимается» [Черепанова Е.С., 1999, с. 74]. Как и прочие предельные вопросы философии, Я объявляется химерой. Ему дозволено лишь «зафиксировать жизнь... в качестве местоимения, которое, как и другие слова — например, Бог, огонь, нечто, — есть слабая попытка назвать неназываемое» [Черепанова Е.С., 1999, с. 74]. Поэтому Я, взятое в отдельности, по Маху, к жизни не относится и представляет, скорее, словесный фетиш, фикцию. Так мы переходим к третьей идее Э. Маха — принципу экономии мышления. Мах наделяет все психическое прагматической целесообразностью. Э. Гуссерль называет экономию мышления телеологическим принципом Маха-Авенариуса и дополнительно увязывает его с идеями развития и приспособления, получивших распространение в биологических науках. Как действия животного, так и поступки человека определяются сложившимися представлениями и суждениями. Будь они недостаточно адаптированными к действительности, заключает Гуссерль, «сохранение было бы невозможно» [Гуссерль Э., 2011, с. 172]. Хотя в указанном выводе еще и не содержится идея экономии мышления, тем не менее, настаивает Гуссерль, «эта мысль тотчас же напрашивается, как только мы точнее обдумаем, чего требует идея приспособления» [Гуссерль Э., 2011, с. 173]. Речь ведется о наименьшей затрате сил при достижении наибольшего результата, что и является благоприятным фоном развития. При этом немецкий мыслитель принимает в расчет преэминентность идей классического позитивизма и рассматривает эмпириокритицизм как его вторую стадию, не уделяя равного внимания культурным особенностям австрийского региона.

Хочется отметить, что Э. Мах, определяя границы психической реальности, в силу своей методологической установки, вынужден исходить из сенсуализма. Тем самым затрудняется разрешение вопроса об отношении к Другому. Поскольку фундаментализированное понятие ощущения ограничивает «данное нам» реальное объектами материального мира, постольку

из психической реальности удаляется все, что в ней диагностируют науки о духе, психология, а, позже и психоанализ: смыслы, ценности, духовность, мироощущение и мироотношение, переживания и т.д. Соответственно, феномены, не поддающиеся, согласно правилам классической науки Нового Времени, опытной проверке. Кроме того, отмечает Плеснер, из области «действительно наличного» выпадают и созерцаемые, пусть и формальные, а потому и не воспринимаемые чувством такие компоненты психического, как гештальтное качество¹, ритмика² и занимаемое представлениями то или иное положение.

Получается, в теории Маха как минимум проблематично, а как максимум — невозможно восприятие чужой психической реальности, поскольку последнее остается внешним и причастно сугубо физическому пространству протяженности. Иначе как истолковать Другого,

¹ Понятие гештальт-качества заимствовано Плеснером у первопроходца гештальтпсихологии — Христиана Эренфельса, поставившего в одноименном произведении 1890 г. проблему целостности восприятия. Плеснер называет гештальт сверхсуммативным образованием, представляющим нечто большее, нежели сочленение отдельных частей или чисто непосредственного чувственного опыта. Кроме того, он приводит выдержки из работ немецкого философа Йоханнеса Фолькета, употребляющего понятие «комплексного качества» как эквивалент «гештальтного качества», что наталкивает на мысль об отсутствии единого определения гештальта. Применительно к философской антропологии гештальт можно понимать как некую форму упорядочения чувственного опыта. По словам немецкого мыслителя, даже когда речь ведется о животных, те или иные формы ощущения (осознательные, слуховые, обонятельные и др.) определяют поведение живых существ не в качестве единичных данностей, а в виде целого комплекса, образующего неразрывную связь. По отношению к человеку понятие гештальта употребимо, когда речь ведется о двuasпектности существования: с одной стороны, растворении единого в многообразии частей, с другой, сосредоточенности в центральной точке. Однако целое не имеет собственного расположения, а как бы растекается в круговом взаимодействии с частями.

² По мнению Плеснера, ритмика едва ли не центральная характеристика живого. Ее присутствие мы обнаруживаем практически в любом явлении жизни: от осуществляющейся внутри организма сердечной деятельности, кривой роста, перистальтики ЖКТ вплоть до смены дневных циклов и времен года. Именно интенсивность протекания жизненных процессов представляет своеобразную «мелодию жизни». Ритмика вариативна и связана с живым движением, которое отлично от неживого пространства абсолютной детерминированности тем, что наделено иррациональностью и спонтанностью. Тем, что Плеснер называет «свободой по отношению к форме в пределах формы».

если господствует убежденность в том, что он первоочередно представляется нам лишенным содержания физическим предметом? Поскольку снаружи мы не имеем ничего кроме тела, попавшего в поле чувственного восприятия, «каким образом мой взгляд способен соприкоснуться сквозь эту физическую поверхность с душевными движениями, лежащим “позади” нее?» [Плеснер Х., 2004, с. 71]. По словам Плеснера, спор с декартовским принципом альтернативы пронизывает всю историю философии Нового времени [Плеснер Х., 2004, с. 82], включая и переход на неклассический этап науки, к которому философы науки относят эмпириокритицизм как ее [науки] переходную форму. Так, исключая из фокуса внимания роль живого тела как медиатора внутреннего и внешнего пространств, Декарт и Фихте оказывались в ловушке самосознания, в то время как Э. Мах, с одной стороны, сталкивался с той же проблемой, ибо ощущение есть часть внутреннего восприятия, с другой — воссоединял связь человека с миром путем обращения к телесности. Однако применительно к психической реальности предложенная им модель познания описывала скорее физиологические процессы отдельного организма, наложенные на психологию (вспомогательную науку, по Маху) конца XIX столетия, нежели живое взаимодействие людей друг с другом. В этом плане философская позиция Плеснера в корне отлична. Как полагал немецкий мыслитель, лишь биология, принятая в качестве фундамента исследования и прочтенная как философское учение о категориях жизни, позволит преодолеть дуалистическое мировоззрение, а с ним — и непознаваемость Другого.

Заключение

Х. Плеснер стремился реактуализировать идеи новоевропейской традиции и показать изначальность эксцентрической сущности человека, а с ней — и психического измерения личности. Однако переход к герменевтической методологии, позволивший обосновать как центрическую, так и эксцентрическую позициональность, происходит в результате последовательной критики нескольких типов психической реальности и вариантов решения классической психофизической проблемы в лице представителя классической философии — Р. Декарта.

Обнажая суть дуалистических позиций, Х. Плеснер указывает на неприемлемость дуализма, равно как и редукционистских объяснений, низводящих целостность жизни к одному из ее проявлений. Для разрешения противоречий Плеснер предлагает обратиться к комплексу биологических наук, тем самым выдвигается тезис об основополагающей роли биологии, однако на этом уступка эволюционизму заканчивается, ибо общая теория жизни не дает исчерпывающих объяснений человеческого существа, хотя и предсказывает ряд тенденций и закономерностей его развития. А для описания специфики человеческого бытия необходим иной подход, который видится Плеснеру в методе герменевтики В. Дильтея как искусстве прочтения истории жизни и акценте на ее неповторимом характере.

Между тем, можно заметить, что подход Х. Плеснера к пониманию психического имеет ряд ограничений. Во-первых, ключевыми фигурами своего рассмотрения Плеснер избрал типичных представителей рационализма (Р. Декарт), идеализма (И.Г. Фихте), позитивизма (Э. Мах). Однако в ходе критики Плеснер не отказался полностью от взглядов данных мыслителей. От Декарта была заимствована психофизическая проблема, затем декартовская дихотомия наложилась на теорию культурогенеза Фихте, а от Э. Маха была воспринята идея невозможности Я, хоть и в иной трактовке. Кроме того, диалектическая логика, которой руководствовался Плеснер в ходе своей исторической критики, определила последующее обращение Плеснера к противоположной по мировоззренческой установке философии жизни. Поэтому труды В. Дильтея стали его основным аргументом в обосновании философской антропологии. И рассуждения о значении и месте психического, невзирая на серьезную критику, развивались в духе В. Дильтея. Соответственно, можно заключить, что герменевтический подход Дильтея как метод исторического познания, имманентный самой жизни, работает в философской антропологии Плеснера, поскольку ее цель — объяснить жизнь, исходя из нее самой, и определить роль других в обретении целостности человека, в то время как герменевтика и экзистенциальная аналитика Хайдеггера, напротив, не работает, и онтологическая роль языка остается где-то на заднем

плане. Во-вторых, дальнейшее смещение Плеснером рассуждений с понятия человека на общую теорию личности привело к появлению целого ряда идейных наследников, сблизивших представления о внутреннем мире человека с концепциями социального конструктивизма. Ибо в модели психической реальности, изображенной Плеснером, понятия Я и личности (понимаемой в качестве персоны) тождественны. На наш взгляд, излишнее недоверие, высказываемое Плеснером в отношении «авторства» переживания, привело к отказу от рассмотрения психического измерения личности за границами социальных ролей, а раз так, то дисквалифицированными видами знания, о которых говорят М. Фуко и неклассическая антропология, можно было в определенной степени пренебречь. В этом смысле философский анализ Плеснера есть исследование психического в нормальном, здоровом и стабильном состоянии.

Список литературы

- Гайденко П.П. Парадоксы свободы в учении Фихте. М.: Наука, 1990. 128 с.
- Горохов П.А. Работа Иоганна Готлиба Фихте «Факты сознания»: двести лет в философской сокровищнице // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 7(113). С. 4–10.
- Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э.А. Бернштейн. М.: Академ. проект, 2011. 253 с.
- Декарт Р. Человек / пер. с фр. Б.М. Скуратова // Декарт Р. Человек / сост., примеч., послесл. Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2012. С. 6–110.
- Дмитриев Т.А. Человек-дух и человек-машина в философии Рене Декарта // Декарт Р. Человек / сост., примеч., послесл. Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2012. С. 128–190.
- Жеребин А.И. Эрнст Мах и проблема разрушения личности // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 135–145.
- Лихтенберг Г.К. Афоризмы / пер. с нем. Г.С. Слободкина. М.: Наука, 1965. 345 с.
- Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому / пер. с нем. М.: Территория будущего, 2005. 304 с.
- Мах Э. Познание и заблуждение: Очерки по психологии исследования / пер. с нем. Г.А. Котляра. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. 456 с.
- Низьева Л.В. Философия Э. Маха в контексте австрийской философской традиции: эмпириокритицизм, критика языка и импрессионизм: ав-

тореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2015. 21 с.

Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.

Философы двадцатого века. Кн. 1 / под науч. ред. А.М. Руткевича, И.С. Вдовиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Искусство XXI век, 2004. 367 с.

Фихте И.Г. Назначение человека // Фихте И.Г. Сочинения: в 2 т. / пер. с нем. СПб.: Мифрил, 1993. Т. II. С. 65–224.

Черепанова Е.С. Философский регион «Австрия»: от теории предмета к экологической катастрофе. Екатеринбург: Ин-т философии и права УрО РАН, 1999. 142 с.

Ernste H. Eccentric Positionality and Urban Space // Plessner's Philosophical Anthropology: Perspectives and Prospects / ed. by J. de Mul. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, 2014. P. 243–259. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048522989-015>

Fischer J. Philosophical Anthropology: A Third Way between Darwinism and Foucaultism // Plessner's Philosophical Anthropology: Perspectives and Prospects / ed. by J. de Mul. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, 2014. P. 41–55. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048522989-003>

Hengstmengel B. Helmuth Plessner as a Social Theorist: Role Playing in Legal Discourse // Plessner's Philosophical Anthropology: Perspectives and Prospects / ed. by J. de Mul. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, 2014. P. 289–300. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048522989-018>

Kockelkoren P. The Quest for the Sources of the Self, Seen from the Vantage Point of Plessner's Material a Priori // Plessner's Philosophical Anthropology: Perspectives and Prospects / ed. by J. de Mul. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, 2014. P. 317–333. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048522989-020>

Krüger H.-P. T How is the Human Life-Form of Mind Really Possible in Nature? Parallels Between John Dewey and Helmuth Plessner // Human Studies. 2019. Vol. 42, iss. 1. P. 47–64. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10746-017-9429-5>

Mul J. de. Artificial by Nature: An Introduction to Plessner's Philosophical Anthropology // Plessner's Philosophical Anthropology: Perspectives and Prospects / ed. by J. de Mul. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, 2014. P. 11–37. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048522989-002>

Tolone O. Plessner's Theory of Eccentricity: A Contribution to the Philosophy of Medicine // Plessner's Philosophical Anthropology: Perspectives and

Prospects/ ed. by J. de Mul. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, 2014. P. 163–175. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048522989-010>

References

Cherepanova, E.S. (1999). *Filosofskiy region «Avstriya»: ot teorii predmeta k ekologicheskoy katastrofe* [Philosophical region «Austria»: from the theory of the subject to the ecological catastrophe]. Yekaterinburg: IPhL UB RAS Publ., 142 p.

Descartes, R. (2012). [Treatise on Man]. Dekart R. *Chelovek* [Descartes R. Treatise on Man]. Moscow: Praksis Publ., pp. 6–110.

Dmitriev, T.A. (2012). [Man-spirit and man-machine in the philosophy of René Descartes]. Dekart R. *Chelovek* [Descartes R. Treatise on Man]. Moscow: Praksis Publ., pp. 128–190.

Ernste, H. (2014). Eccentric positionality and urban space. J. de Mul (ed.) *Plessner's philosophical anthropology: Perspectives and prospects*. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, pp. 243–259. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048522989-015>

Fichte, I.G. (1993). [The Vocation of Man]. Fikhte I.G. *Sochineniya: v 2 t. T. II* [Fichte I.G. Works: in 2 vols]. St. Petersburg: Mifril Publ., vol. 2, pp. 65–224.

Fischer, J. (2014). Philosophical anthropology: a third way between Darwinism and Foucaultism. J. de Mul (ed.) *Plessner's philosophical anthropology: Perspectives and prospects*. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, pp. 41–55. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048522989-003>

Gaydenko, P.P. (1990). *Paradoksy svobody v uchenii Fikhte* [Paradoxes of freedom in Fichte's doctrine]. Moscow: Nauka Publ., 128 p.

Gorokhov, P.A. (2010). [Work of Johann Gottlieb Fichte «Facts of consciousness»: two hundred years in philosophic treasury]. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University]. No. 7(113), pp. 4–10.

Hengstmengel, B. (2014). Helmuth Plessner as a social theorist: role playing in legal discourse. J. de Mul (ed.) *Plessner's philosophical anthropology: Perspectives and prospects*. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, pp. 289–300. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048522989-018>

Husserl, E. (2011). *Logicheskie issledovaniya. T. I: Prolegomeny k chistoy logike* [Logical investigations. Vol. 1: Prolegomena to pure logic]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 253 p.

Kockelkoren, P. (2014). The quest for the sources of the self, seen from the vantage point of Plessner's material a priori. J. de Mul (ed.) *Plessner's philo-*

sophical anthropology: Perspectives and prospects. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, pp. 317–333. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048522989-020>

Krüger, H.-P. (2019). How is the human life-form of mind really possible in nature? Parallels between John Dewey and Helmuth Plessner. *Human Studies*. Vol. 42, iss. 1, pp. 47–64. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10746-017-9429-5>

Lihtenberg, G.K. (1964). *Aforizmy* [Aphorismen]. Moscow: Nauka Publ., 345 p.

Mach, E. (2003). *Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya* [Cognition and delusion. Essays on psychology]. Moscow: BINOM. Laboratoriya Znaniy Publ., 456 p.

Mach, E. (2005). *Analiz oschuscheniy i otnoshenie fizicheskogo k psikhicheskomu* [The analysis of sensations, and the relation of the physical to the psychical]. Moscow: Territoriya Buduschego Publ., 304 p.

Mul, J. de (2014). Artificial by nature: an introduction to Plessner's philosophical anthropology. *J. de Mul (ed.) Plessner's philosophical anthropology: Perspectives and prospects*. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, pp. 11–37. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048522989-002>

Niz'eva, L.V. (2015). *Filosofiya E. Makha v kontekste avstriyskoy filosofskoy traditsii: empiriokrititsizm, kritika yazyka i impressionizm: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [E. Mach's philosophy in the context of the Austrian philosophical tradition: Empirio-criticism, criticism of language and impressionism: Abstract of Ph.D. dissertation]. Yekaterinburg, 21 p.

Rutkevich, A.M. and Vdovina, I.S. (eds.) (2004). *Filosofy dvadtsatogo veka. Kniga 1* [Philosophers of the twentieth century. Book 1]. Moscow: Iskustvo XXI vek Publ., 367 p.

Plessner, H. (2004). *Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Levels of organic life and the human: an introduction to philosophical anthropology]. Moscow: ROSSPEN Publ., 368 p.

Tolone, O. (2014). Plessner's theory of eccentricity: a contribution to the philosophy of medicine. *J. de Mul (ed.) Plessner's philosophical anthropology: Perspectives and prospects*. Amsterdam, NL: Amsterdam University Press, pp. 163–175. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048522989-010>

Zherebin, A.I. (2013). [Ernst Mach and the problem of personality destruction]. *Voprosy Filosofii*. No. 1, pp. 135–145.

Об авторе

Кянганен Кирилл Вячеславович
аспирант кафедры философской антропологии
и теории культуры

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: kirill.kyanganen@gmail.com
ResearcherID: JJE-3758-2023

About the author

Kirill V. Kyanganen
Postgraduate Student of the Department
of Philosophical Anthropology and Cultural Theory

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: kirill.kyanganen@gmail.com
ResearcherID: JJE-3758-2023

УДК 1:94(44)
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-483-493>
EDN: WNCHKW

Поступила: 29.05.2024
Принята: 01.12.2024
Опубликована: 27.12.2024

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОДХОДОВ К ИСТОРИИ В ФИЛОСОФИИ П. РИКЁРА: ТЕКСТУАЛЬНЫЙ, НАРРАТИВНЫЙ, ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ И ПУБЛИЧНЫЙ

Сидорова Мария Алексеевна

Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)

В философии истории доминирует нарративистская парадигма, однако она нуждается в дополнениях и корректировке. Эту парадигму изменяет Поль Рикёр, выделяя не только нарративный, но также текстуальный, эпистемологический и публичный подходы к истории. С помощью метода философской реконструкции и герменевтической интерпретации в статье проанализирована взаимосвязь указанных подходов. Выявлено включение текстуального подхода в нарративное представление Рикёра об истории. Определены нарративно-текстуальные основания эпистемологического (историографического) подхода Рикёра к истории. В частности, установлено тождество между методом исторической интерпретации и диалектикой объяснения и понимания текста. Рассмотрен публичный подход к истории в виде концепции об отражении живой памяти в нарративах участников событий. В статье доказано, что в философии Рикёра нарративное определение истории усложняется текстуальным определением и является основой эпистемологического и публичного подходов к истории. Результаты исследования могут использоваться для изучения и критики как философии Рикёра, так и нарративной теории истории в целом. Помимо этого, установленная взаимосвязь подходов может стать методологической базой для философского анализа истории, а также применяться и дополняться представителями исторических и философских наук.

Ключевые слова: философия истории, история, нарратив, текст, историография, память.

Для цитирования:

Сидорова М.А. Взаимосвязь подходов к истории в философии П. Рикёра: текстуальный, нарративный, эпистемологический и публичный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 483–493.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-483-493>. EDN: WNCHKW

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-483-493>

Received: 29.05.2024
Accepted: 01.12.2024
Published: 27.12.2024

THE INTERCONNECTION OF FOUR APPROACHES TO HISTORY IN PAUL RICOEUR'S PHILOSOPHY: TEXTUAL, NARRATIVE, EPISTEMOLOGICAL AND PUBLIC

Maria A. Sidorova

The Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow)

The narrative paradigm dominates the philosophy of history but it needs to be supplemented and adjusted. Paul Ricoeur changes this paradigm. He writes about not only the narrative but also the textual, epistemological, and public approaches to history. Using the method of philosophical reconstruction and herme-

neutic interpretation, the author of the paper analyzes the interconnection between these approaches. The study reveals the inclusion of the textual approach in Ricoeur's narrative representation of history. The article defines the narrative and textual foundations of Ricoeur's epistemological (historiographic) approach to history. In particular, the paper has established the identity between the method of historical interpretation and the dialectic of explanation and understanding of the text. The study discusses the public approach to history as a concept of the reflection of living memory in narratives. The article proves that in Ricoeur's philosophy the narrative definition of history is complicated by textual definition and is the basis of epistemological and public approaches to history. The results of the research can be used to study and criticize both Ricoeur's philosophy and narrative theory of history. In addition, the established interconnection of approaches can provide a methodological basis for philosophical analysis of history. It can be applied and supplemented by the representatives of historical and philosophical sciences.

Keywords: philosophy of history, history, narrative, text, historiography, memory.

To cite:

Sidorova M.A. [The interconnection of four approaches to history in Paul Ricoeur's philosophy: textual, narrative, epistemological and public]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 483–493 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-483-493>, EDN: WNCHKW

Введение

Со второй половины двадцатого столетия в философии истории преобладает нарративистский подход. Его предпосылкой стал известный *лингвистический поворот*, позволивший ученым отойти от классических онтологических проблем указанной дисциплины, а именно — от вопросов о сущности и этапах исторического процесса, о развитии общества, социальном прогрессе. Стала актуальной проблема об эпистемологической составляющей философии истории. Нарративисты дополнили историческое исследование чтением, письмом, интерпретацией и поставили вопрос о текстуализации реальности. Он превратился в одну из важнейших тем постструктуралистических теорий. Так, например, в работах М. Фуко [Фуко М., 1996] и Р. Барта [Барт Р., 2003] историческое прошлое получило определение нарративного конструкта. В итоге в постмодернистской философии укоренилось отождествление исторического повествования с поэтическим дискурсом. Во многом этому способствовала теория Х. Уайта. В ней историку приписана одна из ролей автора художественного текста, а именно — роль создателя сюжета исторического нарратива [Уайт Х., 2002, с. 27]. Взгляды Уайта обнажили проблему сведения истории к рассказу и послужили источником для дискуссий.

В этих дискуссиях принял участие и Поль Рикёр — представитель французской филосо-

фии субъекта, автор феноменологической герменевтики. Он получил мировую известность во многом благодаря разработанной им теории нарратива в 80-е гг. XX в. Вопросы об истории стали важной составляющей ее проблемного поля и всей философии французского мыслителя. Рикёр неоднократно обращался к понятию истории (*l'histoire*) как в ранних произведениях (сборник работ «История и истина»), так и в поздней философии истории (книга «Память, история, забвение»). Исследователи его трудов сходятся во мнении, что в них история предстает в качестве разновидности нарратива. Среди иностранных ученых об этом пишут, например, Д. Каплан [Kaplan D.M., 2003, p. 54] и Д. Вуд [Wood D., 1991, p. 16]. Отечественные исследователи мысли Рикёра с ними солидарны. Так, о его нарративной концепции истории заявляют И.С. Вдовина, С.Н. Зенкин, Е.Н. Шульга, А.В. Ямпольская [Вдовина И.С., 2019; Зенкин С.Н., 2013; Шульга Е.Н., 2015; Ямпольская А.В., 2015].

Действительно, нарративная парадигма является определяющей в философии истории Рикёра, но не единственной. Помимо нее в его работах можно обнаружить текстуальный, эпистемологический и публичные подходы к истории. В статье будет показано, что указанные подходы переплетаются в произведениях Рикёра, а их взаимосвязь является смысловым фундаментом, на котором философ выстраивает целостную концепцию истории как ответ нар-

ративистам: он предлагает рассматривать историю в значении отдельного вида нарратива, отличного от поэтического, художественного рассказа. В первой части нашего исследования будет проанализировано становление его герменевтики исторического текста и нарративной концепции истории, а также установлена их взаимосвязь. Во второй части работы будут рассмотрены эпистемологический и публичный подходы к истории в виде парадигм, выстроенных на основе представлений Рикёра об историческом нарративе — повествовании и в письменной, и в устной форме. В заключении будут сделаны выводы и предложены варианты применения результатов исследования.

Текстуальный и нарративный подходы к истории

В творчестве Рикёра представление об истории как о тексте предшествует ее нарративному определению. Французский философ разработал текстуальный подход к истории в 70-е гг. XX в. в период увлечения герменевтикой социального действия¹. Последнее он определил в значении публично осмысленного поступка. Рикёру нужно было доказать саму возможность описания действия как явления, осмысленного не только его автором, но и *другими* — любыми участниками совместного бытия, социальной сферы жизни. Для этого он сопоставил социальное действие с текстом и выделил четыре сходства между ними в статье «Модель текста: осмысленное действие как текст» (1971).

Первое сходство следует из принципа *объективации*: социальное действие, как и текст, объективировано [Рикёр П., 2008, с. 29]. Если объективация текста состоит в фиксировании смысла дискурса с помощью записи, то объективация действия — в *запечатлении* его смысла на ткани общественного пространства. Рикёр рассматривает эту социальную *запечатленность* как *запись*, *документирование* и задается вопросом: «Разве история не представляет собой документ человеческого действия?» [Рикёр П., 2008, с. 33]. Философ подразумевает утвердительный ответ. В его герменевтике со-

циального действия история предстает *записью* поступков, событий — текстом о публичных смыслах произошедшего.

Последующие аргументы об аналогии действия с текстом также содержат в себе текстуальный подход к истории. Так, согласно второму аргументу, социальное действие, как и текст, автономно от своего автора: «наши действия “убегают” от нас и приводят к последствиям, которые мы не намеревались произвести» [Рикёр П., 2008, с. 32]. Их автономность позволяет историкам вариативно фиксировать — записывать их смыслы. Третий аргумент связан с идеей преодоления действия, как и текста, своей *изначальной ситуацией*. По мнению Рикёра, «осмысленное действие — это действие, *значимость* которого распространяется за пределами его *релевантности* для изначальной ситуации» [Рикёр П., 2008, с. 33]. Иначе говоря, действие (подобно тексту) освобождено от своего ситуационного контекста, что позволяет истории как *записи сделанного* преодолевать их событийность и быть *открытой* для бесконечных интерпретаций. Об *открытости* Рикёр непосредственно заявляет в четвертом аргументе: действие, как и текст, адресовано бесконечному количеству читателей [Рикёр П., 2008, с. 34]. Следовательно, история как *запись* открыта для прочтения и толкования.

Рикёр развивает текстуальный подход к истории в своей семантике, идеи которой описаны им, например, в статье «Символическая структура действия» (1977). В ней философ именует культуру, любые действия и события символически опосредованными явлениями. Он определяет исторический текст в качестве репрезентации событий с помощью повествовательных символов. По мнению Рикёра, действия, *отпечатавшись* в социальном бытии, *записываются* в историю и «регистрируются в форме досье, документов, архивов, завершающих путь превращения человеческого действия в текст» [Рикёр П., 2017, с. 199–200]. Зафиксировав события, текст истории отражает их, но не становится их копией, потому что подпитывается воображением историков. Рикёр утверждает, что не только авторы художественных текстов, но и историки, «сочиняя интригу, изобретают ход событий, отличный от того, что происходит в действительности» [Рикёр П., 2017, с. 201–202]. При этом в его философии

¹ Основные положения созданной Рикёром герменевтики социального действия раскрыты мной в статье «Герменевтика действия Поля Рикёра: от интерпретатора к актору» [Сидорова М.А., 2024].

такая трансформация реальности с помощью вымысла не приравнивается к ее деформации. Воображение историков позволяет им реорганизовывать ход событий, создавать исторические сюжеты для того, чтобы описать, понять и объяснить произошедшее.

Связывая вымысел с функцией текста *представлять* реальный мир, Рикёр отсылает нас к нарративу (повествованию) — феномену, изучению которого он посвятил в 80-е гг. немало времени. В работе «Структура символического действия» намечен переход от текстуального подхода к истории к нарративному. В ней философ в итоге пишет: «Сквозь сито рассказанных историй мы осуществляем повествовательное прочтение нашей собственной жизни и жизни сообществ, которым мы принадлежим» [Рикёр П., 2017, с. 202].

Итоговое преобразование текстуального подхода к истории в нарративный мы встречаем в книге «Время и рассказ». Однако в ней нарративный подход не отрицает текстуальное понимание истории, потому что рикёровская концепция нарратива включает в себя понятие исторического текста. Так, у Рикёра нарратив — это повествование в широком смысле (и письменное, и устное)². При этом акценты в определении истории все-таки расставлены по-новому. Теперь для французского философа важна не столько история как форма фиксации событий (устная или письменная), сколько сам факт ее повествовательной сущности.

В книге «Время и рассказ» он наделяет историю основными признаками нарратива (повествования), а именно — свойствами подражать (*mimesis*) человеческому опыту и соединять его в единый сюжет (*mythos*). Указанные свойства он заимствует из поэтики Аристотеля, который рассмотрел поэзию в роли искусства подражания реальной практической жизни людей и определил интригу трагедии (*mythos*) как «*mimesis praxeos*» (подражание действию) [Аристотель, 1983, с. 652]. Рикёр анализирует любое повествование с помощью аристотелев-

ской пары *mimesis* — *mythos*, что позволяет ему определить исторический нарратив не как копию реальных событий, а как миметическую деятельность, которая организует факты, включая их в интригу [Рикёр П., 1998, с. 45–46]. С его точки зрения, историческое повествование формирует единство смысла события, единство самих событий, а его сюжет отражает целостность жизненного опыта людей.

Кроме того, Рикёр наделяет историю еще одним важным для него признаком нарратива — способностью преобразовывать время. Как указывает Д. Каплан, французский философ обнаружил, что «рассказ истории трансформирует “природное время” в “человеческое”, когда создает новые интерпретации и новые значения» (перевод наш. — М.С.) [Kaplan D.M., 2003, р. 54]. Объединение проблемы темпоральности истории с вопросами о ее повествовательной сущности делает концепцию Рикёра о нарративе уникальной теорией. Философским фундаментом этого объединения становятся поэтика Аристотеля и концепция времени у Августина. Как указывает Е.В. Петровская, «Рикёр как будто подвергает философов взаимному испытанию» [Петровская Е.В., 2013, с. 212]. Соединив представления Августина о времени с Аристотелевыми понятиями «*mimesis*» и «*mythos*», он формулирует основную идею своей концепции нарратива: «Время становится человеческим в той мере, в какой оно артикулируется нарративным способом, и, наоборот, повествование значимо в той мере, в какой оно очерчивает особенности временного опыта» [Рикёр П., 1998, с. 13]. В итоге время у Рикёра предстает как «препарированное историческим рассказом» [Петровская Е.В., 2013, с. 213].

Во «Времени и рассказе» описаны стадии перехода времени жизни людей в любой нарратив, в том числе и в исторический: префигуративная (мимесис-I), конфигуративная (мимесис-II) и рефигуративная (мимесис-III). Рассмотрим их особенности. Признаком первого миметического этапа является изначальная нарративная опосредованность человеческого опыта. Ее Рикёр выводит из символической опосредованности событий. С точки зрения философа, о ситуации или о поступке мы можем составить рассказ по причине их артику-

² В ней философ использует слово «*récit*», обладающее широким значением текста-рассказа-описания. Этот термин философии Рикёра переводят на английский словом «*narrative*». Подробнее об этом я писала в статье «Герменевтика действия Поля Рикёра: от интерпретатора к актору» [Сидорова М.А., 2024].

ляции в знаках, в нормах, в культуре. Рикёр называет символы культуры условиями для прочтения жизни людей как истории. Особенностью второго миметического этапа становится появление *mythos*: повествование объединяет (конфигурирует) различные ситуации, деяния в целостный *сюжет*, связывает их с помощью *интриги*. Рикёр полагает, что «идеи начала, середины и конца берутся не из опыта: это не черты реального действия, но следствия самого построения поэмы» [Рикёр П., 1998, с. 51]. По мнению философа, «история принадлежит нарративному полю, определяемому вышеназванной конфигурирующей операцией» [Рикёр П., 1998, с. 260]. Она предстает модусом повествования, соединяя отдельные события. Что касается заключительной миметической стадии, то ее Рикёр описывает как повествование от лица читающих. Он рассматривает чтение в качестве способа «рефигурации мира действия, осуществляемой под знаком интриги» [Рикёр П., 1998, с. 94]: читатели, интерпретируя, достраивают само повествование и связывают его с собственным жизненным миром. Одними из них являются историки. Они создают исторические тексты или рассказы как варианты интерпретации событий, тем самым нарративно рефигурируют (репрезентуют) опыт человечества. В интерпретациях историков настоящее пересекается с реальностью, конфигурированной повествованием.

Стоит отметить, что зачатки идеи Рикёра о роли прочтения исторического нарратива присутствуют уже в его статье «Модель текста: осмысленное действие как текст». Доказывая в ней открытость социального действия для интерпретации, он пишет: «Смысл человеческого действия — это то, что адресовано неопределенному кругу потенциальных “читателей”». Судьями являются не современники, а, как сказал Гегель, сама история» [Рикёр П., 2008, с. 34]. Если дальше проследить за ходом мысли Рикёра, то выходит, что история судит от лица ее читателей как интерпретаторов, связывающих прочитанные исторические нарративы с произошедшим и происходящим в социальном бытии. Однако, чтобы интерпретировать поступки или события, нужно изначально объединить их в сюжет, в нечто целое, а значит — составить о них повествование, текст. Поэтому чтение/интерпретация истории будет всегда актом

возвращения от исторического нарратива к самой реальности. Из чего следует, что уже в 70-е гг. в период создания герменевтики социального действия Рикёр определяет историю как результат *прочтения* жизни людей, а следовательно, и как результат интерпретации, осуществляемый посредством не только нарративной конфигурации, но и нарративной рефигурации.

После написания книги «Время и рассказ» Рикёр возвращается к нарративному подходу к истории на позднем этапе своего философского пути, а именно — в произведении «Память, история, забвение» (2000). В нем французский мыслитель ставит вопрос о взаимосвязи нарративного вымысла с реальным прошлым в историческом тексте и обращается к высказанной им во «Времени и рассказе» идее о том, что любое повествование (художественное или историографическое) устроено так, как если бы оно рассказывало о том, что действительно произошло. Другими словами, нарративность следует из самого события, поступка. Может ли историческое событие быть данным нам очищенным от повествования о нем? Рикёр отвечает отрицательно на этот вопрос, следуя завету Ханны Арендт о том, что любой поступок — это всегда поступок рассказанный [Рикёр П., 2004, с. 369]. При этом он не рассматривает действия, события как то, что предает истинность историческому нарративу. С его точки зрения, жизнь людей не является историей, а получает историческую форму посредством повествования о ней. В итоге Рикёр приходит к констатации простой, но важной идеи своей философии истории: история — это не прожитое, а нарративно конструируемое. Это определение истории является для Рикёра рабочим тогда, когда понятие нарратива включает в себя не только устное повествование, но и письменную фиксацию. Ведь в «Памяти, истории, забвении» философ возвращается и к текстуальному подходу к истории, о котором писал в 70-е гг. В этой книге он напоминает, что история — это разновидность записи, предназначенная для прочтения [Рикёр П., 2004, с. 689]. В поздней философии Рикёра нарративный подход к истории включает в себя подход текстуальный. Это включение связано с проблематикой других подходов Рикёра к истории — эпистемологического и публичного.

Эпистемологический и публичный подходы к истории

В философии Рикёра проблема исторического текста и нарратива раскрыта с помощью эпистемологического и публичного подходов к истории. Под эпистемологическим подходом мы имеем в виду научно-познавательный взгляд на историю как на историографию. Так, определение истории как способа научного познания встречается в тех работах Рикёра, в которых он обращается к вопросам об историческом письме, повествовании. В частности, такое определение становится источником для создания герменевтики социального действия. Ведь Рикёр сравнивает действие с текстом во многом для того, чтобы доказать необходимость включения герменевтики в методологию научного познания общества. Будучи критически настроенным к психологизму герменевтики Шлейермахера, Рикёр диалектически соединяет понимание с объяснением и формулирует следующую установку для наук о человеке: «Больше объяснять, чтобы лучше понимать» [Рикёр П., 2013, с. 61].

Какие науки Рикёр имеет в виду под социальными? В первую очередь, историю³. Уже в раннем творчестве Рикёра содержатся идеи о диалектическом синтезе объяснения и понимания как метода истории. Так, в сборнике работ «История и истина» (1955) философ утверждает, что историк должен дополнять объяснение событий собственным пониманием прошлого. При этом каждое понимание «несет на себе печать» объяснения (исторического анализа) [Рикёр П., 2002, с. 39]. В итоге диалектика объяснения и понимания как методология истории получила развитие в творчестве Рикёра в 80-е гг., а именно — в произведении «Время и рассказ» (1984–1988).

В первом томе этой книги он рассматривает исторический нарратив как предмет деятельности профессиональных историков. Рикёр приписывает им роли авторов и интерпретаторов исторических повествований. Историк — тот тот, кто, описывая исторический опыт людей, трансформирует его в нарратив, и тот, кто, ин-

терпретируя рассказы о событиях, создает новые исторические повествования. При этом в книге «Время и рассказ» сделан акцент на описание историков в роли создателей исторического нарратива. С точки зрения Рикёра, их задача состоит в объяснении и понимании событий с помощью исторического повествования. Философ проблематизирует объяснительную силу историографии. Он не согласен с нарративистским подходом (например, с подходами У.Б. Гэлли, П. Вейна) к исторической науке, а именно — с отождествлением ее метода объяснения с самообъяснением литературного рассказа⁴. По мнению Рикёра, для истории как науки объяснение — это цель, отличная от задач художественного повествования. Для него любое научное объяснение — это ответ «потому что» на вопрос «почему». В философии Рикёра историк как ученый является судьей: он оспаривает, либо пытается доказать, что исследуемое объяснение события качественнее другого какого-либо объяснения.

В его концепции нарратива историческое объяснение предстает доказательством наличия *лакуны* между историографией и рассказом. Однако Рикёр не отрицает, что историческое объяснение все-таки взаимосвязано с нарративным пониманием. Как указывает Дж. Ржидки, в интерпретации французского философа «историография и повествует, и объясняет» [Rídký J., 2023, p. 119]. В конечном счете, с точки зрения Рикёра, «историческое знание является производным от нарративного понимания» [Рикёр П., 1998, с. 110]. По сути, Рикёр возвращается к ранее разработанному им для социальных наук принципу «больше объяснять, чтобы лучше понимать» и конкретизирует его для историографии в работе «Время и рассказ». Философ предлагает историкам использовать объяснение или каузальный анализ при выявлении в событиях причинно-следственных связей, «объяснительная сила которых не зависит от закона» [Борисенкова А.В., 2007, с. 61]. По мнению Рикёра, объяснение является основой для такого метода исторической науки, как понимание.

³ Об этом пишет, например, С.Н. Зенкин в статье «Социальное действие и его смысл: историческая герменевтика после Рикёра» [Зенкин С.Н., 2013, с. 335].

⁴ Рикёр критически оценивает представления нарративистов об историографии. По его мнению, их ошибка состоит в том, что они не учитывают современные данные, отдающие историографию от повествовательного письма, и отрицают объяснительную силу исторического текста [Рикёр П., 1998, с. 261].

Отсылки к указанному методологическому принципу присутствуют и в поздней философии истории Рикёра. Так, в книге «Память, история, забвение» диалектика объяснения и понимания выделена в качестве отдельной фазы историографического познания действительности. Рикёр дает ей название «объяснение/понимание» [Рикёр П., 2004, с. 255], используя не союз «и», а знак «/», тем самым подчеркивая диалектическую взаимосвязь этих познавательных процедур. В интерпретации философа к этим познавательным методам истории обращаются одновременно для установления связей между документально подтвержденными фактами. Другими словами, наличие документов — это предпосылка для историографического «объяснения/понимания» событий.

В поздней философии Рикёра исторический документ оказывается тем звеном, который объединяет все производимые историками операции. Помимо «объяснения/понимания», к ним мыслитель относит еще собственно документирование, а также репрезентацию⁵. Они анализируются Рикёром не как сменяющиеся друг друга стадии работы историка, а как взаимопроникающие уровни научного познания исторической реальности. На каждом из них история предстает в виде задокументированного нарратива — в виде записи [Рикёр П., 2004, с. 329]. Фаза создания документа предполагает *запись свидетельства* — «момент, когда высказанное переходит из области устного в область письма, которую история уже никогда не покинет» [Рикёр П., 2004, с. 203], и «момент зарождения архива, который отныне станут пополнять, хранить, запрашивать» [Рикёр П., 2004, с. 203–204] для «объяснения/понимания» и для репрезентации. Фаза «объяснения/понимания» продолжает документальную интерпретацию исторического факта и приводит к письменной репрезентации истории — к созданию исторического текста («книги истории»). Этот текст постоянно переписывается и всегда возвращает историков в пространство реальных событий: «Вырванный архивом из мира действия, историк включается в него, внедряя свой текст в мир своих читате-

лей; сама же книга истории становится документом, открытым для дальнейшего переписывания: тем самым историческое познание включается в непрерывный процесс пересмотра» [Рикёр П., 2004, с. 329].

Открытость для интерпретаций — вот основной, с точки зрения Рикёра, признак исторического научного текста. В его философии интерпретация становится итоговой целью историка. Для ее осуществления создаются архивы, а сама она возникает в результате диалектики объяснения и понимания и реализуется через репрезентацию «в книге истории». Тем самым концепция историографии включена в общую логику герменевтики Рикёра, суть которой состоит в интерпретации: «Слово “герменевтика” означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретации» [Рикёр П., 2013, с. 49].

Вдобавок в позднем эпистемологическом подходе Рикёра к истории поставлена новая проблема, не получившая до этого развития ни в разработанной им для социальных наук герменевтической методологии, ни в его нарративной герменевтике, а именно — проблема памяти. В интервью О. Мачульской к русскому изданию книги «Память, история, забвение» Рикёр называет память соединительным звеном между нарративом и временем: «Память выполняет функцию свидетельства о событиях, произошедших во времени, а повествование позволяет структурировать память» [Рикёр П., 2004, с. 8]. Как указывают рикёроведы, анализ проблемы памяти в исторической науке приводит французского философа к следующему выводу: «С одной стороны, историки создают память о прошлом в документах, они формируют коллективную память. С другой стороны, эта созданная им память не является пережитой кем-то» (перевод наш. — М.С.) [White H., 2007, p. 237]. Другими словами, Рикёр обнаруживает *разрыв* между историографией и памятью, а именно — *живой памятью* свидетелей событий. Источник этого разрыва — сам исторический текст как архивирование произошедшего. Записывая, историки стремятся сохранить *живую память*, но удаляются от нее, растворяя в научных текстах рассказы очевидцев [Рикёр П., 2004, с. 689]. Они, по мнению Рикёра, занимаются «погребением» [Рикёр П., 2004, с. 691]. Что философ имеет в виду, используя такую метафору? То, что исторический научный текст, претендуя на достоверные умозаключе-

⁵ Рикёр выделил три фазы историографии (фаза документирования, фаза объяснения/понимания, фаза репрезентации) в результате переосмысления данной Мишелем де Серто классификации историографических операций [Рикёр П., 2004, с. 190–191].

ния о прошлом, не может его воскресить. Историография постоянно сталкивается с *отсутствием*, а именно — с отсутствием описываемого события, которое никогда не было таким, каким оно зафиксировано в исторической записи. Обнаруживая в истории как науке эту проблему, Рикёр, по сути, возвращается к ранней своей идее о тексте как о способе запечатления действий, событий и дополняет ее противоречием, связанным с отношением между историческим текстом и памятью. В его позднем творчестве историческое письмо как дело профессиональных историков предстает в значении не столько свидетельства о событиях, сколько его «призрака».

Однако Рикёр не только указывает на *пропасть* между историографией и памятью, но и предлагает способ ее преодоления. Таким способом оказывается публичный или со-бытийный подход к истории. В его рамках Рикёр рассматривает исторический нарратив уже не как текст, авторами которого являются историографы, а как сторителлинг (storytelling) тех, кто вплетает историческую память в собственную жизнь — в жизнь совместную, в со-бытие с другими людьми. Кто же они, обладающие *живой памятью*? С точки зрения Рикёра, ими являются не столько очевидцы, участники событий, сколько граждане, обладающие *живым словом*, т.е. способные рассуждать о происходящем или произошедшем представители политической, социальной, культурной сфер общественного бытия. Рассудительные граждане читают историю, записанную историками-профессионалами, и говорят о ней на публике, тем самым преодолевают *разрыв* между историческим текстом и памятью. «Получатель исторического текста должен и лично, и в плане публичной дискуссии поддерживать равновесие между историей и памятью» [Рикёр П., 2004, с. 691].

Мысль о таком равновесии свойственна Рикёру и до написания книги «Память, история, забвения». В частности, ее мы встречаем в статье «Каков новый этос для Европы?» (1992). В ней идея о связи *живой памяти* с *живым* повествованием преподносится, по сути, как создание публичной истории. Последняя понимается Рикёром как сплетение множества жизненных историй. «Мы буквально впутаны в истории» [Рикёр П., 2021, с. 186–187], — пишет он, указывая, что жизненная история одного

человека является частью жизненной истории других людей. Ведь рассказывая о себе, мы одновременно рассказываем о других. С точки зрения философа, именно повествовательная идентичность каждого говорящего о себе индивида является условием для переплетения историй, в котором и происходит обмен *живой памятью*. Для Рикёра эта память является синонимом культурной памяти. Ее обмен осуществляется посредством интерпретации культур разных сообществ, а именно — наций, народов. Интерпретация как создание новых рассказов способствует избавлению от «мертвых» вариантов толкования тех или иных событий, тем самым поддерживает жизнь публичной памяти, а следовательно, и публичной истории.

Помимо этого, Рикёр преподносит публичную историю как историю не только *живой памяти и живого слова, но и живого действия*. Как указывает С.Н. Зенкин, «по его мысли, не (только) профессиональные историки, но (также) обычные люди “практически интерпретируют” чужие действия посредством своего собственного социального действия» [Зенкин С.Н., 2013, с. 336]. Другими словами, в философии Рикёра публичные нарративы — это действия, которые, сохраняя память, образуют историю. В рамках публичного подхода история предстает разновидностью праксиса (praxis). Такой взгляд Рикёра на публичную историю сквозь призму практической жизни связан с его идеей *об открытости* событий для интерпретации — идеей, высказанной в 70-е гг. в статье «Модель текста: осмысленное действие как текст». В ней французский философ наделяет интерпретацию деятельной природой и рассматривает историю как разновидность такой *практической* интерпретации. Можно сказать так: история действует, интерпретируя. При этом для Рикёра важно определить *топос* истории как праксиса. Им и оказывается публичное пространство, а сама история предстает в нем как совместное бытие людей (социально-политическое существование), на котором действия оставляют *следы* или *метки*. Каждый такой *след* — это *запись* в публичную историю. Появляясь, она автоматически нуждается в интерпретации. «Так, история становится суммой меток, судьба которых перестает контролироваться индивидуальными акторами» [Рикёр П., 2008, с. 33], — заявляет философ в «Модели текста».

Таким образом, в указанной работе текстуальный подход к истории включает в себя зачатки публичного подхода, но не раскрывает его в полной мере, т.к. не содержит в себе идею нарратива как повествования и устного, и письменного. Именно в поздней философии Рикёра происходит соединение публичного и нарративного подходов к истории. Такой синтез необходим французскому мыслителю для разделения истории на публичную и научную — разделения, ставшего отличительной чертой его теории истории. Рикёр различает историографию и публичную историю в зависимости от того, каким видом нарратива они являются. История историков-профессионалов — это текст как архив истории. История со-бытия людей — это нарратив как *живое слово*, которое может быть и устным, и записанным (главное условие его жизни — его воспроизведение, обсуждение на публике). Вторым условием их отличия становится отношение с памятью как с *живой памятью*: историография не работает с такой памятью; публичная история реализует ее в себе.

Заключение

Представления Рикёра об истории образуют цельную теорию, которая соответствует проблематике нарративной парадигмы философии истории, но решает ее по-новому. Философ переосмыслил сущность нарратива и возможности его применения в историческом познании, тем самым преодолел крайние позиции как нарративистских, так и позитивистских взглядов на историю. В частности, он дал отрицательный ответ на вопрос о тождественности исторического рассказа поэтическому дискурсу и предложил сочетать в историографии нарративное понимание с объяснением. По сути, Рикёр наметил путь познания, по которому следует двигаться для создания в XXI в. новых концепций об историческом нарративе. Уникальность этого пути — во взаимосвязи нарративного подхода с текстуальным, эпистемологическим и публичным подходами к истории.

В философии Рикёра текстуальный подход становится частью нарративного представления об истории. В ней исторический нарратив обретает широкое значение, а именно — определяется не только как устный рассказ, но и как письменно зафиксированное повествование о человеческом опыте, событии, социальном дей-

ствии. На основе такого расширенного представления о нарративной истории Рикёр выстраивает эпистемологический и публичный (со-бытийный) подходы к ней. В рамках первого исторический нарратив предстает в значении предмета деятельности историков. В рамках второго подхода — в значении актуального *praxis* людей в совместном социальном бытии. В итоге в философии Рикёра история как повествование о социальном действии оказывается его разновидностью — нарративным действием в совместном бытии людей.

Поздняя теория истории Рикёра отличается от ранней (от герменевтики исторического текста, от теории нарратива) тем, что в ней поставлена проблема памяти. Указанная проблематика дополняет и расширяет повествовательную концепцию истории французского мыслителя: исторический рассказ (научный или публичный) направлен на работу с памятью. Однако если историография как дело профессиональных историков не связана с *живой памятью*, то публичная история основана на ней. Публичный подход Рикёра предполагает, что история как память о действии, событии возможна только в значении истории, создаваемой в процессе социального, политического взаимодействия людей в совместном бытии. В свою очередь, его эпистемологический подход вскрывает противоречие в деятельности профессиональных историков: они стремятся воскресить память, но занимаются «погребением».

Полученные результаты могут быть использованы в историко-философской работе с творческим наследием Рикёра. Кроме того, установленная нами взаимосвязь подходов к истории в текстах Рикёра открывает для исследователей, работающих на стыке исторических и философских наук, новые перспективы. В частности, она показывает, что история как предмет изучения многогранна и не может быть сведена к одному своему проявлению. Для ее целостного исследования необходимо сочетать, объединять, *переплетать* разные методы. Одними из них могут быть реконструируемые нами из философии Рикёра подходы к истории: нарративный, текстуальный, эпистемологический и публичный (со-бытийный). Их взаимосвязь, установленная французским мыслителем, открыта для дополнений, изменений и критики. Она может служить образцом для выстраивания взаимосвязей между подходами к истории.

Список литературы

- Аристотель*. Поэтика / пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680.
- Барт Р.* Дискурс истории // Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 427–441.
- Борисенкова А.В.* Теория повествования Поля Рикёра: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 1. С. 55–63.
- Вдовина И.С.* Поль Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: Канон+, 2019. 288 с.
- Зенкин С.Н.* Социальное действие и его смысл: историческая герменевтика после Рикёра // Поль Рикёр в Москве / общ. ред. И.С. Вдовиной. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. С. 327–345.
- Петровская Е.В.* Великая нарратология (Размышление о книге П. Рикёра «Время и рассказ») // Поль Рикёр в Москве / общ. ред. И.С. Вдовиной. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. С. 207–225.
- Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ / пер. с фр. Т.В. Славко. М.: СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
- Рикёр П.* Герменевтика и метод социальных наук // Поль Рикёр в Москве / общ. ред. И.С. Вдовиной. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. С. 49–61.
- Рикёр П.* История и истина / пер. с фр. И.С. Вдовиной, А.И. Мачульской. СПб.: Алетеия, 2002. 400 с.
- Рикёр П.* Модель текста: осмысленное действие как текст / пер. с англ. А.В. Борисенковой // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 1. С. 25–43.
- Рикёр П.* Память, история, забвение / пер. с фр. И.И. Блауберг и др. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 728 с.
- Рикёр П.* Политика, экономика, общество: рукописи и выступления / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Центр гуманит. инициатив, 2021. 240 с.
- Рикёр П.* Структура символического действия // Рикёр П. Философская антропология: рукописи и выступления / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Изд-во гуманит. лит., 2017. С. 186–204.
- Сидорова М.А.* Герменевтика действия Поля Рикёра: от интерпретатора к актору // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23, № 3. С. 201–226. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-201-226>
- Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ.

Е.Г. Трубиной, В.В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр.

С.В. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 47–96.

Шульга Е.Н. Нарративная герменевтика Поля Рикёра // Поль Рикёр: Человек – общество – цивилизация / под ред. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. С. 219–234.

Ямпольская А.В. За пределами события: Поль Рикёр о даре и прощении // Поль Рикёр: Человек – общество – цивилизация / под ред. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. С. 302–314.

Kaplan D.M. Ricoeur's Critical Theory. N.Y.: State University of New York Press, 2003. 236 p. DOI: <https://doi.org/10.1353/book4657>

Ridký J. Many Colors of History: Ricoeur's Third Time as a Key to the Hermeneutics of Historical Time // *Études Ricoeuriennes*. 2023. Vol. 14, no. 2. P. 117–133. DOI: <https://doi.org/10.5195/errs.2023.524>

White H. Guilty of History? The Longue Durée of Paul Ricoeur // *History and Theory*. 2007. Vol. 46, iss. 2. P. 233–251. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2007.00404.x>

Wood D. Introduction: Interpreting Narrative // *On Paul Ricoeur: Narrative and Interpretation* / ed. by D. Wood. London; N.Y.: Routledge, 1991. P. 1–19.

References

- Aristotel (1983). [Poetics]. *Aristotel' . Sochineniya: v 4 t.* [Aristotle. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl', vol. 4, pp. 645–680.
- Barthes, R. (2003). [The Discourse of History]. *Bart R. Sistema mody: stat'i po semiotike kul'tury* [Barthes R. The Fashion System: Articles on the Semiotics of Culture]. Moscow: Sabashnikov Publ., pp. 427–441.
- Borisenkova, A.V. (2007). [Paul Ricoeur's narrative theory: from narrative organization of experience to narrative bases of scientific knowledge]. *Sotsyologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 6, no. 1, pp. 55–63.
- Foucault, M. (1996). [The order of discourse]. *Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Foucault M. The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow: Kastal' Publ., pp. 47–96.

- Kaplan, D.M. (2003). *Ricoeur's critical theory*. New York: State University of New York Press, 236 p. DOI: <https://doi.org/10.1353/book4657>
- Petrovskaya, E.V. (2013). [Great narratology (Reflections on P. Ricoeur's book *Time and Narrative*)]. *Pol' Riker v Moskve, obshch. red. I.S. Vdovinoy* [I.S. Vdovina (ed.) Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 207–225.
- Ricoeur, P. (1998). *Vremya i rasskaz. T. 1: Intriga i istoricheskiy rasskaz* [Time and narrative. Vol. 1: Intrigue and historical narrative]. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya Kniga Publ., 313 p.
- Ricoeur, P. (2002). *Istoriya i istina* [History and truth]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 400 p.
- Ricoeur, P. (2004). *Pamyat', Istoriya, Zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. Moscow: Gumanitarnaya Literatura Publ., 728 p.
- Ricoeur, P. (2008). [The model of the text: Meaningful action considered as a text]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 7, no. 1, pp. 25–43.
- Ricoeur, P. (2013). [Hermeneutics and the method of social sciences]. *Pol' Riker v Moskve, obshch. red. I.S. Vdovinoy* [I.S. Vdovina (ed.) Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 49–61.
- Ricoeur, P. (2017). [The structure of symbolic action]. *Riker P. Filosofskaya antropologiya: Rukopisi i vystupleniya* [Ricoeur P. Philosophical anthropology: Manuscripts and speeches]. Moscow: Gumanitarnaya Literatura Publ., pp. 186–204.
- Ricoeur, P. (2021). *Politika, ekonomika, obschestvo: Rukopisi i vystupleniya* [Politics, economics, society: Manuscripts and speeches]. Moscow: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 240 p.
- Řídký, J. (2023). Many colors of history: Ricoeur's third time as a key to the hermeneutics of historical time. *Études Ricœuriennes* [Ricoeur Studies]. Vol. 14, no. 2, pp. 117–133. DOI: <https://doi.org/10.5195/errs.2023.524>
- Shulga, E.N. (2015). [Narrative hermeneutics of Paul Ricoeur]. *Pol' Riker: Chelovek – obschestvo – tsivilizatsia, pod red. I.I. Blauberg, I.S. Vdovinoy* [I.I. Blauberg, I.S. Vdovina (eds.) Paul Ricoeur: Human – society – civilization]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 219–234.
- Sidorova, M.A. (2024). [Paul Ricoeur's hermeneutics of action: from interpreter to actor]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 23, no. 3, pp. 201–226. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-201-226>
- Vdovina, I.S. (2019). *Pol Riker: na «Eliseyskikh polyakh» filosofii* [Paul Ricoeur: on Champs Elysees of philosophy]. Moscow: Kanon+ Publ., 288 p.
- White, H. (2007). Guilty of history? The Longue Durée of Paul Ricoeur. *History and Theory*. Vol. 46, iss. 2, pp. 233–251. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2007.00404.x>
- White, H. (2002). *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory. Historical imagination in 19th century Europe]. Yekaterinburg: UrFU Publ., 528 p.
- Wood, D. (1991). Introduction: Interpreting narrative. *D. Wood (ed.) On Paul Ricoeur: Narrative and interpretation*. London, New York: Routledge Publ., pp. 1–19.
- Yampol'skaya, A.V. (2015). [Beyond the event: Paul Ricoeur on gift and forgiveness]. *Pol' Riker: Chelovek – obschestvo – tsivilizatsia, pod red. I.I. Blauberg, I.S. Vdovinoy* [I.I. Blauberg, I.S. Vdovina (eds.) Paul Ricoeur: Human – society – civilization]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 302–314.
- Zenkin, S.N. (2013). [Social action and its meaning: historical hermeneutics after Ricoeur]. *Pol' Riker v Moskve, obshch. red. I.S. Vdovinoy* [I.S. Vdovina (ed.) Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 327–345.

Об авторе

Сидорова Мария Алексеевна

кандидат философских наук,
старший преподаватель

Московская высшая школа социальных
и экономических наук,
125009, Москва, Газетный пер., 3-5, стр. 1;
e-mail: msi.8883@gmail.com
ResearcherID: I-3393-2016

About the author

Maria A. Sidorova

Candidate of Philosophy, Senior Lecturer

The Moscow School of Social and Economic Sciences,
3–5, bld. 1, Gazetny Ln., Moscow, 125009, Russia;
e-mail: msi.8883@gmail.com
ResearcherID: I-3393-2016

УДК 130.31+177.7

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-494-504>

EDN: WZBRSS

Поступила: 16.05.2024

Принята: 25.05.2024

Опубликована: 27.12.2024

ОНТОЛОГИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СУБЪЕКТА В ФИЛОСОФИИ ЭММАНУЭЛЯ ЛЕВИНАСА

Буланов Станислав Михайлович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

В статье представлен онтологический анализ концепции идентичности субъекта, которую в своем учении предлагает Эммануэль Левинас. Актуальность выбранной темы объясняется возросшим в последние десятилетия вниманием к категории идентичности субъекта в рамках гуманитарных исследований. Рассматривается левинасовская критика классической модели идентичности субъекта, в которой субъект осмысливается как тождественный самому себе. Обнаруживается связь этой модели идентичности с гегелевской трактовкой тотальности, понимаемой как снятие иного тождественным, а также с феноменологией Гуссерля. Отмечается существенный недостаток классической концепции идентичности субъекта, который состоит в ее неспособности утвердить окончательную тождественность субъекта самому себе, что приводит к подавлению инаковости в субъекте. Анализируется попытка Левинаса представить лицо Другого как выражение трансцендентного, подрывающее тотальность и открывающее возможность для построения альтернативной модели идентичности субъекта. Реконструируется левинасовская концепция *идентичности как ответственности*. Намечаются ее этические следствия. Констатируется, что модель идентичности субъекта, предложенная Левинасом, строится вокруг ответственности субъекта, понимаемой одновременно как ответственность субъекта перед Другим за самого себя и ответственность субъекта за Другого перед самим собой. В заключении на основании полученных результатов постулируется вывод о том, что левинасовская концепция способна обеспечить равновесие в субъекте между идентичностью и инаковостью при помощи идеи ответственности как центральной категории в построении модели идентичности субъекта. Демонстрируется, что модель идентичности субъекта, предложенная Левинасом, не только способствует решению проблем, создаваемых классической моделью, но и выступает полноценной альтернативой для этой модели.

Ключевые слова: идентичность субъекта, ответственность, тотальность, Другой, тождественность, инаковость, критерий идентичности.

Для цитирования:

Буланов С.М. Онтология идентичности субъекта в философии Эммануэля Левинаса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 494–504. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-494-504>.
EDN: WZBRSS

ONTOLOGY OF THE SUBJECT'S IDENTITY IN THE PHILOSOPHY OF EMMANUEL LEVINAS

Stanislav M. Bulanov

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

This study presents an ontological analysis of the conception of the subject's identity proposed by Emmanuel Levinas. The topic appears to be relevant due to the interest of the humanities to the category of the subject's identity increasing over past decades. The paper deals with Levinas's criticism of the classical model of the subject's identity, in which the subject is comprehended as selfsame. The study has found it to be related to Hegel's interpretation of totality, which is understood as sublation of the other by the same, and also to Husserl's phenomenology. The author notes a significant drawback of the classical conception of the identity of the subject — its incapacity to provide a final selfsameness of the subject, which results in the suppressing of otherness in the subject. The study analyzes Levinas's attempt to present the face of the Other as an expression of the transcendental, which subverts totality and opens up a possibility of constructing an alternative model of the subject's identity. Levinas's conception of identity as responsibility is reconstructed, its ethical consequences are outlined. The article states that Levinas's model of the subject's identity is formed around the responsibility of the subject, which is understood simultaneously as responsibility of the subject to the Other for itself and responsibility of the subject to itself for the Other. The author concludes that Levinas's conception is capable to ensure a balance in the subject between selfsameness and otherness through the idea of responsibility as the central category in constructing the model of the subject's identity. The paper demonstrates that Levinas's model of the subject's identity not only contributes to resolving the problems created by the classical model but also appears to be its reliable alternative.

Keywords: subject's identity, responsibility, totality, the Other, selfsameness, otherness, criterion of identity.

To cite:

Bulanov S.M. [Ontology of the subject's identity in the philosophy of Emmanuel Levinas]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 494–504 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-494-504>, EDN: WZBRSR

Введение

Особым вниманием сегодня пользуется проблематика идентичности субъекта. Чтобы правильно оценить преобразования, через которые тема идентичности прошла в философии XX в., необходимо осмыслить наследие Эммануэля Левинаса, а точнее — его вклад в развитие философской проблематики идентичности субъекта. На наш взгляд, этот вклад наиболее полным образом возможно исследовать только в онтологическом измерении идентичности субъекта. Левинас пересматривает сам способ существования такой категории, как идентичность, и этот изменившийся онтологический

режим необходимо учитывать в философском анализе этой категории.

Эммануэль Левинас произвел критику классических философских представлений об идентичности субъекта, продемонстрировав, что привычный взгляд на идентичность субъекта как на его тождественность самому себе в действительности является основанием для тотализирующего порядка¹, стирающего всякое раз-

¹ Идея *тотальности*, стирающей всякую инаковость, по Левинасу напрямую связана с критикуемой им концепцией идентичности субъекта. Тотальность служит исходной онтологической ситуацией, в которой формируется идентичность самотождественного субъекта и которая воспроизводится этой самотождественной идентичностью.

личие и подавляющего любую инаковость. Идентичность, понятая в классическом философском смысле как самотождественность субъекта, по Левинасу не способна дать ответ на вопрос о том, почему субъект никогда не тождествен себе в принципе, хотя без устали полагает себя как тождественного, но его в этом постигает провал. В отношении субъекта тотальность губительна прежде всего для инаковости в нем самом, а поскольку Левинас понимает структуру субъективности «как иное в тождественном» [Levinas E., 1974, p. 46], идентичность, стирающая эту инаковость в субъекте, будет служить источником несовпадения субъекта с самим собой. Для преодоления этого затруднения Левинас указывает на возможность построения представления о субъекте и о его идентичности, которое не будет связано с тотализацией. Создаваемая Левинасом концепция идентичности субъекта позволяет работать с инаковостью и учитывать онтологические следствия, выводимые из нее. Это способствует обретению адекватного субъекту представления о его идентичности, определяющей категорией для которого наряду с *тождеством* будет также *инаковость*.

Целью данного исследования является реконструкция и описание концепции идентичности субъекта, формирующейся в учении Эммануэля Левинаса. Сообразно с этой задачей настоящая статья поделена на три части. В первом разделе производится анализ критики Левинаса, направленной в адрес привычных философских представлений об идентичности субъекта. Вторая часть посвящена реконструкции концептуальных преобразований, при помощи которых Левинас перестраивает критикуемые им представления об идентичности субъекта. Наконец, в завершающем разделе статьи производится описание левинасовской концепции идентичности субъекта.

Анализ левинасовской критики классического представления об идентичности субъекта

Когда привычное философское размышление затрагивает онтологию идентичности субъекта, центральной категорией становится категория тождества. Господствующее в философии представление об идентичности субъекта концептуализирует именно его тождественность

самому себе (см., напр., [Эриксон Э., 1996]). Согласно этому воззрению, субъект, обладающий идентичностью, есть прежде всего субъект, равный самому себе во всех своих проявлениях, поступках, решениях и высказываниях, т.е. предполагается, что идентичность субъекта делает его *самотождественным*. Ограниченность такого представления об идентичности стремится продемонстрировать Левинас. Он обрушивает свою критику не только на классическую концепцию идентичности, но также и на систему представлений и философских очевидностей, которыми эта концепция идентичности окружена. Особого внимания в этом круге проблем заслуживает временность — представление об идентичном и самотождественном субъекте противопоставляет его временному порядку. Левинас в том числе стремится постичь идентичность субъекта как категорию темпоральную, обладающую имманентной ей временностью.

Для Левинаса идентичность тождественного связана с понятием тотальности, исключающей всякую экстериторность². Тотальность выступает в качестве исходной онтологической ситуации, в которой исторически формируется представление об идентичности как о тождественном в субъекте. Левинас, прибегая к метафоре войны, характеризует эту исходную онтологическую ситуацию так: «Лик бытия, проступающий в войне, может быть определен с помощью понятия “тотальность”, господствующего в западной философии. Индивиды <...> сводятся к простым носителям сил, управляющих ими без их ведома. Свой смысл индивиды черпают в этой тотальности, вне которой они непостижимы. Единичность каждого <...> приносится в жертву будущему, призванному определить его объективный смысл» [Левинас Э., 2000, с. 67]. Тотальность не просто нейтрализует единичность и индивидуальность, но также устраняет различия между частями, вовлекая их в неразличимую однородность. В такой форме Левинас атрибутирует тотальность в ка-

² Под *экстериторностью* Левинас понимает особый способ существования Другого, который нивелирует тотальность. М.Н. Евстропов так описывает эту категорию: «Лицо — <...> способ бытия “Другого”, сама его <...> радикальная “внешность” (экстериторность)» [Евстропов М.Н., 2011, с. 44].

честве исходной онтологической ситуации западной философии в той мере, в какой она следует за Гегелем и за Гуссерлем. Чтобы детализировать его критику, мы можем выделить в ней две линии: первая линия критики направлена против Гегеля, а вторая — против Гуссерля. Проследим каждую из них, чтобы выявить черты тотальности, которые, по мнению Левинаса, делают классическую концепцию идентичности субъекта несостоятельной.

Гегель разрабатывает представление о тотальности, которое можно понимать в двух смыслах. Первый смысл тотальности методологический, и, согласно этой трактовке, тотальность представляет собой результат снятия противоречия между *тождественным* и *иным*. Иное становится моментом тотальности, включается в целое и теряет себя именно как иное. Следовательно, тождественное у Гегеля не существует независимым и окончательным образом, но представляет собой лишь переходный этап на пути к всепоглощающей тотальности. Второй смысл тотальности у Гегеля онтологический, и, согласно этой интерпретации, категория тотальности проливает свет на окончательное устройство реальности. Гегель пишет: «в конечном духе идеальность имеет смысл возвращающегося к своему началу движения, посредством которого дух, продвигаясь вперед <...> к отрицанию этого полагания — и посредством отрицания этого отрицания возвращаясь к самому себе, обнаруживает себя как <...> утверждение самого себя <...>. Постигнутый таким образом конечный дух познается как тотальность» [Гегель Г., 1977, с. 20]. Тотальность выступает здесь как характеристика познающего духа, снимающего всякую инаковость объекта в его постижении. Этот онтологический смысл гегелевской тотальности описывает ситуацию, о которой ведет речь Левинас и которую он критикует. Развивая эту мысль, Гегель приходит к выводу, что сам субъект становится тотальностью природы («душа в себе есть тотальность природы» [Гегель Г., 1977, с. 133]). Подобная гегелевской онтологизация тотальности оказывается общим местом для классической философии. Рассуждая об этом, Левинас упрекает идеалистическую традицию в эгоцентрической установке: познающий субъект, понятый как тотальность природы, подав-

ляет предметы своего познания и поглощает их. Обратим внимание на то, как З.А. Сокулер описывает отношение концепции субъективности Левинаса к гегелевской системе тотальности: «Левинас строит свою концепцию субъективности, чтобы противопоставить ее гегелевской <...> системе “тотальности”» [Сокулер З.А., 2016, с. 143]. Из этого можно сделать вывод, что вернейшим способом обезвредить такую тотальность было бы противопоставление ей радикально иного, настолько упорствующего в своей инаковости, что никакое снятие здесь бы не сработало.

В свою очередь, Гуссерль строже размышляет о тотальности. Можно предположить, что в феноменологии Гуссерля тотальность становится безальтернативным итогом всего интеллектуального предприятия ее автора. С точки зрения Левинаса, опасность тотальности у Гуссерля состоит в обусловленности любого феномена структурой интенциональности, что дает возможность редуцировать его к этой структуре. Гуссерль описывает это так: «То, что суть вещи, *они суть как вещи опыта*. <...> Лишь опыт предписывает им их *смысл*, причем, поскольку речь идет о фактических вещах, это актуальный опыт с его <...> упорядоченными взаимосвязями» [Гуссерль Э., 2009, с. 144]. В феноменологии Гуссерля любое восприятие конституируется интенциональной структурой, т.е. сознание располагает в конечном счете только восприятиями, оформленными им самим. Это приводит к тому, что всякий феномен не просто несет на себе печать сознания субъекта, но на поверку сам оказывается отражением этого сознания. Гуссерль продолжает: «Любой актуальный опыт указывает за пределы самого себя, на тот возможный опыт, который в <...> вновь отсылает к новому возможному опыту, и так до бесконечности. И все это совершается согласно сущностно определенным <...> правилам, связанным с *априорными* типами» [Гуссерль Э., 2009, с. 146]. Таким образом, по Гуссерлю, исследуя феномены, сознание конституирует в них только лишь свои сущностно определенные типы. Любое возможное познание в этом смысле оказывается трансцендентальным познанием или познанием трансцендентального, т.е. от исследования предметов мы с необходимостью переходим к

изучению нашей познавательной способности, которая эти предметы конституирует. Подобная установка замыкает сознание в кругу собственных представлений, и мы получаем возможность говорить об эпистемологической тотальности. Левинас критически описывает это тотализирующее свойство сознания у Гуссерля так: «Понятие интенциональности означает, <...> что бытие *есть* согласно с интенцией сознания; <...> означает экстериторность в имманентности и имманентность любой экстериторности»³. Но разве способы, которыми мысль становится значимой, исчерпываются интенциональностью?» [Левинас Э., 2014, с. 25].

Следовательно, мы обнаруживаем три способа интерпретации тотальности: онтологический, эпистемологический и методологический. Все они сходятся в одном: инаковость в качестве философской категории исключается из системы. Она либо выступает промежуточным звеном, как в методологической тотальности, либо поглощается субъектом, как в тотальности онтологической, либо вычеркивается из сферы возможного опыта, как в случае тотальности эпистемологической. Для идентичности субъекта отсутствие категории инаковости создает две проблемы. Во-первых, инаковость самого субъекта не может быть правильным образом отражена в его идентичности. Это приводит к тому, что субъект постоянно сталкивается с неспособностью утвердить свою тождественность. Невозможность удовлетворить его потребности, страдания, старение и смерть становятся причинами, по которым тождественная идентичность субъекта оказывается обманчивой. В этом смысле классическая тождественная идентичность, если придерживаться названных подходов, может быть только

«внешним» и недостоверным образом субъекта. Во-вторых, вытеснение категории инаковости становится причиной невозможности воспринять Другого, без которого инаковость субъекта не может быть правильным образом объяснена. Все это заставляет Левинаса искать классическому представлению об идентичности альтернативу. А.В. Ямпольская так характеризует этот поиск: «Левинас выводит нас <...> за пределы “лишь моего” опыта, однако <...> привычный концептуальный аппарат дает сбой <...>. Неустойчивость и гетерогенность структуры субъективности требует <...> новый, более гибкий концептуальный язык, на котором можно описывать нестабильные <...> и многолистные структуры» [Ямпольская А.В., 2019, с. 44].

Реконструкция концептуальных преобразований Левинаса в онтологии идентичности субъекта

Неудовлетворенность Левинаса классической концепцией идентичности субъекта не ограничивается ее критикой. Левинас предлагает ряд концептуальных преобразований, при помощи которых он преодолевает представление об идентичности субъекта как о его тождестве самому себе. Недостаток концепции тождественной идентичности субъекта состоит в ее неспособности отразить изменчивость самого субъекта, а также в невозможности воспроизвести на уровне своей идентичности Другого, который неустраним в процессе идентификации. В этом отношении обращает на себя внимание то, как Гуссерль оценивает феноменологический статус Другого: «Другой, согласно смыслу своего конституирования, отсылает ко мне самому, другой есть отражение меня самого» [Гуссерль Э., 2010, с. 122]. Если Другому отводится скромная роль «отражения меня самого», ни о каком подлинном постижении его инаковости не может быть речи, а значит — и о воспроизведении этой инаковости на уровне собственной идентичности субъекта.

Левинас начинает преодоление классического представления об идентичности субъекта с обнаружения звеньев, способных разорвать тотальность. Среди таких феноменов у него фигурируют телесность и временность, однако в настоящем исследовании внимание будет сосредоточено на фигуре Другого. Следует оговориться, что возможность встречи с левина-

³ Говоря об «экстериторности в имманентности», Левинас указывает на одно важное свойство гуссерлевской интенциональности. С одной стороны, интенциональный акт выводит сознание за его пределы к интенциональному предмету. С другой стороны, интенциональный предмет конституируется сознанием, и потому остается всецело имманентным. Вот как Сартр описывает эту парадоксальную характеристику интенциональности: «Сознание и мир даны одновременно: мир, по своей сущности внешний для сознания, по своей сущности также тесно связан с ним. <...> Познавать — это “прорываться к...”, вырываться из влажной желудочной среды для того, чтобы убежать <...> к тому, что не есть ты сам» [Сартр Ж.-П., 1988, с. 318–319].

совским Другим — это прерогатива телесного, смертного и, как следствие, способного стареть субъекта. В этом еще одно расхождение Левинаса с традицией тождественной идентичности. И если встреча такого субъекта с Другим способна поставить его лицом-к-лицу с инаковостью, не сводимой к тождественному, с экстериторностью Лица, как пишет Левинас, то это означает, что в этой встрече тотальность отступает. В Лице Другого выражает себя бесконечное, которое не может быть охвачено никаким горизонтом. Фигуру Другого у Левинаса можно сравнить с насыщенным феноменом у Мариона, ученика Левинаса, который он характеризует так: «Насыщенный феномен не позволяет видеть себя как предмет именно потому, что он является с <...> неопишущим избытком, который препятствует всякой попытке конституирования. Определить насыщенный феномен как феномен <...> неопредмечиваемый, не означает перейти в область иррационального <...>: хотя он в высшей степени видим, на него невозможно смотреть» [Марион Ж.-Л., 2014, с. 93]. В фигуре Другого субъект сталкивается с абсолютной инаковостью, той самой категорией, отсутствие которой препятствовало полноценному функционированию тождественной идентичности (иными словами, тождественная идентичность ввергает субъекта в череду онтологических и экзистенциальных затруднений, среди которых несоответствие временному порядку, неустойчивость в бытии, изменчивость, старение, собственные страдания и страдания Другого). Левинас называет Лицо Другого откровением (потому что в Лице прочитываются заповеди, но Лицо не проговаривает, а выражает их, давая им полноценное присутствие) и пишет об этом так: «Абсолютный опыт — это <...> откровение: <...> проявление <...> Другого, проявление лица помимо формы. Форма постоянно искажает то, что она проявляет, — застывая в пластическом образе, поскольку он адекватен Самотождественному, форма отчуждает экстериторность Другого. Лицо же есть живое присутствие, оно — выражение» [Левинас Э., 2000, с. 100]. Тем самым Лицо Другого оказывается точкой, где тотальность отменяется посредством встречи с радикальной инаковостью, которую невозможно игнорировать, вычеркнуть или осуществить ее диалектическое снятие.

Эффект, производимый фигурой Другого на идентичность субъекта, так описывает Сьюзен Петрилли: «Не “другой” per sé угрожает идентичности и различию или разрушает их, но сама <...> система, которая активизирует определенные идентичности и определенные различия, болезненно доводя их до точки <...> возвеличения идентичности, которая суть идентичность, закрытая от другого во всех его формах» (перевод наш. — С.Б.) [Petrilli S., 2022, р. 44]. Другой оказывается той точкой реальности, в которой классическая идентичность субъекта демонстрирует свою несостоятельность: если Другого невозможно опосредовать, подобрав для него соответствующее представление, если его инаковость невозможно тотализировать, это означает, что вся система тотальности оказывается под вопросом. Трансцендентность Лица обращается к субъекту с призывом «не убий», и этим призывом субъект ограничивается в свободе своего самополагания. Выражение заповеди «не убий» в Лице дает проявиться Другому, который в своей инаковости обладает автономией по отношению к субъекту. Об эту автономию инаковости разбивается классическое представление об идентичности, поскольку оно несовместимо с тем, что ускользает от логики тотальности.

Идеалистическое представление о тотальности, идущее от Гегеля и Гуссерля, предполагает примат познавательного отношения к действительности. Но отношение лицом-к-лицу, в котором субъект находится с Другим, налагает непреодолимые ограничения на познавательную способность (и, как следствие, на область действия): условием возможности такого отношения оказывается его принципиально непознавательный характер. Это значит, что альтернативная концепция идентичности, которую выстраивает Левинас, должна предполагать некоторое отношение субъекта к действительности, Другому и самому себе, которое было бы альтернативно познавательному отношению. Левинас настаивает, что такое отношение должно обладать этической значимостью: «Наше исследование <...> пытается описать подход к инаковости по ту сторону представления, подчеркивая <...> в бытии и в присутствии, которым бытие наделяется в представлении, — *нравственную постановку под во-*

прос, призыв к оправданию, т.е. его принадлежность к интриге инаковости, всегда уже этически значимой» [Левинас Э., 2014, с. 25]. Призыв Другого, оказывающегося одновременно и бесконечно больше субъекта, и бесконечно меньше его, заставляет меня пережить ограниченность своей тождественности, — Другой в некотором роде теперь является частью самого субъекта, сохраняя, однако, свою инаковость. Другой позволяет субъекту пережить свои уязвимость и смертность. Прочно державшийся своей тождественности субъект теперь вынужден искать новую опору, чтобы обрести идентичность. Такой опорой становится возможность дать ответ на зов Другого, однако эта возможность находится в этическом поле. Такова реакция Левинаса на ограниченность классической концепции идентичности. Разрыв тотальности показывает, что *указанные недостатки концепции тождественной идентичности могут быть преодолены при помощи подлинно этического отношения к Другому*.

Описание предлагаемой Левинасом концепции идентичности субъекта

Теперь мы можем описать левинасовскую концепцию идентичности субъекта. Мы остановились на том, что Другой обращается к субъекту. В своем призыве Другой ожидает от субъекта *ответ*. В ответе на зов Другого обретается идентичность субъекта, *которую следует понимать как ответственность за Другого и перед Другим*. Левинас так формулирует этот переход к этике: «Тематизация⁴ лица скрывает лицо и отменяет близость. Тот способ, каким лицо указывает на свое отсутствие⁵ в моей ответственности, требует описания <...> на языке этики»

⁴ Левинас пишет о тематизации, имея в виду процедуру гуссерлевской феноменологии: объект, на который направлена интенция сознания, характеризуется Гуссерлем как тематизированный предмет. Тематизация есть эффект интенциональной структуры, который препятствует восприятию инаковости. Тематизированный предмет включается в горизонт моей тотальности и, таким образом, утрачивает свою инаковость.

⁵ Это парадоксальное отсутствие Лица Левинас в другом месте характеризует так: «Присутствуя, лицо отказывается быть содержанием. В этом смысле оно не может быть понято, т.е. охвачено. А также увидено или осязаемо, — поскольку в зрительном или тактильном ощущении идентичность “я” включает в себя инаковость объекта, которая как раз и становится содержанием» [Левинас Э., 2000, с. 199].

[Levinas E., 1974, p. 120]. Тождественная идентичность субъекта, которая характеризовалась тотальностью и которая была утрачена во встрече субъекта лицом-к-лицу с Другим, сменяется теперь новой идентичностью, возникающей как ответственность. Ключом к пониманию этой новой, альтернативной идентичности субъекта служит этика как связующее звено между идентичностью и инаковостью. Левинас показывает, что субъект обретает себя через моральный долг, в котором он находится перед Другим. Нравственное служение Другому помогает субъекту выстроить новую идентичность, которая оказывается способной дать ему опору, прочность. З.А. Сокулер следующим образом описывает это отношение между ответственностью и самостью: «В ответственности Я становится незаменимой самостью. Хотя самоидентичность субъективности оказалась иллюзией, хотя выяснилось, что она представляет собой “иное в тождественном” (*l'autre-dans-le même*), тем не менее, Другой способствует становлению моей идентичности. Я обретаю идентичность в существовании-для другого (*pour-l'autrui*), в той мере, в какой ко мне обращаются и во мне нуждаются» [Сокулер З.А., 2012, с. 208]. Таким образом, ответственность перед Другим оказывается у Левинаса тем альтернативным способом задавать идентичность субъекта, который позволяет ему определять самого себя за пределами тотальности. С одной стороны, фигура Другого обретает первичность по отношению к субъекту и его идентичности. Такое первенство насыщенного феномена по отношению к субъекту следующим образом описывает Марион: «Я, обнаруживая себя не конституирующим, каким оно было для обычных феноменов, но конституированным насыщенным феноменом, способно идентифицировать самое себя, только признав первенство насыщенного феномена» [Марион Ж.-Л., 2014, с. 94]. Метафизическая первоочередность Другого становится условием обретения идентичности как ответственности. С другой же стороны, обретение субъектом новой идентичности становится зависимым от такого первенства Другого. Иными словами, настойчивость, с которой присутствует Другой во всей своей инаковости, ограничивает свободу самополагания субъекта. Онтологическое движение самополагания из эпистемологического плана переходит в план этический: самополагание субъекта продолжается в ответственности, кото-

рой субъект себя ограничивает и в которой он обретает завершенность.

Следующей характеристикой левинасовской модели оказывается то, что ответственность здесь является критерием идентичности субъекта самому себе. Выше отмечалось, что существенным недостатком классической концепции тождественной идентичности субъекта является ее неспособность отразить иное в самом субъекте и, как следствие этого, неспособность такой модели идентичности способствовать установлению неэгоцентрического отношения с Другим. Идентичность как ответственность исправляет оба недостатка предыдущей модели, потому что ее можно понимать в двух смыслах: *идентичность как ответственность субъекта за самого себя перед Другим и как ответственность субъекта за Другого перед самим собой*. Проанализируем оба решения, включенные в левинасовскую концепцию идентичности как ответственности.

Во-первых, когда ответственность, задающая идентичность субъекта, трактуется как ответственность за Другого перед самим собой, этика становится тем, что уравнивает идентичность субъекта инаковостью Другого. Между субъектом и Другим устанавливается свободное от тотализации и эгоцентризма отношение, потому что *инаковость* Другого оказывается условием *идентичности* субъекта. Чем сильнее Другой проявляет себя в своей инаковости⁶, тем глубже оказывается ответственность субъекта, тем сильнее субъект нужен Другому, а значит, тем прочнее становится идентичность субъекта.

Во-вторых, когда ответственность, задающая идентичность субъекта, трактуется как ответственность перед Другим за самого себя, этическое требование Другого становится тем, что позволяет онтологически примирить идентичность и инаковость в самом субъекте. Когда мы определяем Другого в качестве источника этического требования, которому с необходимостью отвечает субъект, идентичность ответ-

ственности становится условием для раскрытия инаковости в субъекте. Безусловно, и до встречи с экстериторностью Другого субъект является носителем инаковости, как по отношению к миру, так и по отношению к самому себе. Однако в ответственности перед Лицом Другого эта инаковость субъекта интегрируется в его идентичность как залог его уникальной значимости, т.е. этической незаменимости. Призыв, с которым к субъекту обращается Другой, наделяет субъекта незаменимой самостью, т.е. субъект обретает уникальность. Отличие уникальности, которую субъекту дарует ответственность, от классической тождественной идентичности состоит в том, что если классическая идентичность указывала на тождество субъекта самому себе, обедняя тем самым его содержание, то через ответственность в субъекте не только задается его идентичность, то также и оправдывается его инаковость. В результате благодаря ответственности субъект обретает целостность, которой он был лишен в классической концепции идентичности.

Таким образом, две стороны ответственности (ответственность за себя перед Другим и ответственность за Другого перед самим собой) обеспечивают онтологическое равновесие в субъекте между идентичностью и инаковостью. Это свойство левинасовской идентичности так характеризует Луи Блонд: «Левинасовское описание самости в отношении к Другому <...>, которое он описывает как принципиально “этическое”, децентрирует картезианского субъекта и открывает позитивное значение различия, помещающего этику в центр идентичности и инаковости» (перевод наш. — С.Б.) [Blond L., 2016, p. 259]. Онтологическое осмысление левинасовской концепции идентичности позволяет найти в ней полноценную альтернативу классическим представлениям об устройстве субъекта, потому что модель Левинаса позволяет решить две проблемы, существовавшие в классической концепции: неспособность данной трактовки идентичности отразить инаковость в субъекте и стирание инаковости в Другом.

Заключение

Проанализировав левинасовскую критику классической модели идентичности субъекта, мы пришли к выводу, что главный упрек Левинаса в адрес этой концепции состоит в том, что представление о тождественной идентичности

⁶ Здесь требуется важная оговорка относительно того, что для Левинаса инаковость Другого проявляется прежде всего в том, что по отношению к субъекту он выступает в статусе нуждающегося. Следовательно, степень инаковости Другого эквивалентна силе его нужды, а вместе с этим — и величине ответственности, которую субъект несет за Другого.

подпирает систему тотальности, которая стирает в субъекте его инаковость и лишает инаковости фигуру Другого. Этот эффект классической трактовки идентичности субъекта, по мнению Левинаса, накладывает на нее существенные ограничения. Исследование показало, что ответственность за Другого и перед Другим оказывается тем этическим способом обнаружения самости, который Левинас противопоставляет классической модели идентичности субъекта. Таким образом, мы приходим к *идентичности как ответственности* — концепции, в которой идентичность субъекта понимается как его ответственность за Другого перед самим собой и перед Другим за самого себя. Эта модель идентичности как ответственности, противопоставляемая Левинасом классическому представлению об идентичности, не просто выступает полноценной и жизнеспособной альтернативой, но способствует решению тех затруднений, на которые наталкивается привычное представление об идентичности субъекта, а именно — решение относительно Другого, подавляемого классической тождественной идентичностью субъекта, состоит в том, что идентичность как ответственность позволяет установить неэгоцентрическое отношение с Другим, поскольку субъект берет на себя ответственность за инаковость Другого. В результате инаковость Другого не только предполагается, но еще и становится источником идентичности субъекта: дистанция между Другим и мной прямо пропорциональна величине ответственности, на которой, по Левинасу, покоится моя идентичность. Поскольку этическое становится критерием идентичности субъекта, величина ответственности за радикальную инаковость Другого онтологически усиливает мою идентичность. Левинас в построении своей концепции идентичности также приходит к выводу, что идентичность как ответственность способна решить и вторую проблему классической концепции идентичности, а именно — дать инаковости в самом субъекте проявиться в иных формах, кроме как в несоответствии собственной идентичности, которое принято именовать «кризисом идентификации». Это решение состоит в том, что, понятая как ответственность за самого себя перед Другим, левинасовская идентичность позволяет реинтегрировать идентичность и инаковость в субъекте на более высоком уровне — реинтегрировать как ответственность перед Ли-

цом Другого. В результате иное в субъекте оправдывается, и субъект перед Лицом Другого идентифицируется как незаменимая и уникальная самость. В противовес тотализации классической модели идентичности субъекта Левинас предлагает уникальность как черту его собственной концепции идентичности.

Таким образом, мы приходим к выводу, что онтология создаваемой Левинасом концепции идентичности как ответственности действительно способна указать нам на решение проблем, создаваемых классической идентичностью субъекта и категорией тотальности, которую она предполагает, а это, в свою очередь, открывает широкие перспективы для онтологического исследования и дальнейшей разработки концепции Левинаса.

Список литературы

- Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа / пер. с нем. М.: Мысль, 1977. 471 с.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1: Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академ. проект, 2009. 489 с.
- Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академ. проект, 2010. 229 с.
- Евстропов М.Н. «Иное, чем бытие»: лицо в метафизике Эмманюэля Левинаса. Часть I: Черты лица // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 44–49.
- Левинас Э. Заметки о смысле / пер. с фр. А.В. Ямпольской // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академ. проект, 2014. С. 18–38.
- Левинас Э. Тотальность и Бесконечное / пер. с фр. И.С. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 66–291.
- Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен / пер. с фр. В.В. Земсковой, Г.Б. Юдина // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академ. проект, 2014. С. 63–99.
- Сартр Ж.-П. Основная идея феноменологии Гуссерля: интенциональность / пер. с фр. А.И. Пигалева // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии: сб. ст / отв. ред. Т.А. Кузьмина. Рига: Зинатне, 1988. С. 318–320.

Сокулер З.А. Пассивнее самой пассивности: субъективность и идентичность в учении Э. Левинаса // Субъективность и идентичность: колл. моногр. / отв. ред. А.В. Михайловский. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 198–211.

Сокулер З.А. Субъективность, язык и Другой: новые пути и искушения мысли, открываемые учением Эммануэля Левинаса. М.: Университетская книга, 2016. 240 с.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

Ямпольская А.В. Гетерогенность самости: проблематизация идентичности у позднего Левинаса // ESSE: Философские и теологические исследования. 2019. Т. 4, № 2. С. 34–47.

Blond L. Identity, Alterity and Racial Difference in Levinas // Identity and Difference: Contemporary Debates on the Self / ed. by R. Winkler. Johannesburg, ZA: Macmillan, 2016. P. 259–281. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-40427-1_11

Levinas E. Autrement qu'être ou au-delà de l'essence. La Haye, FR: Martinus Nijhoff, 1974. 242 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-015-1111-7>

Petrilli S. The Law Challenged and the Critique of Identity with Emmanuel Levinas // International Journal for the Semiotics of Law. 2022. Vol. 35, iss. 1. P. 31–69. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11196-021-09845-7>

References

Blond, L. (2016). Identity, alterity and racial difference in Levinas. R. Winkler (ed.) *Identity and difference: Contemporary debates on the self*. Johannesburg, ZA: Macmillan Publ., pp. 259–281. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-40427-1_11

Erikson, E. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and crisis]. Moscow: Progress Publ., 344 p.

Evstropov, M.N. (2011). [«Other than being»: Face in the metaphysics of Emmanuel Levinas. Part I: Features of face]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 342, pp. 44–49.

Hegel, G. (1977). *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3: Filosofiya dukha* [Encyclopedia of the philosophical sciences. Vol. 3: Hegel's philosophy of mind]. Moscow: Mysl' Publ., 471 p.

Husserl, E. (2009). *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga 1: Obshcheye vvedeniye v chistuyu fenomenologiyu* [Ideas pertaining to a pure phenomenology and to phenomenological philosophy. Book 1: General introduction to pure phenomenology]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 489 p.

Husserl, E. (2010). *Kartezijskie meditatsii* [Cartesian meditations: an introduction to phenomenology]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 229 p.

Levinas, E. (1974). *Autrement qu'être ou au-delà de l'essence* [Otherwise than being, or beyond essence]. La Haye, FR: Martinus Nijhoff Publ., 242 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-015-1111-7>

Levinas, E. (2000). [Totality and infinity]. *Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe* [Levinas E. Selected works. Totality and infinity]. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., pp. 66–291.

Levinas, E. (2014). [Notes on meaning]. *(Post)fenomenologiya: Novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami, sost. S.A. Sholokhova, A.V. Yampolskaya* [S.A. Sholokhova, A.V. Yampolskaya (eds.) (Post)phenomenology: New phenomenology in France and abroad]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., pp. 18–38.

Marion, J.-L. (2014). [Saturated phenomenon]. *(Post)fenomenologiya: Novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami, sost. S.A. Sholokhova, A.V. Yampolskaya* [S.A. Sholokhova, A.V. Yampolskaya (eds.) (Post)phenomenology: New phenomenology in France and abroad]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., pp. 63–99.

Petrilli, S. (2022). The law challenged and the critique of identity with Emmanuel Levinas. *International Journal for the Semiotics of Law*. Vol. 35, iss. 1, pp. 31–69. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11196-021-09845-7>

Sartre, J.-P. (1988). [Intentionality: a fundamental idea of Husserl's phenomenology]. *Problemy ontologii v sovremennoy burzhuaznoy filosofii, otv. red. T.A. Kuz'mina* [T.A. Kuzmina (ed.) Problems of ontology in contemporary bourgeois thought]. Riga: Zinatne Publ., pp. 318–320.

Sokuler, Z.A. (2012). [More passive than the passivity itself: Subjectivity and identity by E. Levinas]. *Sub'ektivnost' i identichnost', otv. red. A.V. Mikhaylovskiy* [A.V. Mikhaylovskiy (ed.) Subjectivity and identity]. Moscow: HSE Publ., pp. 198–211.

Sokuler, Z.A. (2016). *Sub'ektivnost', yazyk i Drugoy: novye puti i iskusheniya mysli, otkryvaemye ucheniem Emmanuelya Levinasa* [Subjectivity, language and other: New ways and temptations of thought opened by the teachings of Emmanuel Levinas]. Moscow: Universitetskaya Kniga Publ., 240 p.

Yampol'skaya, A.V. (2019). [Heterogeneity of self: the problematisation of identity in later Levinas]. *ESSE: Filosofskie i teologicheskie issledovaniya* [ESSE: Studies in Philosophy and Theology]. Vol. 4, no. 2, pp. 34–47.

Об авторе

Буланов Станислав Михайлович

аспирант кафедры онтологии и теории познания
философского факультета

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: zzzamazzz@gmail.com
ResearcherID: KLC-4714-2024

About the author

Stanislav M. Bulanov

Postgraduate Student of the Department of Ontology
and Epistemology, Faculty of Philosophy

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: zzzamazzz@gmail.com
ResearcherID: KLC-4714-2024

УДК 128

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-505-515>

EDN: XARAOК

Поступила: 15.02.2024

Принята: 29.07.2024

Опубликована: 27.12.2024

СПАСИТИ СИЗИФА И НЕ ПОПАСТЬ В КАМЕРУ СЧАСТЬЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Лохов Сергей Александрович, Мамченков Дмитрий Валерьевич

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва)

Статья раскрывает антиномию, возникающую в современных натуралистских дискуссиях по вопросу о смысле жизни. Нигилизм, супранатурализм и натурализм — три основных подхода, в рамках которых развивается философская дискуссия о проблеме смысла жизни в XXI в. Натурализм, самая популярная версия, предполагает, что ответ на вопрос о смысле жизни сочетает в себе три несовместимых друг с другом характеристики: объективность, имманентность и свободное принятие (недетерминированность). Демонстрируется, что крайние натуралистические подходы, провозглашающие субъективизм, трансцендентность или детерминизм неизбежно ведут к противоречию. В то же время любая из существующих материалистических концепций вынуждена либо принять эти характеристики, либо допустить абсурдное решение, что иллюстрируется мысленным экспериментом «Спаси Сизифа». Что могли бы философы предложить Сизифу — олицетворению бессмысленного труда — в качестве смысла жизни? Другая крайность, возникающая при субъективизации смысла жизни, демонстрируется в мысленном эксперименте «Камера счастья»: есть ли что-то, способное удержать человека от стремления попасть в установку, напрямую стимулирующую мозговые центры удовольствия неограниченно долгое время? Единственным продуктивным решением данной проблемы является смещение внимания натурализма со «смысла жизни» на «цель жизни». Человек самостоятельно и свободно формирует цель своей жизни, но в то же время она становится объективной по мере ее реализации. Применимость такого подхода иллюстрируется еще одним мысленным экспериментом «е2-е4»: отдельный ход шахматной партии вполне может иметь свою цель, и эта цель будет становиться все более реальной по мере разворачивания замысла игрока. При этом сама игра в шахматы, согласно сущности любой игры, является бессмысленной.

Ключевые слова: смысл жизни, цель жизни, Сизиф, натурализм, супранатурализм, нигилизм, абсурд.

Для цитирования:

Лохов С.А., Мамченков Д.В. Спаси Сизифа и не попасть в Камеру счастья: современные дискуссии о смысле жизни // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 505–515.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-505-515>. EDN: XARAOК

TO SAVE SISYPHUS AND AVOID THE HAPPINESS WARD: MODERN DISCUSSIONS ON THE MEANING OF LIFE

Sergey A. Lokhov, Dmitry V. Mamchenkov

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

The article reveals the antinomy arising in modern naturalistic discussions on the meaning of life. Nihilism, supranaturalism, and naturalism are the three main approaches within which the philosophical discussion about the meaning of life develops in the 21st century. Naturalism, being the most popular version, assumes that the answer to the question of the meaning of life combines three incompatible characteristics: objectivity, immanence, and free acceptance (non-determinism). The paper demonstrates contradiction resulting from extreme naturalistic approaches proclaiming subjectivism, transcendence, or determinism. At the same time, any of the existing materialistic concepts is forced either to accept these characteristics or to assume an absurd solution, which is illustrated by the thought experiment «Save Sisyphus». What could philosophers offer Sisyphus, being the personification of meaningless labor, as the meaning of life? The other extreme, which arises when subjectivizing the meaning of life, is demonstrated in the «Happiness Ward» thought experiment: is there anything that can keep a person from striving to get into an installation that directly stimulates the brain pleasure centers for an indefinitely long time? The only productive solution to this problem is to shift the focus of naturalism from the «meaning of life» to the «purpose of life». A person independently and freely forms the purpose of his life, but, at the same time, the purpose becomes objective as it is realized. The applicability of this approach is illustrated by another thought experiment e2-e4: a single chess move may have its own goal, and this purpose will become more and more real as the player's plan unfolds. At the same time, the game of chess itself, according to the essence of any game, is meaningless.

Keywords: the meaning of life, the purpose of life, Sisyphus, naturalism, supranaturalism, nihilism, absurdity.

To cite:

Lokhov S.A., Mamchenkov D.V. [To save Sisyphus and avoid the Happiness Ward: modern discussions on the meaning of life]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 505–515 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-505-515>. EDN: XARAOK

Введение

«Вечный философский вопрос» о смысле жизни оказывается как нельзя более актуальным в современном обществе [Hosseini R., 2015, p. 1]. Чем больший прагматизм провозглашается, чем выше уровень удовлетворения материальных потребностей в развитых странах, тем актуальнее запрос о смысле жизни. Действительно, в бедных, развивающихся странах вопрос о смысле не встает, т.к. он очевиден — выжить и обеспечить минимальный уровень комфорта себе и своим детям. В развитых же странах уже с детского возраста приходит осознание гаранти-

рованного удовлетворения базовых потребностей, отсутствием необходимости бороться за хлеб насущный. На взгляд авторов, в этом одна из предпосылок высокого уровня безработицы среди молодежи и относительно высокого количества суицидов именно в развитых странах.

Два аспекта современной культуры подпитывают актуальность вопроса о смысле жизни. Во-первых, это возрастающая тенденция формирования аддиктивных (зависимых) форм поведения личности. Проблема аддикции выходит из сферы частного интереса и обретает массовый характер. Аддиктология утверждает, что в основе «механизма» формирования зависимо-

сти лежит уход от реальности и потребность в принятии определенной воображаемой роли. В процессе развития зависимости у человека сужается круг интересов, оттесняются высшие потребности и установки личности, разрушается смысловая сфера личности, формируется «смысловой вакуум» [Брюн Е.А., Цветков А.В., 2014, с. 172–173].

Во-вторых, особая атмосфера нашей эпохи создается девальвацией смысла. Большинство современных людей так или иначе, в той или иной форме знают о существовании различных концепций смысла жизни. Такие философские концепции смысла жизни как аскетическая, стоическая, гедонистическая, эвдомонистическая, деонтологическая, гуманистическая, экзистенциальная давно вышли за рамки философских школ и стали частью массовой культуры [Lokhov S.A. et al., 2018]. При этом можно с уверенностью утверждать, что информированность и доступность знания о смысле жизни не делает нашу жизнь более осмысленной.

Современная аналитическая философия активно обращается к проблеме смысла жизни, вокруг которой вырастает целое сплетение новых подходов и концепций. Основополагающими ответами на запрос о смысле жизни сегодня являются: нигилизм, натурализм, супранатурализм [Hosseini R., 2015, p. 3]. Нигилизм предполагает отсутствие ответа на вопрос о смысле жизни, а в большей степени — бессмысленность самого вопрошания. Натурализм — это попытка ответить на данный вопрос, опираясь на материалистический подход и его ценности. Супранатурализм указывает на смысл жизни, определяемый сверхъестественным, божественным миром. Рассмотрению дилеммы натурализм — супранатурализм посвящен пункт 2, а для лучшей иллюстрации возникающей антиномии предложен мысленный эксперимент «Спасти Сизифа».

Несмотря на попытки супранатурализма монополизировать поиски смысла жизни [Bennett-Hunter G., 2016], натурализм активно вторгается на данное поле исследований и предлагает множество вариантов ответа на данный вопрос. Здесь мы должны в первую очередь проанализировать, насколько возможна и оправдана сама постановка вопроса о смысле жизни в натурализме (рассмотрено в пункте 4). Далее, приходя к утвердительному выводу, мы обращаемся к систематизации разнородных натуралистиче-

ских подходов, выстроенных по нескольким линиям. Во-первых, это разделение подходов к смыслу жизни по источнику ответа: трансцендентный, существующий за пределами жизни человека, и имманентный, находимый в самой нашей жизни. Это разделение также часто преподносится как «смысл *жизни* — смысл *в жизни*». Во-вторых, это отношение к предмету, существует ли смысл независимо от вопрошающего субъекта: объективный (смысл существует независимо от субъекта) и субъективный (смысл существует только у субъекта и для субъекта); здесь выделяется также гибридный взгляд. Далее, по предопределенности ответа: свободно создаваемый субъектом или навязанный субъекту внешним воздействием.

Проведение такой классификации позволяет осознать антиномию, возникающую в натуралистическом подходе: смысл жизни должен быть одновременно имманентным, объективным (хотя бы в определенной степени) и свободно принимаемым субъектом. Такое прояснение позволяет наметить путь к разрешению противоречия, пролегающий через корректировку языковых выражений: замене *смысла* жизни на *цель* жизни при вопрошании с позиции натурализма.

Натурализм vs супранатурализм

Нигилизм и супранатурализм представляютходы, во многом осмысленные классической традицией. Принципиальное новаторство мы обнаруживаем в подходе натурализма, который стремится опираться на достижения современных естественных наук в познании природы человека, но с другой — пытается решить исключительно гуманитарную проблему смысла жизни.

Гай Беннетт-Хантер [Bennett-Hunter G., 2016] отстаивает тезис, согласно которому человеческая жизнь обретает смысл с опорой на то, что находится за пределами человеческого существования и является «невыразимым» средствами языка. «Невыразимое» открывается человеку через эмоциональные и эстетические переживания, которые являются основанием для обретения смысла жизни. Однако критики [Metz Th., 2016] указывают на то, что многие аспекты жизни человека, не связанные с божественной сущностью, тем не менее, могут и являются осмысленными.

Мы предлагаем рассмотреть действенность аргумента супранатурализма при помощи мыс-

ленного эксперимента «e2-e4». Игра, как это блестяще демонстрирует Хёйзинга [Хёйзинга Й., 1997], вырывается из обыденной жизненной детерминации, создавая автономное поле смыслов. Вопрос о смысле игры по определению не имеет смысла. Но это как будто не отменяет то, что шахматный ход e2-e4 имеет смысл (не является ошибкой, «зевком»). Несмотря на то, что шахматы бессмысленны, отдельные ходы шахматных фигур вполне имеют смысл. На основании этого эксперимента мы можем уверенно полагать, что отдельные события и ценности в нашей жизни могут обладать смыслом, несмотря на то что в целом жизнь не имеет трансцендентного смысла. «Поиск смысла “до конца” может быть не открытием того, что придает смысл всем другим значимым условиям, а просто всеобъемлющим подсчетом всех существующих или возможных смысловых условий» (перевод наш. — С.Л., Д.М.) [Metz Th., 2016, p. 1256]. То есть смысл жизни создается самой жизнью, как сущность человека создается им самим [Сартр Ж.-П., 2000]. Однако не правильнее ли называть такие локальные смыслы отдельных действий целями, а не смыслами? Насколько оправдан для частных активностей зов трансцендентного, символичность, отличающая «смысл» от «цели», — к этому вопросу вернемся чуть позже.

Если мы подходим к проблеме чисто описательно, социологически и спрашиваем: есть ли вещи, не связанные с богом, которые для некоторого человека являются смыслом жизни? Положительный ответ здесь очевиден. Да, такие вещи существуют, даже если они существуют только в воображении человека. Но лишь до тех пор, пока этот человек не задумался о том, что наделяет его жизнь смыслом.

Возвращаясь к мысленному эксперименту с шахматами, можно сказать: осмысленность даже всех ходов партии (хотя бы одного игрока) отнюдь не наделяет всю игру смыслом. Все ходы могут быть замечательно продуманы и обоснованы, но это не значит, что шахматы имеют смысл, что имеет смысл играть в шахматы. Хотя в реальности шахматы (как и почти любая игра) имеет определенную пользу для увлеченного игрока: развивает логическое мышление, внимательность, способность предвидеть действия другого человека и т.п., но это все трансцендентные смыслы, имеющие значение *вне* шахмат. Шахматы имеют

определенный трансцендентный смысл, но этот смысл никак не связан с осмысленностью отдельного хода как такового внутри самой игры. Поэтому мы можем заключить, что *трансцендентные и имманентные смыслы существуют независимо друг от друга*. Даже если в целом Вселенная имеет некий глобальный смысл, отдельные ее части вполне могут быть бессмысленны (например, являться случайными отклонениями, какими-то стохастическими мутациями, ведущими к уродствам, а не к новым видам). Верно и обратное: осмысленность части при бессмысленности целого.

Мысленный эксперимент «Спасти Сизифа»

Возможности трех основных подходов к смыслу жизни могут быть ясно проиллюстрированы в предлагаемом мысленном эксперименте.

Дано: есть человек Сизиф, который обречен заниматься тяжелым и малоприятным занятием — затаскивать камень на гору. Более того, это занятие бессмысленно, т.к. камень постоянно скатывается, не достигнув вершины. Однако, если он сможет закатить этот камень, то освободится. Но закатить камень невозможно.

Вопрос: при каких условиях жизнь Сизифа наполнится смыслом?

Ответ нигилизма: ни при каких. Он может выбрать между самоубийством или сознательным продолжением абсурдной жизни.

Ответ супранатурализма: он должен верить в бога. Увидев страдания и старания Сизифа, боги смилостивятся и освободят его. Спрашивать, зачем ему нужно было затаскивать этот камень, бессмысленно, т.к. божественный смысл непостижим для человека.

Ответ натурализма: поменять свое отношение к процессу. Это может быть достигнуто химически — физиологическим способом (ввести специальное вещество, которое заставит Сизифа думать, что катание камней — это лучшее в мире занятие; или стирать память после каждой неудачи). Также Сизиф может сам убедить себя в том, что не нужно спрашивать о конечном смысле его работы; нужно сосредоточиться на каждом акте подъема и увидеть, что каждый из них имеет свою цель, значит, и в целом, его жизнь не бессмысленна [Metz Th., 2019]. Также он может увидеть, что его работа каким-то благотворным образом влияет на других людей или даже животных, улучшает экологическую ситуацию.

Вариантов действительно много. Эти варианты всерьез предлагают серьезные исследователи как ответ на вопрос о смысле жизни человека. Но все они перечеркиваются тем фактом, что Сизиф НЕ сможет затащить камень.

Любопытно также допустить, что, если бы условия задачи были вроде бы не существенно модифицированы: Сизиф по-прежнему не мог бы затащить камень, но в каждой попытке существовал определенный прогресс. Точнее не в каждой, а только в некоторых, причем отчасти в случайном порядке (это важно для максимальной выработки дофамина [Sapolsky R.M., 2017]); но, оглядываясь на весь свой пройденный путь, на все свои старания, он бы видел, какой огромный путь проделал, каких достиг высот и совершенства в своем деле. И тогда бы Сизиф был бы не символом бессмысленного страдания, а образцом счастливейшего и целеустремленного человека.

Поэтому формула смысла жизни, предлагаемая натурализмом, в любом случае оказывается очень проста: смысл жизни — асимптота и забывчивость.

Категориальная схема смысла в натурализме

Ответ на вопрос о смысле жизни требует проявления соотношения со связанными категориями.

В поисках ответа на наш вопрос нужно, во-первых, прояснить: откуда происходит смысл жизни? Исходит ли он от самого человека — мы называем это имманентный смысл, либо приходит откуда-то извне — трансцендентный смысл.

Имманентный подход предполагает, что жизни возникают внутри самой жизни человека, поэтому его часто обозначают как *смысл в жизни*. Трансцендентный же смысл задается как *смысл жизни*, т.е. как рационализированная ценность, которая существует за пределами жизни человека и приходит в жизнь извне.

Совершенно очевидно, что натурализм не может допускать трансцендентные смыслы, т.к. это прямой путь к супранатурализму. Предполагая, что смысл *задан*, тут же возникает вопрос (кем задан?), т.е. некую сверхъестественную сущность.

Характерным примером такой позиции будет эволюционная антропология Эдварда Уилсона. Представляя собой попытку объединить

естественнонаучные и гуманитарные теории о человеке, эта концепция предлагает собственное видение смысла жизни. Эдвард Уилсон в книгах «О природе человека» [Уилсон Э., 2015a], «Смысл существования человека» [Уилсон Э., 2015b] пишет, что если человечество развивалось путем дарвиновского естественного отбора, то наш вид возник благодаря генетическим комбинациям и в силу экологической необходимости, а не по воле Бога. Из этой гипотезы следует, что у человека как биологического вида нет никакой цели, внешней по отношению к его собственной биологической природе. Традиционные религиозные убеждения, моральные принципы, в том числе и потребность в смысле — не что иное как жизненно необходимые механизмы выживания. Понимаемые в такой интерпретации они лишаются какого бы то ни было трансцендентного значения, соответственно, лишая человека трансцендентных целей. Согласно эволюционной антропологии Эдварда Уилсона, «истинная цель человека — это человек» [Уилсон Э., 2015a, с. 45]. Для реализации этой цели человеку необходимо сохранить биоразнообразие как условие существования окружающей среды, в которой наш биологический вид сформировался. Таким образом, проблема смысла в жизни разворачивается уже в контексте экологического содержания, как борьба за сохранение и поддержание жизни на Земле.

Вторым существенным водоразделом в ответах на вопрос о смысле жизни является понимание степени объективности утверждаемого смысла.

Субъективистский подход утверждает, что смысл может быть только в том, что имеет значение для конкретного человека, и нет нужды задаваться вопросом о том, имеет это хоть какое-то значение вовне его. В качестве примера субъективизма можно указать позицию Франкфурта. Он опирается на экзистенциальную аргументацию. Так, например, в случае любви «посвящения себя тому, что любишь, достаточно, чтобы сделать свою жизнь осмысленной, независимо от присущего или объективного характера объектов, которые любишь» (перевод наш. — С.Л., Д.М.) [Frankfurt H., 2002, p. 250]. Схожие мысли мы найдем и в работе Трисель: «поскольку нет никакой predetermined цели

жизни или, по крайней мере, нет никаких доказательств такой цели, единственные цели, которые мы могли бы не достичь, — это те, которые *мы задумали*» (перевод наш. — С.Л., Д.М.) [Trisel B.A., 2002, p. 73]. Трисель ставит вопрос так: если Вселенная безразлична к нам (т.е. объективного смысла нет), приводит ли это к бессмысленности жизни каждого из нас (т.е. означает ли это отсутствие субъективного смысла)? И дает наиболее радикальный ответ на этот вопрос: даже если бы Вселенной и было бы до нас дело, то это, по сути, не отразилось бы на нахождении субъективного смысла, не улучшило бы качество нашей жизни. Такую позицию можно характеризовать как «радикальный субъективизм».

Однако субъективный смысл может быть и не таким безобидным: смысл жизни маньяков, тиранов, геростратов создает угрозу для общества; вправе ли такая жизнь называться осмысленной?

Согласно же чистому объективизму, осмысленность жизни не зависит от субъективных убеждений и желаний: жизнь имеет объективный, независимый от разума и контекста смысл. Например, компания Apple выдвинула в качестве брендового девиза слоган «Мы меняем мир». Таким образом, каждый, кто работает на Apple, знает, что он участник глобального проекта по изменению мира. Для каждого сотрудника Холдинга вне зависимости от степени его участия и должности этот девиз является объективным смыслом жизни. Следствием этого взгляда является то, что чья-то жизнь может быть объективно значимой независимо от того, как этот человек воспринимает свою собственную жизнь. С другой стороны, любая «объективность» — порождение нашего сознания, нашего уровня знаний и методов познания; абсолютная точка зрения для человека недостижима. Поэтому установление подлинной объективности едва ли возможно [Politi V., 2019].

Натурализм пытается преодолеть эту дихотомию, создавая промежуточные позиции. П. Тагард [Thagard P., 2013] утверждает, смысл жизни может быть найден в том, что помогает человеку дать положительную оценку своей жизни. Он показывает, что дискуссия вращается вокруг угла зрения на эту проблему. Так же, как

и подход языковых игр Витгенштейна, которые полностью доступны стороннему наблюдателю и не предполагают «внутреннего знания» смысла слов, натурализм не способен выйти из парадигмы «трудной проблемы сознания». Натурализм обречен на описание человека только от третьего лица, он способен лишь только описательно зафиксировать, что статистически надеяет жизнь людей смыслом. Натурализм говорит о смысле в жизни, но при этом он не способен сказать о смысле жизни как таковом.

С. Вульф [Wolf S., 2010] разрабатывает «гибридный подход», где демонстрирует, что субъективизм (эгоизм) и объективизм (жизнь ради высших ценностей, морального долга) могут сочетаться друг с другом, если жизнь в конечном счете будет направлена на некие позитивные ценности; т.е. они совместимы, если осмысленной понимается жизнь, продвигающая позитивные ценности. Эта концепция включает в себя субъективные и объективные элементы, неразрывно связанные с утверждением позитивных ценностей. Смысл чьей-то жизни «возникает тогда, когда субъективная привлекательность встречается с объективной привлекательностью, и человек способен что-то сделать с ней» (перевод наш. — С.Л., Д.М.) [Wolf S., 2010, p. 26], или «смысл возникает тогда, когда субъективная оценка встречается с объективной ценностью» (перевод наш. — С.Л., Д.М.) [Evers, D., Smeden, G.E. van, 2016, p. 358]. Именно интерсубъективное соглашение — то, что придает жизни некую объективную ценность. Для объективизма жертвенное поведение во имя ложных ценностей (ложных для нашей культуры) является полностью бессмысленным. Интерсубъективизм же сделает вывод об относительной осмысленности такого поведения для конкретного культурного контекста.

Такой подход также не приносит разрешения дилеммы, в его основе лежит стремление к субъективному ощущению счастья, что далеко не всегда будет делать жизнь человека действительно значимой. Релятивизм как гибридной, так и субъективной позиции не способен преодолеть соблазн «Камеры счастья». Камера счастья — мысленный эксперимент, вдохновленный знаменитым нейрофизиологическим экспериментом с воздействием на центры удовольствия крысы [Olds J., Milner P., 1954]. Подопытной

крысе в мозг вживляются электроды, стимулирующие центры удовольствия. Клавиша, замыкающая контакт, выводится в клетку, и крыса может сама управлять подачей напряжения на электроды. В результате, если испытание не прервать, крыса будет наживать клавишу до тех пор, пока не упадет от изнеможения. Экстраполяции данного эксперимента, в том числе и на человека, показывают силу «подлинного» удовольствия, ради получения которого испытуемый готов на любые лишения.

«Камера счастья» — схожая установка, в которую человек входит добровольно, и пребывание в ней не ограничено по времени. Добровольца, назовем его Камерамэн, подключают к аппаратам искусственного жизнеобеспечения, а его мозг — к стимуляторам центров удовольствия (электромагнитным, химическим и др.) Камерамэну дается возможность контроля над процессом: либо продолжить стимуляцию, либо прервать эксперимент. Благодаря искусственному поддержанию жизни Камерамэн может находиться в таком состоянии по крайней мере десятки лет, с помощью правильно подобранного и постоянно увеличивающегося воздействия на мозг, он находится все это время в состоянии беспредельного блаженства.

Камера счастья обеспечивает наивысший уровень удовольствия и счастья, доступный человеку (если вдруг степень блаженства снизится, установка скорректирует программу, введет дополнительные методы воздействия на испытуемого). Любой последовательно мыслящий человек, не признающий объективный смысл жизни (субъективист, представитель гибридной позиции, нигилист), должен стремиться стать Камерамэном. Спросит ли Камерамэн о смысле жизни?

Третий фундаментальный вопрос о направлении поиска смысла состоит в свободе принятия смысла жизни.

Религиозная, культурная, семейная традиции по ходу социализации личности авторитарно закладывают установки на ряд смыслов. Для супранатуралистической позиции смысл безусловно задан. Свобода субъекта может состоять лишь в том, чтобы принять и исполнять этот смысл, либо не понять или оторваться от него.

Для подавляющей части натуралистических подходов возможность свободного принятия

смысла является принципиальной. Если смысл жизни предзадан, навязан человеку извне, тогда в чем наше отличие от материальных вещей, выполняющих свою функцию? «Человек — это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия» [Сартр Ж.-П., 1990, с. 323]. В то же время свобода в принятии смысла жизни ведет к его субъективизации, потери объективной значимости.

Таким образом, возникает *антиномия натуралистического смысла*: смысл жизни является объективным, имманентным и свободно принимаемым субъектом.

Смысл жизни должен иметь (хотя бы в определенной степени) объективное значение, т.е. не зависеть от человека; но в то же время порождаться самим человеком и свободно приниматься им.

Разрешение антиномии

Может ли быть свободный объективный (имманентный) смысл? Ценность приобретает объективное значение, когда способна воцелить все элементы процесса. Цель является субъективной, пока существует только в сознании субъекта, но когда она запустила деятельность, она начинает приобретать все большую объективность. Цель жизни — это то, что направляет на объективацию субъективные смыслы и ценности. И целью всей жизни она становится в большей степени по мере того, как человек к ней стремится. Свобода здесь не в познании, а *создании* необходимости.

Попытки прояснить значение используемых выражений в дискуссии о смысле жизни осуществляются в современной философии. Например, Джошуа Сичрис [Seachris J., 2019] различает три аспекта смысла жизни: И-Смысл (интеллигибельный, смысл как понимание), Ц-Смысл (цель) и З-Смысл (значение, ценность). Интересно отметить, что такое разделение напоминает триаду целое-цель-ценность. Обычно «смысл жизни» понимается как более широкое понятие, поскольку объединяет все эти аспекты; однако в целях анализа необходимо провести границы между ними. Во-первых, смысл жизни — это осмысленность, смысл вообще,

смысл некоторого знака. Жизнь здесь предстает как некий текст, указывающий, символизирующий нечто большее, чем сам человек. Во-вторых, смысл может быть понят как цель, т.е. устремленность на осознанный результат своих действий. Отдельное действие не бессмысленно, только когда имеет свою цель — идеальный образ конечного результата. Значит и жизнь, как череда связанных действий, тоже должна иметь свою цель. В-третьих, смысл жизни — это значимость моей жизни для чего-то еще: жизнь может быть ориентирована на что-то, представляющее безусловную ценность, ценность бо́льшую, чем сама жизнь.

Самый важный из них для Сичриса — И-Смысл. Установление смысла часто заключается в том, чтобы поместить что-то в более широкий контекст или целое: слова — в предложения, абзацы, романы; музыкальные ноты — в такты, движения, и симфонии (т.е. движение от простого звука к музыке), части фотографии — внутри всей фотографии. Смысл — это понимание в более широком контексте. Отсутствие такого смысла остро ощущается в культуре Макбет — Беккет — Камю. Многие думают, что натуралистическая история Вселенной — это, в сущности, «абсурдная история, рассказанная идиотом». Макбета и Камю не удовлетворяют натуралистические ответы на этот вопрос. В то же время, даже если что-то понятно, т.е. дано некое объяснение, оно может быть ложно. Также мы должно допускать, что если смысл есть, то он может быть ужасен и зол. Хотя И-Смысл наиболее фундаментален, ответ должен быть найден на все три вопроса, иначе он будет неполным; такую позицию Джошуа Сичрис называет «смысловой холизм». Что означает возвращение дискуссии о смысле в жизни в уже существующую парадигму.

Поиски смысла жизни могут идти либо онтологическом образом (смысл творится субъектом — *смысл в жизни*), либо гносеологическом путем (познание существующего смысла — *смысл жизни*). Тип вопрошания предопределяет способ ответа на вопрос. Гносеологический подход приводит к детерминированному и объективному смыслу — *смыслу жизни*. Антиномия смысла жизни возникает при попытке соединить в одном ответе онтологический и гносеологический пути. Разрешение антиномии может быть

достигнуто в самом факте познания, факте деятельности. Цель же жизни сочетает необходимые характеристики: объективное значение (ценность) и субъективное (воля) (онтогносеологический подход, ответ на вопросы что? и как?) [Gnatik E.N. et al, 2018].

Заключение

Как было продемонстрировано, современный натурализм, обращаясь к вопросу о смысле жизни, впадает в неизбежную антиномию. Исправление самого вопроса на вопрос о цели жизни позволяет избавиться от этой трудности. «Цель», в отличие от «смысла», предполагает не пассивно-созерцательное отношение к жизни, а активно-деятельностное. Такая деятельность не всегда будет глобальной, это может быть и частная, локальная активность, скажем, обучение игре в шахматы. Связность же частных целей зависит только от выбора самого человека, хочет ли он воспринимать свою жизнь как единое целое, как целостный процесс. В таком случае ему необходимо найти некую глобальную цель, достижению которой он может посвятить всю свою жизнь.

Цель формируется в сознании субъекта, и поэтому является имманентной. Цель трансцендентна деятельности и одновременно имманентна, т.к. присутствует в самой деятельности как то, что придает ей целостность.

Трансцендентная цель есть тогда, когда есть творец и он своим замыслом создает некую сущность для своей цели. Тогда эта сущность полностью предопределена в своем существовании (сущность прежде существования; «нож Сартра»). У этой сущности самой по себе не может быть смысла, она бессмысленна вне задумки творца.

Имманентная цель — то, что создается самим процессом (именно такие цели легитимны в разговоре об эволюции материи). Соответственно, само движение объекта, то направление, которое он выбирает, и становится целью (и с другой стороны, формирует целостность объекта; цель — целостность). Поэтому, если человек нашел смысл жизни, он будет стремиться к некоторой цели. Если же он не стремится, смысл не породил цель, такой смысл растворяется в себе. Однако цель как таковая не существует без деятельности по ее реализации. Именно стрем-

ление ее воплотить дает цели существование, и это существование приобретает объективный характер. Кроме того, цель деятельности — это то, что принимается свободно; принятие цели — это не акт одномоментного выбора, но длящийся процесс по реализации цели. Цель как конечная причина обосновывает выбор «задним числом», уже после ее достижения.

Таким образом, именно смена парадигмы с поиска смысла жизни на выбор цели жизни позволяет избежать патовой ситуации, сложившейся в современной натуралистической философии.

Список литературы

Брюн Е.А., Цветков А.В. Практическая психология зависимости. М.: Наука, 2014. 294 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 640 с.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. А.А. Санина // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.

Уилсон Э. О природе человека / пер. с англ. Т.О. Новиковой. М.: Кучково поле, 2015. 352 с.

Уилсон Э. Смысл существования человека / пер. с англ. О.Ю. Сивченко. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 216 с.

Хёйзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / пер. с голл. Д.В. Сильвестрова. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

Bennett-Hunter G. Ineffability and Religious Experience. N.Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. 224 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315654119>

Evers D., Smeden G.E. van. Meaning in life: In defense of the hybrid view // The Southern Journal of Philosophy. 2016. Vol. 54, iss. 3. P. 355–371. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjp.12179>

Frankfurt H. Reply to Susan Wolf // The contours of agency: Essays on themes from Harry Frankfurt / ed. by S. Buss, L. Overton. Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. P. 245–252. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/2143.003.0027>

Gnatik E.N., Lokhov S.A., Mamchenkov D.V., Matyushova M.P. The Hard Problem of Consciousness in the Light of Onto-Gnoseological Uncertainty // Scientia et Fides. 2018. Vol. 6, no. 2. P. 101–113. DOI: <https://doi.org/10.12775/setf.2018.013>

Hosseini R. Wittgenstein and Meaning in Life: In Search of the Human Voice. London: Palgrave Macmillan, 2015. 190 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137440914>

Lokhov S.A., Mamchenkov D.V., Tavberidze D.V. The Meaning of Life as a Subject of Philosophical Reflection // Proceedings of the 3rd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2018). Paris: Atlantis Press, 2018. P. 63–67. DOI: <https://doi.org/10.2991/iccessh-18.2018.15>

Metz Th. Is Life's Meaning Ultimately Unthinkable?: Guy Bennett-Hunter on the Ineffable // Philosophia. 2016. Vol. 44, iss. 4. P. 1247–1256. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11406-015-9654-y>

Metz Th. Recent work on the meaning of «life's meaning»: Should we change the philosophical discourse? // Human Affairs. 2019. Vol. 29, iss. 4. P. 404–414. DOI: <https://doi.org/10.1515/humaff-2019-0035>

Olds J., Milner P. Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain // Journal of Comparative and Physiological Psychology. 1954. Vol. 47, iss. 6. P. 419–427. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0058775>

Politi V. Would My Life Still Be Meaningful? Intersubjectivism and Changing Meaning in Life // Human Affairs. 2019. Vol. 29, iss. 4. P. 462–469. DOI: <https://doi.org/10.1515/humaff-2019-0041>

Sapolsky R.M. Behave: The Biology of Humans at Our Best and Worst. N.Y.: Penguin Press, 2017. 800 p.

Seachris J. From the meaning triad to meaning holism: Unifying life's meaning // Human Affairs. 2019. Vol. 29, iss. 4. P. 363–378. DOI: <https://doi.org/10.1515/humaff-2019-0031>

Thagard P. Nihilism, skepticism, and philosophical method: A response to Landau on coherence and the meaning of life // Philosophical Psychology. 2013. Vol. 26, iss. 4. P. 619–621. DOI: <https://doi.org/10.1080/09515089.2012.696330>

Trisel B.A. Futility and the meaning of life debate // Sorites. 2002. Vol. 14. P. 70–84.

Wolf S. Meaning in life and why it matters. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010. 162 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400834594>

References

Bennett-Hunter, G. (2016). *Ineffability and religious experience*. New York: Routledge, Taylor & Francis Group Publ., 224 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315654119>

Brun, E.A. and Tsvetkov, A.V. (2014). *Prakticheskaya psikhologiya zavisimosti* [Practical psychology of addiction]. Moscow: Nauka Publ., 294 p.

Evers, D., Smeden, G.E. van (2016). Meaning in life: In defense of the hybrid view. *The Southern Journal of Philosophy*. Vol. 54, iss. 3, pp. 355–371. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjp.12179>

Frankfurt, H. (2002). Reply to Susan Wolf. S. Buss, L. Overton (eds.) *The contours of agency: Essays on themes from Harry Frankfurt*. Cambridge, MA: The MIT Press, pp. 245–252. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/2143.003.0027>

Gnatik, E.N., Lokhov, S.A., Mamchenkov, D.V. and Matyushova, M.P. (2018). The hard problem of consciousness in the light of onto-gnoseological uncertainty. *Scientia et Fides* [Science and Faith]. Vol. 6, no. 2, pp. 101–113. DOI: <https://doi.org/10.12775/setf.2018.013>

Hosseini, R. (2015). *Wittgenstein and meaning in life: In search of the human voice*. London: Palgrave Macmillan Publ., 190 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137440914>

Huizinga, J. (1997). *Homo ludens. Stat'i po istorii kul'tury* [Homo ludens]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 416 p.

Lokhov, S.A., Mamchenkov, D.V. and Tavberidze, D.V. (2018). The meaning of life as a subject of philosophical reflection. *Proceedings of the 3rd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2018)*. Paris: Atlantis Press, pp. 63–67. DOI: <https://doi.org/10.2991/iccessh-18.2018.15>

Metz, Th. (2016). Is life's meaning ultimately unthinkable?: Guy Bennett-Hunter on the ineffable. *Philosophia*. Vol. 44, iss. 4, pp. 1247–1256. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11406-015-9654-y>

Metz, Th. (2019). Recent work on the meaning of «life's meaning»: Should we change the philosophical discourse? *Human Affairs*. Vol. 29, iss. 4, pp. 404–414. DOI: <https://doi.org/10.1515/humaff-2019-0035>

Olds, J. and Milner, P. (1954). Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain. *Journal of Comparative and Physiological Psychology*. Vol. 47, iss. 6, pp. 419–427. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0058775>

Politi, V. (2019). Would my life still be meaningful?: Intersubjectivism and changing meaning in life. *Human Affairs*. Vol. 29, iss. 4, pp. 462–469. DOI: <https://doi.org/10.1515/humaff-2019-0041>

Sapolsky, R.M. (2017). *Behave: The biology of humans at our best and worst*. New York: Penguin Press, 800 p.

Sartre, J.-P. (1989). [Existentialism is a humanism]. Nitshe F., Freyd Z., Fromm E., Kamyu A., Sartr Zh.-P. *Sumerki bogov* [Nietzsche F., Freud Z., Fromm E., Camus A., Sartre J.-P. Twilight of the gods]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 319–344.

Sartre, J.-P. (2000). *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology]. Moscow: Respublika Publ., 640 p.

Seachris, J. (2019). From the meaning triad to meaning holism: Unifying life's meaning. *Human Affairs*. Vol. 29, iss. 4, pp. 363–378. DOI: <https://doi.org/10.1515/humaff-2019-0031>

Thagard, P. (2013). Nihilism, skepticism, and philosophical method: A response to Landau on coherence and the meaning of life. *Philosophical Psychology*. Vol. 26, iss. 4, pp. 619–621. DOI: <https://doi.org/10.1080/09515089.2012.696330>

Trisel, B.A. (2002). Futility and the meaning of life debate. *Sorites*. Vol. 14, pp. 70–84.

Wilson, E.O. (2015). *O prirode cheloveka* [On human nature]. Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 352 p.

Wilson, E.O. (2015). *Smysl sushchestvovaniya cheloveka* [The meaning of human existence]. Moscow: Al'pina Non-fikshn Publ., 216 p.

Wolf, S. (2010). *Meaning in life and why it matters*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 162 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400834594>

Об авторах

Лохов Сергей Александрович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры онтологии и теории познания

Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: lokhov_sa@rudn.ru
ResearcherID: A-6747-2017

Мамченков Дмитрий Валерьевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры онтологии и теории познания

Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: mamchenkov-dv@rudn.ru
ResearcherID: T-6011-2019

About the authors

Sergey A. Lokhov

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Ontology and Theory of Knowledge

Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia,
6, Miklukho-Maklay st., Moscow, 117198, Russia;
e-mail: lokhov_sa@rudn.ru
ResearcherID: A-6747-2017

Dmitry V. Mamchenkov

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Ontology and Theory of Knowledge

Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia,
6, Miklukho-Maklay st., Moscow, 117198, Russia;
e-mail: mamchenkov-dv@rudn.ru
ResearcherID: T-6011-2019

УДК 17+316.752:130.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-516-526>

EDN: XZRWZX

Поступила: 11.03.2024

Принята: 27.06.2024

Опубликована: 27.12.2024

ПРОБЛЕМАТИКА ДЕФИНИЦИИ И СТАНОВЛЕНИЯ АНТИЦЕННОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Петев Николай Иванович

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир)

Данная работа связана с популяризацией феномена антиценности. Основная проблема: антиценность устанавливается как радикальная оппозиция ценности как явлению аксиологически положительному. Первая в подобной парадигме имеет не просто отрицательный характер, но «ценностно-уничтожающий», т.е. она преисполнена деструктивными тенденциями. Более того, она радикально отделяется от ценности, что дает возможность установить для нее автономию. Последнее же предполагает некую изоляцию антиценности от ценности, которая вызывает вопрос об их взаимоотношении. В такой парадигме возникает вопрос определения антиценности, а также проблематика ее отношения с ценностью. Основная цель: проанализировать возможность формирования дефиниции антиценности, которая будет иметь собственное основание, но вместе с тем не выходящее за рамки аксиологической сферы. Методология: в работе использованы диалектический, сравнительный, этический методы анализа, а также метод моделирования. В данной статье возможность дефиниции антиценности анализируется в парадигме ее отождествления с лишенностью и условием, используя дуалистический и диалектический принципы, а также экзистенциальную перспективу. Кроме того, в работе рассматривалась модель радикальной автономии антиценности. В результате сформулированы определенные выводы: 1. Диалектический принцип не позволяет сформировать понятие антиценности, т.к. в результате развития происходит становление именно ценности. 2. Рассмотрение антиценности как лишенности приводит к прямой зависимости от ценности, исключая тем самым автономию первой. 3. Анализ антиценности как условия также выявляет ее зависимость от ценности. 4. Модель радикальной автономии показывает свою несостоятельность для формирования дефиниции. 5. Дуалистический подход не только не решает вопрос определения антиценности, но и, наоборот, вызывает еще больше проблемных моментов. 6. Экзистенциальный подход выявляет избыточность, чрезмерность и безосновательность ввода антиценности в систему.

Ключевые слова: ценность, антиценность, бинарная оппозиция, автономность, лишенность, диалектика, дуализм, родо-видовое соотношение, дефиниция.

Для цитирования:

Петев Н.И. Проблематика дефиниции и становления антиценности: методологический аспект // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 516–526.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-516-526>. EDN: XZRWZX

THE PROBLEM OF DEFINING AND FORMATION OF ANTI-VALUE: A METHODOLOGICAL ASPECT

Nikolai I. Petev

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir)

The paper is related to popularization of the phenomenon of anti-value. The main problem of the article is defining anti-value as a radical opposition to value being an axiologically positive phenomenon. In such a paradigm, the former is not just negative but «value-destroying», that is, it is full of destructive tendencies. Moreover, it is radically separated from value, which makes it possible to establish autonomy for it. This implies a certain isolation of anti-value from value. In such a paradigm, there arises a question of defining anti-value as well as the problem of its relationship with value. The study aims to analyze the possibility of formulating a definition of anti-value having its own basis but at the same time not going beyond the axiological sphere. The author employs dialectical, comparative, ethical methods of analysis along with the modeling method. The possibility of defining anti-value is analyzed in the article within the paradigm of its identification with deprivation and condition, with the use of the dualistic and dialectical principle in conjunction with an existential perspective. In addition, the paper considers the model of radical autonomy of anti-value. The author comes to the following conclusions: 1. The dialectical principle does not allow the formation of the concept of anti-value because it is the formation of value that results from development. 2. Considering anti-value as deprivation leads to its direct dependence on value, thereby excluding the autonomy of the former. 3. The analysis of anti-value as a condition also reveals its dependence on value. 4. The model of radical autonomy shows its inadequacy for the formation of a definition. 5. The dualistic approach not only does not solve the problem of defining anti-value but, on the contrary, causes even more problematic issues. 6. The existential approach reveals the redundancy, excessiveness, and groundlessness of introducing anti-value into the system.

Keywords: value, anti-value, binary opposition, autonomy, deprivation, dialectics, dualism, generic relationship, definition.

To cite:

Petev N.I. [The problem of defining and formation of anti-value: a methodological aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 516–526 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-516-526>, EDN: XZRWZX

Введение

В современном обществе все больше наблюдается обращение к такому понятию, как антиценность. Статус данного понятия является спорным, поэтому использование термина «феномен» является условным. Одной из главных проблем является не только дефиниция данного явления, но и установление ряда феноменов, которые могут подпадать под данную категорию. В информационном пространстве, в частности в сети Интернет, все больше появляется статей, видеоматериалов и т.д. с темами «25

примеров антиценностей» [25 примеров..., электр. ресурс], «Антиценности: характеристики, примеры и последствия» [Антиценности..., электр. ресурс] или «Что такое антиценность с примерами». Примечательно, что содержание подобного контента дублируется на разных ресурсах, а иногда и информация в них идентична. Вопрос авторитетности возникает не только в рамках анализа содержания подобного материала, но и при обращении к литературе/источникам, на которые опираются его авторы. Данные работы базируются на материалах, связанных с коучингами и психотренингами,

которые применяются представителями «прикладной психологии» (особенно НЛП). Их отличительными чертами являются дидактизм, схоластичность, догматизм, синкретизм и эклектика.

Антиценности также являются объектом академического внимания в различных областях знания. Существуют работы, посвященные филологическим изысканиям антиценностных категорий [Криворучко И.С., 2023]. Наличествуют работы, которые анализируют феномен антиценности в художественной литературе [Georgieva-Teneva O., 2022], а также в сфере эстетического, в частности комичного [Бочкарев А.И., 2021]. Кроме того, стоит указать на исследования антиценности в области медиадискурса [Prisyazhnyuk T., Zilova E., 2014]. Однако в работах отсутствует дефиниция антиценности, т.е. конкретное определение содержания, которое раскроет ее качества, особенности, специфику, а также установит критерий установления для феномена данного статуса. Можно также отметить присутствующее отождествление антиценности с оценкой или отрицательной ценностью. В последнем случае определение латентно присутствует как элемент бинарной оппозиции, т.е. оно устанавливается через свою противоположность — ценность. Хотя это логически верный и простейший способ, но он мало что сказывает об антиценности, ее специфике и характерных чертах.

В философии существует множество определений понятия «ценность». Ценностями называют невербализуемые, «атомарные» составляющие наиболее глубинного слоя интенциональной структуры личности, которые конституируют ее внутренний мир как «уникально-субъективное бытие» [Шохин В.К., 2001, с. 535–536]. Данное понятие может быть использовано для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 765]. Таким образом, любое явление может стать предметом оценки с точки зрения таких бинарных категорий, как добро и зло, справедливость и несправедливость, истина и ложь и т.д. Еще одно определение ценностей — особое качество, которое связано с объектами и субъектами, и характеризует их единственность, единство, а также их место во всеобщей взаимосвязи [Мат-

веев П.Е., 2004, с. 16]. Хайдеггер М. отмечал, что характеристика чего-то как «ценности» лишает так оцененное его достоинства [Хайдеггер М., 1988]. Таким образом, определение чего-либо как ценности представляет собой процесс субъективизации и, соответственно, редукции онтологической самости предмета/явления.

Ницше Ф. указывал, что ценность может определяться тем, что за нее дают, т.е. тем, во что она нам обходится [Ницше Ф., 2014, с. 99–100]. Гоббс Т. писал о том, что люди не считают за благо то, что не дает преимущества и не выделяет среди других [Гоббс Т., 2001, с. 82]. Таким образом, если что-либо не соответствует данному требованию, то оно теряет свое аксиологическое содержание. Хотя, конечно, необходимо разделять такие понятия, как цена, оценка и ценность. Некоторые авторы отождествляют, сливают воедино оценку и ценность [Анисимов С.Ф., 2001, с. 14–15]. Другие, наоборот, проводят строгую демаркацию ценности и цены (стоимости) и оценки [Матвеев П.Е., 2004, с. 27]. В целом же, необходимо согласиться с тем, что понятие «ценность» имеет широкий диапазон трактовок. Таким образом, понятие ценности, а точнее, внутреннее содержание и дефиниция, зависит от определенной философской школы, конкретного исследователя, временного периода и иных объективно-субъективных факторов.

В качестве рабочего понятия антиценности возьмем следующее: антиценности — это не природные, а социальные явления, связанные с межличностными отношениями, отношениями в социуме, и они есть явления материальные, хотя и связанные с духовными отклонениями отдельных личностей и сообществ, организаций людей [Кулаева З.Т., 2018, с. 93]. Такая формулировка была взята по причине того, что именно такое понимание антиценности доминирует в популяризированных материалах в различных (особенно не профильных) источниках, в частности в сети Интернет. Могут быть инварианты такой дефиниции, но внутреннее содержание аналогично. Явления и факторы, которые подпадают под эту категорию, рассматриваются как катализаторы деградации человека и общества. Они носят антисоциальный, антигуманный, а также контркультурный характер.

Этимология слова «антиценность» происходит от сочетания др.-греч. слова *ἀξία* (пер. цена, стоимость, оценка, ценность, достоинство, возмещение, звание, положение и т.д.) и префикса *ἀντι* (это слово может переводиться как «вместо», «ради», «наравне», «подобно», «как», «в обмен на», «сравнительно с», «по отношению к», «кроме», «помимо» и т.д.), который придает значение противоположности, враждебности, противодействия, взаимности, замещения, равенства или подобия. Таким образом, возникает поливариантность трактовок, которые зависят от передаваемой информации и конкретного контекста, образующихся при сочетании данных лингвистических единиц. Но в вышеуказанной и наиболее распространенной трактовке понятия антиценности префикс «анти» является определяющим, т.е. категоричным предикатом содержания. При этом такое определение имеет однозначный, радикальный и репрессивный характер, устанавливающий догматический статус. Подобное не просто не требует рассмотрения и анализа, а поставляет однозначность принятия, т.к. более глубокое исследование может вскрыть недостатки и несостоятельность вышеуказанной категоричной риторики.

Диалектический подход и антиценность как лишенность

При исследовании антиценностей можно подойти к проблеме с нескольких точек зрения. Можно рассмотреть их как наличествующие только в рамках бинарной оппозиции с ценностями, т.е. в рамках диалектического взаимоотношения. Такая дуальность предполагает, что оба компонента необходимы для восхождения к высшему (к гегелевскому примирению в едином, т.е. снятию противоречия), но и устанавливает, что как конкретная ценность, так и антиценность являются предметами одного конкретного, а именно, ценностного ряда. Таким образом, антиценность может представлять ту же ценность, но с отрицательным вектором. Такой подход не может в полной мере дать нам представление об этом явлении, т.к. он имеет зависимость от своей оппозиции.

Если же искусственно ввести оппозицию «ценность – антиценность» в гегелевскую триаду, то сразу же выходит на свет ряд противоречий. Во-первых, если установить, что ценность (тезис) и антиценность (антитезис) нахо-

дятся в противоречивом отношении, то возникает вопрос, что будет их единством (синтезом). По аналогии с Гегелем можно установить, что таким третьим может быть «наличная ценность». В его философии «наличное бытие» есть единство бытия и ничто, в отношениях которых исчезло противоречие [Гегель Г.В.Ф., 2022, с. 188–189]. Но становление как предшествующая ступень не подходит в данном случае, т.к. ценность и антиценность будут лишь исчезающими моментами. Оно никаким образом не может указывать на автономию антиценности. «Наличная ценность», по сути, будет ценностью, т.е. определенной сущей, аналогично качеству. Так или иначе, на первый план выходит более конкретизированное понятие ценности, но не антиценности. Иными словами, происходит утверждение именно ценности. Во-вторых, если брать вышеуказанную аналогию бытия и ничто, то ценность и антиценность будут самыми бедными и абстрактными определениями, при этом тождественными друг другу (бытие есть ничто, как и ничто есть бытие). Лишь только последующее движение позволяет установить более конкретный характер, при этом в парадигме развития категории «ценность». Последующие уточнения девальвируют автономию антиценности, что усложняет ее дальнейшее определение. В-третьих, сам принцип диалектики предполагает, что результат должен быть положительным, а любые отрицания должны быть сняты. Но по своему содержанию антиценности — это нечто, что ценностям противоположно, отрицает их и даже уничтожает. Таким образом, диалектика, в частности Гегеля, не может установить собственно аксиологическое содержание для антиценности в соотношении с категорией ценности. Хотя это не исключает того, что первое может быть рассмотрено в своем развитии отдельно. Но даже при таком положении вещей данная категория исключается из аксиологического поля и возникает вопрос гносеологической полезности и необходимости подобной операции.

Другой подход предполагает, что антиценность есть некое состояние/явление лишения. Еще Аристотель отмечал, что лишенностью может быть тогда, когда либо у нечто насильственно отнимается нечто (свойственное от природы), либо нет равенства или наличествует

недостаток, либо некоторые это имеют (от природы), но у этого конкретного нечто этого нет [Аристотель, 2016, с. 162–164]. Таким образом, антиценность — это отсутствие или недостаток ценности. Такое положение вещей схоже с пониманием о зле, которое распространено как в религиозной традиции, начиная с периода средневековой философии, так и поддерживается этиками, в том числе современными. В данной работе не рассматриваются все формы зла, т.к. классификация и дефиниция в настоящее время являются дискуссионными, и подобный анализ потребует большего объема работы или даже отдельного исследования. А.П. Скрипник указывает на то, что именно понятие зла в религиях как лишения спасения сильно повлияло в последующем на многих этиков [Скрипник А.П., 2001, с. 154–155]. Однако в таком случае мы не только не можем постановить самостоятельность антиценностей, но и вынуждены, как минимум, признать их зависимость от некоего содержательного феномена, т.е. от ценностей. Ценность в такой парадигме может существовать без антиценности, а вот последнее без первого — нет. Определение антиценности в данном случае также зависит от того, маркером отсутствия чего они являются.

Антиценность как условие, пропорциональность и подход радикальной автономии

Можно постановить, что антиценности являются не следствиями (т.е. результатом или продуктом действий, носящих аксиологически деструктивный характер), а лишь условием вообще. Так, Г.В. Лейбниц указывал, что грех не является наказанием за совершенное зло, но лишь его следствие [Лейбниц Г.В., 1989, с. 213]. Порок является новым условием, в частности будущего потенциального наилучшего, и только поэтому допускается [Лейбниц Г.В., 1989, с. 290]. Подобное положение вещей определяется телеологией данного философа — созданием теодицеи и обоснованием причины существования зла. Можно предположить, что антиценность является тем условием, при котором вообще возможна реализация ценности. Первая при этом не только гетерономна, но и является лишь средством, но не целью. Таким образом, антиценность есть лишь инструмент, который не имеет значения без

возможности применения. Хорошо известны выражения, отражающие вторичный (нивелированный) характер явления или действия (как инструмента): «Ложь во спасение», «Меньше знаешь — крепче спишь», «Средства всегда будут считаться достойными» и т.д. Последнее получило широкое распространение в рамках политической философии. Н. Макиавелли указывал, что государь может отходить от добра ради цели (сохранения государства), а также не чураться зла [Макиавелли Н., 2007, с. 90–91, 100–101, 108]. Т. Гоббс отмечал, что как для обеспечения мира, так и самосохранения подходят все средства. Более того, кто с ясностью выражает право на цель, тот ясно заявляет, что не отказывается от права на средства для ее достижения [Гоббс Т., 2001, с. 120].

Но иезуитская этика, которая ставит цель выше средств ради достижения эфемерного «блага», способна оправдать любое насилие, разрушение, геноцид, расовое превосходство, религиозную нетерпимость и т.д., что не раз имело место в истории. Подобный путь рассуждения в попытке дать дефиницию не может быть рабочим не по причине широкого диапазона деструктивных тенденций ради потенциального (возможно никогда не осуществимого) блага, а в виду отсутствия изначальной автономии исследуемого феномена. Потенциальность, возведенная в форму неизбежности и необходимости, могла бы стать почвой для установления исключительности антиценности, но подобное будет иметь спекулятивный характер. Кроме того, она должна даже в этом случае порождать анти-ценностные результаты, образовывая собственную область, но не ценностные.

Также возникает проблемный момент, связанный с определением недостаточности ценности для возникновения аксиологического дефицита. Какой степенной характеристикой должна она обладать, чтобы появилась антиценность? Или, возможно, можно говорить об этом в процентном соотношении? Какова та граница (точка ценностного дефицита), перейдя которую инициируется феномен антиценности? Погоня за пропорциями, степенями и математическим исчислением свойственна человеку, особенно в рамках мелкобуржуазной философии. Р. Барт указывал, что для этой философии свойственно делать мир соразмерным коммерции и избегать качественных ценностей, отда-

вая приоритет количественным [Барт Р., 2008, с. 150]. Такое редуцирование не только обмирщает содержание понятия «ценность», но и нисколько не способствует пониманию феномена антиценности (даже в рамках концепции дефиниции второй как недостатка первой).

Сама концепция пропорциональности ставит проблему определения антиценности. Еще Аристотель отмечал, что по сравнению с бóльшим, меньшее зло подпадает под определение блага. Меньшее зло предпочтительнее, а что предпочтительнее, то и благо, при этом, чем выше степень этого предпочтения, тем большее это благо [Аристотель, 1983, с. 152]. В данном случае влияет субъективный аспект на определение степени феномена и последующий выбор, и не всегда у всех людей он единодушен. Под категорию «меньшего зла» могут подпасть такие поступки, как убийство, массовый геноцид, тотальное уничтожение, т.к. они меньшее зло (т.е. благо), дабы избежать то, что имеет статус большего зла. В истории человечества существует масса таких примеров. В противовес принципу меньшего зла можно указать на английскую поговорку «Из двух зол выбирать не стоит». Но в объективной (материальной) реальности не всегда представляется такая возможность. Пассивность и бездействие могут быть причастны становлению зла, которое в последующем будет воздействовать на того, кто не совершил выбор. Определенная моральная ситуация — это единичный и единственный момент, который обладает своими специфическими особенностями. К нему трудно применить схему, принцип пропорции, алгоритм и т.д. и ожидать один и тот же результат (за исключением идеалистических подходов к данному вопросу). Если же трудно определить степень такой ценности как добро или благо, то еще бóльшая сложность возникает при подобной операции в отношении антиценностей.

Еще один подход (радикальный) связан с установлением статуса категоричной автономии для антиценности. Он исключает специфику диалектического взаимодействия ценности и ее предполагаемого антагониста, образуя иное их отношение. Можно предположить, что антиценности — это явления совершенно иного ряда, нежели ценности. Несомненным является то, что феномены эстетического, этического, религиозного и прочих рядов хотя и связаны в

общей онтологической картине мире, но не предполагают полной контаминации. То, что обладает красотой, не предполагает обязательного обладания добром, т.е. отсутствует тождество морального и эстетического (кроме философских систем, которые такое смешение предполагают). Дабы избежать натуралистической ошибки, которую выявил еще Дж. Мур [Мур Дж.Э., 1984, с. 67–68, 100–102, 123], можно установить, что антиценность — это специфическое качество вещи или явления. При этом она может быть или мета-качеством, если мы будем рассматривать антиценность с точки зрения идеализма, признавая объективное ее наличествование, или считать привнесенным, т.е. субъективным, связанным с личной оценкой, как определение значения для конкретного индивида, группы, сообщества и т.д. Можно установить автономию антиценности как специфического качества, наличие которого в обоих случаях может зависеть от внешних (ситуация, время, место и т.д.) и субъективированных (от конкретного индивида) факторов. Тогда возможно предположить, что в рамках локально-темпоральных изменений вещь/явление может иметь или одновременное наличие как ценности, так и антиценности (одним индивидом феномен оценивается положительно в аксиологическом аспекте, другим — отрицательно), или поочередную их смену. Становится возможным предположить индифферентное отношение антиценностей к ценностям (они становятся отчужденными друг от друга). В таком случае первая не является феноменом ценностного ряда, а потому не только исключается доминирующая легитимность аксиологического содержания, но и употребление термина «антиценность» является ошибочным и неправомерным. При таком положении вещей необходим иной термин для обозначения данного явления. Но в данном случае возникает сложность в его установлении, т.к. отсутствует конкретная дефиниция, отражающая содержание «антиценности» как автономного явления без обращения к понятиям ценности.

Если же признается взаимоотношение ценности и ее оппозиции, тогда необходимо постановить, что обе эти стороны относятся к одному ряду феноменов, например, в рамках логического родовидового соотношения. Таким образом, ценности можно признать родом, а ан-

тиценности, содержащиеся в нем, — видом. Последние в итоге будут ценностью (видом, содержащимся в ней), но никоим образом не чем-то выходящим во вне и автономным. Дефиниция антиценности в таком случае должна идти путем формирования понятия от своего рода, указывая видовые особенности.

Дуалистический подход и экзистенциальная парадигма

Стоит отметить, что дуалистический подход, как, например, дуализм Р. Декарта, также не будет иметь успеха в формировании понятия антиценности в парадигме отношений с ценностью. Условно устанавливая для них субстанциональный статус, также категорически отделяем их по их сущности, качеству, проявлению и т.д. Возникающая проблема «изоляции» может быть решена введением единого источника, как это сделал Р. Декарт, установив Бога объединяющим фактором протяженной и мыслящей субстанции. Возникает вопрос о том, что должно быть этим источником. Несомненно, что таким источником можно определить Бога. Но тогда возникает противоречие: как Он, благой, является источником «антиценности». Или, если идти дальше: в рамках сферы религиозных ценностей, будучи не ограничиваемым, Сам должен быть также «антиценностью». Подобное движение рассуждений может привести к новой (аксиологической) теодицее. Если место Бога займут разум, логика, поступки или иные антропоморфные качества и действия, то это также не решает проблему, т.к. в данном случае субъективный и казуальный моменты будут играть важную роль. Кроме того, при вышесказанных рассуждениях существует большая вероятность, в частности для удобства, возвращения к понятию ценности при поиске определения и содержания «антиценности» как определенного фактора. Но самое важное, несомненно, заключается в том, что субстанция является первопричиной, и ей приписывается свобода дефиниции себя лишь посредством самой себя, а данное качество не установлено для антиценности изначально, т.к. ее определение происходит из понятия ценности.

Более простой вариант формулировки можно получить, если рассматривать антиценность как оценку или значение для индивида, т.е. с субъективной точки зрения. Учитывая, что

каждый индивид определяет обе позиции по своим ощущениям (иногда интуитивно, ситуативно и казуально), то исчезает необходимость строгого определения, демаркации ценности и антиценности, установления взаимосвязи между ними и т.д. Но такой ницшеанский курс на ценностную пролиферацию как в теории, так и на практике вызовет множество сложностей, в частности при столкновении различных субъективных комплексов «ценностей-антиценностей» между собой.

Таким образом, в рамках формирования определения антиценности эффективным является ее установление как элемента взаимоотношения с ценностью в рамках одной общей для них системы (например, в рамках их общеродовой принадлежности) или как специфического качества (мета-качества). В таком случае оба элемента взаимоотношений являются ценностями: ценность как положительная ценность, антиценность как отрицательная ценность. Тогда слово «отрицательная» номинально и введено для обозначения ценностей, противоречащих по содержанию положительным [Матвеев П.Е., 2004, с. 61]. Естественно, также остается возможность догматичного и спекулятивного установления автономности такого понятия, как антиценность, но это вызывает ряд проблемных моментов.

Стоит указать, что Ж.-П. Сартр отмечал, что ценность имеет особое значение для формирования конституированного «для-себя». Ценность им рассматривается как недостижимое недостатками, а не недостающее, и она рассматривается как то, ради чего для-себя является [Сартр Ж.-П., 2020, с. 210]. Это последнее определяет взаимоотношение с миром и с собой. В частности, Сартр противопоставляет «в-себе» и «для-себя», где второе можно рассматривать, собственно, как свободу, а первое — как ее отрицание. Более того, ценность дается «для-себя» в «полупрозрачности», как конкретный смысл недостатка, который и формирует настоящее бытие [Сартр Ж.-П., 2020, с. 212]. «Для-себя» есть момент выхода, в рамках которого возможна встреча с «Другим», которое также участвует в произведении «для-себя». Далее, Сартр отмечает, что рефлексивное сознание не может появиться, не раскрывая тут же ценность [Сартр Ж.-П., 2020, с. 213]. Таким образом, ценность выступает важным фактором

экзистенции индивида. Возникает справедливый вопрос, каково значение антиценности в подобной парадигме. Самым простым и эффективным способом для обеспечения прочного фундамента данного феномена в этой системе будет наделить его тождественным ценности аксиологическим статусом. Но подобное имеет характер внешнего и акцидентного присоединения, т.к. антиценность в своем автономном определении характеризуется как противоположность/отрицание ценности. Единственным возможным вариантом синтеза в данном случае является определение антиценности как ценности в отрицательной форме (отрицательная ценность) наравне с положительной. Таким образом, хоть и решается вопрос о вхождении антиценности в вышеуказанную онтологическую структуру, но ликвидируется ее самостоятельность, т.к. она остается ценностью.

Можно также указать альтернативный вариант, который может установить автономию антиценности. Он заключается в том, чтобы раскрыть последнюю как самостоятельную структуру, стоящую «рядом» с ценностью. При таком положении вещей устанавливается некая структурная альтернатива, но вместе с тем полностью отличающаяся от ценности. Установление любой связи между ними будет лишь внешней, а потому не содержащей внутренних взаимоотношений, т.е. взаимного отрицания. В таком случае снова исключается антиценность из аксиологической области, хотя также легитимируется ее автономия в иной области, и само понятие «антиценность» в таком случае будет пустым, ибо его содержание будет заполнено любым иным содержанием, кроме ценностного.

Даже если применить эклектичный подход и предположить взаимоотношение ценности и антиценности в рамках аксиологической сферы, соответственно, игнорируя логическую связь, а также непоследовательность и несостоятельность подобного единения, то это также приводит к ряду затруднений. Первое из них предполагает отнесение данного феномена к «в-себе» или «для-себя». Антиценности не могут быть включены в структуру «в-себе». Дело в том, что оно преисполнено собственным, оно излишне, абсолютно положительно и не знает изменений [Сартр Ж.-П., 2020, с. 65–66]. Оно есть абсолютное тождество с собой, синтез себя с собой. Таким образом, «в-себе» не требует

чего-то вне себя. Оно не способно не быть бытием того, чем оно не является (не есть) [Сартр Ж.-П., 2020, с. 66]. Антиценность, в свою очередь, предполагает отрицательность и отношение с внешним, что вне себя, в том числе с ценностью (при условии их демаркации). Тогда она должна присутствовать в структуре «для-себя». В данном случае не имеет необходимости обращаться к структуре «для-другого», т.к. выше была установлена сфера, где наличествует ценность — «для-себя». Несостоятельность присутствия «в-себе» была указана с целью исключения предположения антиценности как некой предустановки.

Антиценность должна иметь антагонистичный (отрицающий) характер ценности. Таким образом, если «анти» является указанием на ничтожащий характер исследуемого феномена, то необходимо, чтобы антиценность была отрицанием. Однако сама ценность в данной системе носит характер отрицания. В такой парадигме отрицание отрицания вело бы к устранению того, чего не достает, и наличествовало возвращение «в-себя». А это, по сути, регресс к полному тождеству и изолированности. Антиценности по своему определению не обладают подобными характеристиками. Они же не являются дальнейшим развитием «для-себя», т.к. в данной структуре выявляется иной элемент — возможность. «Для-себя» не может возникнуть, если не преследуемо ценностью и не спроектировано на свои возможности [Сартр Ж.-П., 2020, с. 214–215]. Таким образом, в данной системе можно наблюдать чрезмерность и несостоятельность исследуемого феномена.

Стоит указать, что ложь как явление часто относят к антиценностям. Вместе с тем, Ж.-П. Сартр четко разграничивает ложь и самообман. Если ложь предполагает направленность во вне, т.е. действие трансцендентное, то самообман — действие, направленное не к внешнему, а к самому себе [Сартр Ж.-П., 2020, с. 137–139]. Последнее есть действие изолированное («в-себе»). Самообман является более деструктивным в парадигме экзистенции, чем феномен лжи. Кроме того, если ценность есть отрыв своего бытия «к...» [Сартр Ж.-П., 2020, с. 209], то антиценность должна иметь иной «вектор» (модус), т.е. либо «от...», либо реверсивное «назад к...» / «до...». В данном случае возникают все те же изоляция и герметизм. Кроме то-

го, если ценность есть бытие вне бытия, обладающее бытием и значением для смысла бытия, то антагонистичный характер антиценности должен иметь обратное значение. Но ее нельзя поставить «внутри бытия», нельзя отрицать значение для смысла и отрицать обладание бытием: мы либо девальвируем ее в бытие вообще, либо отнимаем смысловую нагрузку, либо отрицаем обладание собственным бытием. Все это приводит к путанице и лишнему нагромождению, что не приблизит к формированию «антиценности» как автономного феномена.

Результаты

Диалектический подход позволяет определить понятие ценности, но не антиценности в парадигме оппозиции и последующего разрешения (синтеза). Постоянное восхождение к конкретному будет осуществляться в рамках дефиниции ценности. Кроме того, принцип устранения противоположностей и установления положительного результата не позволяют дать определение антиценности. Существует теоретическая возможность рассмотрения антиценности в рамках собственного, автономного развития, но уже вне аксиологической парадигмы, т.е. изолированно от ценности. Подход, который предполагает, что антиценность есть лишенность, также не позволят добиться дефиниции. Дело в том, что лишенность указывает лишь на недостаток или нехватку ценности. При таком положении вещей невозможно установление автономии для антиценности, она, как и ее определение, зависит от ценности. Антиценность в данном случае лишь маркер того, что отсутствует.

Можно рассмотреть антиценность как условие, в частности для становления и реализации ценности. Первая, соответственно, гетерономна, и поэтому является лишь средством. Антиценность не имеет значения без возможности применения. Концепция пропорциональности или аксиологического дефицита открывает проблему перехода ценности в антиценность, при этом не давая возможности дефиниции. В целом, невозможно и некорректно применение степени не только для формирования понятия антиценности, но и ценности. Подход радикальной автономии антиценности предполагает, что она является некоторым качеством определенного предмета или явления. Учитывая изолированность антиценности, ее отноше-

ние к ценности будет индифферентно. Подобное положение вещей предполагает, что антиценность не только исключается из сферы аксиологического, но и сам термин «антиценность» не будет адекватным и корректным для определения данного феномена.

Дуалистичный подход приводит к радикальному отделению и изоляции ценности и антиценности. Введение единого источника не только не решает проблему дефиниции, но и может привести к казуальному и субъективному характеру определения антиценности. Кроме того, для удобства может существовать тенденция обращения к ценности для формирования определения ее противоположности. Также невозможно установить субстанциональный характер антиценности. Экзистенциальная парадигма вскрывает тот факт, что введение категории антиценности излишне, напоминает лишнюю надстройку, чей системный функционал сомнителен и необоснован.

Список литературы

- 25 примеров антиценностей. URL: <https://ru.kouraresidence.com/25-ejemplos-de-antivalores-1195> (дата обращения: 04.03.2024).
- Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию: учеб. пособие. М.: Соврем. тетради, 2001. 128 с.
- Антиценности: характеристики, примеры и последствия. URL: <https://ru1.warbletoncouncil.org/antivalores-648> (дата обращения: 04.03.2024).
- Аристотель. Метафизика / пер. с др.-греч. А.В. Кубицкого. М.: Эксмо, 2016. 448 с.
- Аристотель. Никомахова этика / пер. с др.-греч. Н.В. Брагинской // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–293.
- Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Академ. проект, 2008. 351 с.
- Бочкарев А.И. Основные высмеиваемые характеристики антиценностного концепта «Gluttony» (на материале англоязычных стендап-комедий и ситуационных комедий) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, кн. 4–5. С. 109–118. DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.4-5.109-118>
- Гегель Г.В.Ф. Логика / пер. с нем. Н.Г. Дебольского. М.: АСТ, 2022. 448 с.
- Георгиева-Тенева О. Литературното образование и войната като антиценност // Bulgarski Ezik i Literatura. 2022. Vol. 64, no. 5S. P. 11–24. DOI: <https://doi.org/10.53656/bel2022-5-1-aogtlovka>

Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 304 с.

Криворучко И.С. Антиценностные категории англоязычных неологизмов деловой дискурсивной сферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 4. С. 1242–1247. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230181>

Кулаева З.Т. Факторы формирования нравственных ценностей и антиценностей студенческой молодежи // KANT. 2018. № 2(27). С. 91–94.

Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. 556 с.

Макиавелли Н. Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия / пер. с ит. Г.Д. Муравьевой, Р.И. Хлодовского. СПб.: Азбука, 2007. 272 с.

Матвеев П.Е. Моральные Ценности. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2004. 190 с.

Мур Дж.Э. Принципы этики / пер. с англ. Л.В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1984. 327 с.

Ницше Ф. Падение кумиров: Избранное: пер. с нем. СПб.: Лениздат, 2014. 224 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / пер. с фр. В.И. Колядко. М.: АСТ, 2020. 1072 с.

Скрипник А.П. Зло // Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 154–156.

Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. с нем. В.В. Биbihина // Проблема человека в западной философии: сб. переводов / сост. П.С. Гуревич; под общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 314–356.

Шохин В.К. Ценность // Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 535–539.

Prisyazhnyuk T., Zilova E. Media Discourse in the Context of Values Study // CBU International Conference Proceedings. 2014. Vol. 2. P. 246–250. DOI: <https://doi.org/10.12955/cbup.v2.471>

References

25 primerov antitsennostey [25 examples of anti-values]. Available at: <https://ru.kouraresidence.com/25-ejemplos-de-antivalores-1195> (accessed 04.03.2024).

Anisimov, S.F. (2001). *Vvedenie v aksiologiyu* [An introduction to axiology]. Moscow: Sovremennye Tetradi Publ., 128 p.

Antitsennosti: kharakteristiki, primery i posledstviya [Anti-values: characteristics, examples and consequences]. Available at: <https://ru1.warbletoncouncil.org/antivalores-648> (accessed 04.03.2024).

Aristotle (1983). [Nicomachean Ethics]. *Aristotel' . Sochineniya: v 4 t.* [Aristotle. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, pp. 53–293.

Aristotle (2016). *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Eksmo Publ., 448 p.

Barthes, R. (2008). *Mifologii* [Mythology]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 351 p.

Bochkarev, A.I. (2021). [The main humorous characteristics of the anti-value concept of Gluttony (based on English-language stand-up and situation comedies)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]. Vol. 163, book 4-5, pp. 109–118. DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.4-5.109-118>

Georgieva-Teneva, O. (2022). [Literary Education and War as a Civil Anti-value]. *Bulgarski ezik i literatura* [Bulgarian language and literature]. Vol. 64, no. 5S, pp. 11–24. DOI: <https://doi.org/10.53656/bel2022-5-1-aogtlovka>

Hegel, G. (2022). *Logika* [Logic]. Moscow: AST Publ., 448 p.

Heidegger, M. (1988). [Letter on humanism]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: sb. perevodov, sost. P.S. Gurevich, pod obsh. red. Yu.N. Popova* [P.S. Gurevich, Yu.N. Popov (ed.) The problem of man in Western philosophy: collection of translations]. Moscow: Progress Publ., pp. 314–356.

Hobbes, T. (2001). *Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine* [The philosophical foundations of the doctrine of the citizen]. Minsk: Kharvest Publ., Moscow: AST Publ., 304 p.

Il'ichev, L.F. et al. (ed.) (1983). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 840 p.

Krivoruchko, I.S. (2023). [Anti-value categories of English-language neologisms of the business discursive sphere]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. Vol. 16, iss. 4, pp. 1242–1247. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230181>

Kulaeva, Z.T. (2018). [Factors of formation of moral values and anti-states of student youth]. *KANT*. Vol. 2(27), pp. 91–94.

Leibnitz, G.V. (1989). [Theodicy Essays on the Goodness of God, the Freedom of Man and the Origin of Evil]. *Leybnits G.V. Sochineniya: v 4 t.* [Leibnitz G.V. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, 554 p.

Machiavelli, N. (2007). *Gosudar'.* *Rassuzhdenie o pervoy dekade Tita Liviya* [The sovereign. A discourse on the first decade of Titus Livius]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 272 p.

Matveev, P.E. (2004). *Moral'nye tsennosti* [Moral values]. Vladimir: VSU Publ., 190 p.

Moore, G.E. (1984). *Printsipy etiki* [Principles of ethics]. Moscow: Progress Publ., 327 p.

Nietzsche, F. (2014). *Padenie kumirov: Izbrannoe* [Twilight of the Idols: Selected]. St. Petersburg: Lenizdat Publ., 224 p.

Prisyazhnyuk, T. and Zilova, E. (2014). Media discourse in the context of values study. *CBU International Conference Proceedings*. Vol. 2, pp. 246–250. DOI: <https://doi.org/10.12955/cbup.v2.471>

Sarte, J.-P. (2020). *Bytie i nichto* [Being and nothingness]. Moscow: AST Publ., 1072 p.

Shokhin, V.K. (2001). [Value]. *Etika: entsiklopedicheskiy slovar'*, pod red. R.G. Apresyana, A.A. Guseynova [R.G. Apresyan, A.A. Guseynov (eds.) Ethics: an encyclopedic dictionary]. Moscow: Gardariki Publ., pp. 535–539.

Skipnik, A.P. (2001). [Evil]. *Etika: entsiklopedicheskiy slovar'*, pod red. R.G. Apresyana, A.A. Guseynova [R.G. Apresyan, A.A. Guseynov (eds.) Ethics: an encyclopedic dictionary]. Moscow: Gardariki Publ., pp. 154–156.

Об авторе

Петев Николай Иванович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и религиоведения

Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
600000, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: cyanideemo@mail.ru
ResearcherID: P-8342-2017

About the author

Nicolay I. Petev

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Religious Studies

Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
87, Gorky st., Vladimir, 600000, Russia;
e-mail: cyanideemo@mail.ru
ResearcherID: P-8342-2017

УДК 141.319.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-527-542>

EDN: YOSDQF

Поступила: 15.04.2024

Принята: 29.07.2024

Опубликована: 27.12.2024

ТВОРЧЕСТВО ИЗ НИЧЕГО И ПОЛИФОНΙΑ-2: ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ЧЕХОВА В ПРИЗМЕ ИДЕЙ ЛЬВА ШЕСТОВА И ЛЕОНИДА ХЕЙФЕЦА

Кон Вячеслав Александрович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

Марков Александр Викторович

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Статья Льва Шестова «Творчество из ничего» актуальна как антропологический опыт: философ рассматривает как возможна творческая самореализация, всякий раз указывающая на отсутствие оснований творчества. Творчество оказывается формой рефлексии над первичной ситуацией искусства ради искусства: социальный пафос Чехова только тогда становится радикальным, когда возвращается к этой первичной ситуации. Поэтому Чехов читается Шестовым двояко: в ключе экзистенциальной философии, где сама ситуация выброшенности в мир оказывается первичным мотивом и условием творчества, горизонтом всех условностей, и в ключе иронии, где сами предпосылки творчества подвергаются остраKENению. Метод Шестова позволяет нам ввести термин «полифония-2» для творчества Чехова для отличения ее от «полифонии-1» Достоевского. Леонид Хейфец в своей телеверсии пьесы «Вишневый сад» (1976) попытался воссоединить экзистенциальную ситуацию и иронию, но уже внутри перформативного усилия, которое и должно показать переход от идеалов советской интеллигенции 1960-х гг. к разочарованиям 1970-х. Проникновение русского в советское в фильме Чехова — это проникновение дискурсивности в перформативность: Хейфец воспринимает Чехова не как создателя неоднозначных диалогов, но как мастера дискурсивных высказываний. В этом он продолжает Льва Шестова, но отказывается от его надысторического парадоксализма, создавая своеобразный культ истории прошлого. Такой анализ наследия Чехова в двойной призме позволяет уточнить как особенности пассаизма, культа благородного прошлого, у советской интеллигенции, так и перформативный потенциал всего творчества Чехова, не только драматического, который может быть востребован и в наши дни.

Ключевые слова: дискурсивность, ирония, интеллигенция, культ культуры, народность, катарсис, комедия, советская культура.

Для цитирования:

Кон В.А., Марков А.В. Творчество из ничего и полифония-2: философская антропология Чехова в призме идей Льва Шестова и Леонида Хейфеца // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 527–542. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-527-542>. EDN: YOSDQF

CREATIVITY OUT OF NOTHING AND POLYPHONY-2: CHEKHOV'S PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY THROUGH THE PRISM OF IDEAS OF LEV SHESTOV AND LEONID HEIFETZ

Vyacheslav A. Kon

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Alexander V. Markov

Russian State University for the Humanities (Moscow)

Lev Shestov's essay *Creativity Out of Nothing* is relevant as an anthropological experience: the philosopher considers how creative self-realization is possible that each time points out the absence of the grounds for creation. Creation appears as a form of reflection on the primary situation of art for art's sake: Chekhov's social pathos only becomes radical when it returns to this primordial setting. This is why Shestov reads Chekhov in two ways: on the one hand, from the viewpoint of existential philosophy, where the very situation of being ejected into the world proves to be the primary motive and condition for creative work, the horizon of all conventions; on the other hand, from the perspective of irony, where the very preconditions of creation are defamiliarized. Shestov's method allows us to introduce the term polyphony-2 for Chekhov's work in order to distinguish it from Dostoevsky's polyphony-1. In his TV film version of *The Cherry Orchard* (1976), Leonid Heifetz attempted to reunite the existential situation and irony, but within a performative effort aiming to show the transition from the ideals of the Soviet intelligentsia of the 1960s to the disappointments of the 1970s. The penetration of the Russian into the Soviet in film based on Chekhov is the permeation of discursivity into performativity: Heifetz sees Chekhov not as a creator of ambiguous dialogues, but as a master of discursive statements. Thereby, he continues Lev Shestov, but abandons his supra-historical paradoxalism, creating a kind of cult of the history of the past. Such an analysis of Chekhov's legacy through a double prism allows us to clarify both the peculiarities of *passéisme*, the cult of the noble past, among Soviet intellectuals and the performative potential of Chekhov's entire oeuvre (including not only his dramatic works), which may be in demand today.

Keywords: discursiveness, irony, intelligentsia, intellectuals, cult of culture, nationality, catharsis, comedy, Soviet culture.

To cite:

Kon V.A., Markov A.V. [Creativity out of nothing and polyphony-2: Chekhov's philosophical anthropology through the prism of ideas of Lev Shestov and Leonid Heifetz]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 527–542 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-527-542>, EDN: YOSDQF

В 1905 г. Лев Шестов публикует в малотиражном журнале работу «Творчество из ничего», посвященную памяти А.П. Чехова. Смерть писателя — повод для слова над гробом, реконструкции не столько жизненного пути, сколько идеалов, которые двигали писателем на этом пути. При этом Шестов сразу отказывается от любой идеализации героя своей работы, требуя трезвого, критического взгляда. Из всех писавших о Чехове Шестов одобряет только

Н.К. Михайловского, материалиста и позитивиста: «один Н.К. Михайловский попробовал ближе подойти к источнику творчества Чехова и, как известно, с испугом, даже с отвращением отшатнулся от него. Тут, между прочим, покойный критик мог лишний раз убедиться в фантастичности так называемой теории искусства ради искусства» [Шестов Л.И., 2002, с. 566]. Получается, что только позитивизм с его хирургической трезвостью схватывает начальную интуи-

цию Чехова — тотализацию «искусства для искусства». Все может быть превращено в предмет искусства просто потому, что любое творчество уже может создавать какое-то искусство. Тогда задача Чехова — не столько творческая, сколько иронически-критическая, среди этих творчеств найти наиболее радикальное «творчество из ничего», и уже с его помощью осуществить не просто социальную критику, но метакритику любых идей, в том числе идей, дорогих интеллигенции.

Лев Шестов говорит о Чехове как о творце из ничего, из пустоты, буквально высасывания из пальца: «У Чехова было свое дело <...> он был служителем чистого искусства и даже сравнивали его с беззаботно порхающей птичкой» [Шестов Л.И., 2002, с. 567]. В этих словах легко увидеть иронию, но на самом деле мы сталкиваемся с одним существенным расщеплением внутри русской культуры. Чехов вошел в нее как доктор, естественник, скептик, для которого не должно быть ничего необъяснимого. Но при этом Шестов справедливо говорит о мечтательности Чехова, который придумывает свой образ объяснимого мира, своего рода утопию объяснимости, на фоне которой русская действительность однообразна: «Чехов был певцом безнадежности. Упорно, уныло, однообразно в течение всей своей почти 25-летней литературной деятельности Чехов только одно и делал: теми или иными способами убивал человеческие надежды» [Шестов Л.И., 2002, с. 567]. При этом сказать, что Чехов ратовал за победу материалистического мировоззрения, которое обесмысливает любые прежние надежды, тоже нельзя. Лев Шестов в строении своей статьи предвосхищает постмодернистскую (мета)критику интерпретаций в духе Сьюзен Сонтаг [Сонтаг С., 2024], когда любая интерпретация выглядит как невольное обобщение, даже если она индивидуальна. Лев Шестов призывает нас быть внимательными к самому «творчеству из ничего».

В этой работе мы исходим из ключевых понятий семиотичности и полифонии. Семиотичностью мы называем способность вещи что-то значить и порождать некоторые смыслы. Исследователи чеховских постановок Хейфица обычно сводят эту семиотизацию к приему «театра в театре», «сцена в сцене», «рама в раме» [Тузова Е.Н., 2017, с. 146], но это не позволяет специфицировать именно решения Хейфица, у кото-

рого музыкальный жест, особая медлительность героев и особая их нарочитая расслабленность и определяет своеобразное «творчество из ничего» как некоторую почти неорганическую современность. При этом на театральной сцене или на киноэкране XX в. семиотичность может оказываться холостой: нам кажется, что вещь что-то значит, но дальнейшее действие это опровергает. Даже выстрел чеховского ружья, вошедший в поговорку, говорит не о значении вещи, но о собственном императиве действия: ведь ружье не обязано стрелять, оно может быть просто знаком статуса или же пугалом, вещью, отпугивающей грабителей, и то, что ружье стреляет, это реализация смысла действия, а не смысла вещи, и форма определяет дальнейшее воображение как новое действие, самостоятельно репрезентирующее свободную интерпретацию последующего события.

Наша исследовательская гипотеза состоит в том, что Чехов и его интерпретатор Шестов поняли, что такая холостая семиотизация бывает не только на условной сцене, но и на жизненной сцене. Исходя из этого, мы меняем значение слова «полифония»: если у Бахтина этот термин означал автономию героев с их голосами в организации действия, то мы говорим об автономии вещей, образов счастья, мечты. Мечта героя заявляет о себе, в то время как герой ничего не может сделать ни с собой, ни своими обстоятельствами. Сам Бахтин отвергал автономию героев в кинематографе, чему посвящено специальное исследование [Марков А.В., Штайн О.А., 2024] но как раз полифония-2, о которой мы можем говорить, возможна в кинематографе как особой форме собирательного искусства. В статье [Марков А.В., Штайн О.А., 2024] и обоснована путем обсуждения идей М.М. Бахтина автокоммуникативная автономия сцены и экрана как предпосылка полифонии-2.

О Шестове как о первом адекватном интерпретаторе Чехова писали и многие современники, начиная с Бунина, и продолжают писать современные исследователи: «Шестов прозрел и произнес во всеуслышание то, в чем Чехов сам боялся себе признаться, но не мог не выразить как художник. Писатель показал человека, столкнувшегося с ничто как внутри самого себя, так и в окружающей жизни» [Одесская М.М., 2008, с. 225]. «Шестов сказал о Чехове то, о чем некоторые проницательные люди догадывались,

но сказать либо стеснялись, либо боялись» [Сенчихина Ю.Б., 2009, с. 27]. Мы как раз говорим в нашем исследовании о том, как Шестов понял не просто настроения Чехова и установки чеховских героев, но сценические режимы, в которых эти настроения и установки возможны как социальные факты, и сам Чехов превращается из бытописателя в безжалостного заинтересованного критика, и как Хейфиц дальше тематизировал эти сценические режимы, а не отвлеченный дух Чехова, т.е. волей или неволей следовал Шестову, а не только Чехову. Чехов одновременно вовлечен в перипетии интеллигенции, но и выносит им приговор, и этот приговор осуществляется в процедурах семиотизации и соответствующей механике воображаемой сценографии его пьес, а не в прямых высказываниях. Чехов в полифонии-2 дает голос героям, вещам и судьбе и как бы разделяет эту сценическую судьбу, но сама его гениальность в том, что сценография мысли показывает, в чем тупики героев и в чем сама экзистенциальная ситуация современного человека, надорванная им самим, своей попыткой мгновенного, вне конкретного времени и пространства, искусственного самосоздания.

Чехов не меньше, чем представители самого радикального «чистого искусства» говорит о творчестве, режимы которого извне проецируются на материалистический мир, отстраняют его, делают его непохожим на себя прежнего. Стихия письма и оказывается единственной и побеждающей стихией жизни, и отстраняющей ее: «Будем говорить о моей прекрасной жизни... Ну-с, с чего начнем? Бывают насильственные представления, когда человек день и ночь думает, например, все о луне, и у меня есть своя такая луна. День и ночь одолевает меня одна неотвязная мысль: я должен писать, я должен писать, я должен... Едва кончил повесть, как уже почему-то должен писать другую, потом третью, после третьей четвертую... Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу. Что же тут прекрасного и светлого, я вас спрашиваю? О, что за дикая жизнь!» [Шестов Л.И., 2002, с. 597] Сейчас мы бы связали эти «насильственные представления» с виртуальной реальностью, которая неотвязно преследует современного человека. Но Шестов говорит не столько о преследовании, сколько уже о совершившемся преступлении: «Об этом до сих пор мало говорили — и

по причинам вполне понятным: ведь то, что делал Чехов, на обыкновенном языке называется преступлением и подлежит суровейшей каре. Но как казнить талантливого человека?» [Шестов Л.И., 2002, с. 567]. Преступлением Шестов называет само художественное воспроизведение ситуации безнадежности.

Получается, что чем талантливее эта ситуация воспроизведена, тем бездарнее она в реальной жизни с ее скукой и безнадежностью. Субъективность чеховских героев проваливается в эту начальную бездарность, лишенную высшего замысла, о которой они не подозревали, но которая в каком-то смысле такой же экзистенциал для Чехова, как забота для Хайдеггера или другой для Сартра — то, в свете чего проходит твое бытие-к-смерти. В пьесе «Чайка» писатель Тригорин говорит: «Я написал много вещей, но мне кажется, что я не создал ничего настоящего, ничего оригинального». Реплика Тригорина говорит о том, что каковы бы ни были достижения, они возвращают нас к неоригинальной реальности. Его работы — это всего лишь самопроекция, скучное переживание собственной скуки.

Мы сейчас могли бы так же говорить о надоедливости наших виртуальных проекций, о скуке их всех. Но Шестов вводит тему витальности, преступления, которое совершается из собственного эгоизма природы. Природа для него — это самоутверждение в любом преступлении: «Молодое поколение захотело жить и говорить по-своему и, в конце концов, старого учителя подвергли остракизму. В литературе существует тот же обычай, что и у жителей Огненной Земли: молодые, подрастая, убивают и съедают стариков» [Шестов Л.И., 2002, с. 567]. В творческой области эта преступная витальность превращается в преступное уничтожение надежд — простое их перечисление, исчисление, постановка в общий список: «Возьмите (произведения) Чехова — каждый порознь или, еще лучше, все вместе: посмотрите за его работой. Он постоянно точно в засаде сидит, высматривая и подстерегая человеческие надежды. И будьте спокойны за него: ни одной из них он не просмотрит, ни одна из них не избежит своей участи. Искусство, наука, любовь, вдохновение, идеалы, будущее — переберите все слова, которыми современное и прошлое человечество утешало или развлекало себя — стоит Чехову к ним прикоснуться, и они мгновенно

венно блекнут, вянут и умирают. <...> В руках Чехова все умирало» [Шестов Л.И., 2002, с. 568]. Получается почти постмодернистская картина текста, который обладает собственной энергией перечисления и желания; только для Шестова это перечисление обрушивается в бесконечное томление по своей и чужой участи, а значит, становится безысходным.

Лев Шестов шаг за шагом показывает, как из личных и человеческих черт, проступающих в модальностях повествования Чехова, проступает то, что можно на языке феноменологии назвать интенциональностью. Чехов, мечтатель и пессимист одновременно, интенционален не в самом познании, а в запечатлении познанного. Поэтому мечтательный пессимист, пессимистический мечтатель настойчиво, уныло и монотонно на протяжении всей своей деятельности продолжительностью почти в 25 лет делал одно — существовал не для другого человека, а для самого себя, осуществляя себя как *характер* в своем собственном существовании. Но с течением времени его силы истощаются, грезы угасают, галлюцинации ослабевают, и персонаж вместе с *творимой легендой* его грез истощается, возникают Ивановы, дяди Вани и др.

Для Чехова как гуманиста человек — источник себя, но этот источник иссякает. В другом человеке человек находит грезы, воображение, в конце концов, галлюцинации. В словах Чехова «вы все говорите о философии или деньгах, а мне нужна любовь» [Чехов А.П., 2023] неожиданно обыденный рационализм Нового времени отвергается ради фигуры Другого. Но этот Другой должен дать картины любви, новые представления, но инструмента отличия представлений от галлюцинаций у читателя Чехова нет. Поэтому Шестов и реконструирует интенциональность Чехова как направленную на самого носителя представлений, пытающегося их упорядочить в ходе создания текста. Потребность писать, как и потребность брать, потреблять, присваивать, необходима для существования.

В нашей статье мы рассматриваем вопрос, каков статус таких иллюзий в проекте Чехова, как его восприняли интеллигентные читатели последующих поколений. Мы не говорим о мирозерцании и жанрах Чехова, но только об особом переходе от досоветской интеллигенции к советской. На этом переходе менялись не просто иллюзии, менялись сами понятийные сетки

отношения к иллюзиям и образам. Но при этом общее настроение оставалось тем же, и поэтому критическое отношение к одним образам соседствовало с некритическим отношением к другим образам. Мог меняться состав этих образов, но скука творчества из ничего предшествовала творческой интенции.

Прежде всего, следует обратить внимание на топос торговли, особенно заметный в пьесе «Вишневый сад». «Вишневый сад» — это не просто театральное произведение, но отражение самой жизни русской интеллигенции. Жизнь изображается в нем в виде выставки, продажи, где все подвергается обмену. Герои этой пьесы торгуют не столько своей репутацией, которая уже сложилась, сколько своими желаниями. Желание оказывается ставкой и в споре, и в сделке, с требованием «сколько можете дать взамен тому, что уже у меня есть». Такая желающая душа требует, говорит, «вы должны мне, вы обязаны мне», осуществляя формы манипуляций и торговли. Такая душа готова заплатить за любовь, за жизнь, за признание, за симпатию, за силу, за поддержку и за уважение и тысячу других вещей в обмен на сам образ желания, на представление о желании, которое и должно обеспечить правильное распределение интенций. Чехов-драматург не менее полифоничен, чем Достоевский-романист, но это не полифония философских рассуждений, а полифония обеспеченных чем-то, в том числе и вполне достоевским скандалом, интенций, образов счастья, что-то вроде модели бессознательного Вадима Руднева [Руднев В.П., 2012]. Как и в полифонии Достоевского, миры героев проницаемы, герои могут понимать счастье друг друга, понимая, отвергать, при том, что чаще не слышат друг друга. Такая полифония-2, в отличие от полифонии-1 Достоевского, выявленной М.М. Бахтиным, может дать некоторые ключи и к сознанию советской интеллигенции.

Лев Шестов говорит об изображаемой Чеховым интеллигенции сурово: «В этом отношении чеховская интеллигенция ничем не отличается от неграмотных мужиков и полуграмотных мещан. <...> Нужно портить, грызть, уничтожать, разрушать. Спокойно обдумывать, предугадывать будущее — нельзя! Нужно колотиться, без конца колотиться головой о стену. К чему это приведет? И приведет ли к чему-нибудь? Конец это или начало?» [Шестов Л.И., 2002, с. 598] Да-

лее на примере экранизации Л. Хейфеца 1976 г. мы обсудим, как эта повторяемость, ницшеанское вечное возвращение [Ницше Ф., 2022], превращенное в *превращенную форму* желания (биться о стену), работает в мире (позднее) советской интеллигенции.

В комедии Чехова «Вишневый сад» человек жаждет жизни, но при этом участвует в большой сделке. В наши дни можно сказать, что в сделку вовлечена даже смерть: она не исключена из коммерческой жизни путем устойчивых ритуалов, напротив, становится поводом для новых форм виртуального присутствия умершего, виртуального поминания или виртуального культа. За умершего можно говорить в социальных сетях или иных новых медиа, это уже не монументальность погребения, а самоистолкование от лица умершего, своеобразная сакральная экзегеза, но полностью погруженная в коммерческий обмен социальных сетей. В комедии Чехова уже продается труп Вишневого сада, при этом коммерция делает необходимым участником (субъектом) сделки этот труп, живой труп [Толстой Л.Н., 1982], и в том числе сожаление Раневской о саде — часть такой ритуализации, а не сопротивление ей.

Чехов уже имеет в виду если не виртуальную реальность, то перенасыщенность информационного поля. Высказывания героев А.П. Чехова в его пьесах представляют собой монологи, которые обращены к самим себе через других или через воображаемых собеседников. Коммуникация с другими оказывается затрудненной, поскольку иного не существует. В произведениях Чехова, как это понимает и Шестов, герои лишены друзей, они остаются только в обществе Я и пустоты. Якобы существующее взаимодействие с другими оказывается уже внутри логики каждого жанра из используемых Чеховым лишь шумом, безразличием и неспособностью настоящего общения. Отсутствие истинного партнера для диалога делает героев Чехова одинокими, пестующими свои желания в объятиях пустоты. Внутри этой пустоты они и проходят свою жизнь.

«Раневская. / О, мои грехи... Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая, и вышла замуж за человека, который делал одни только долги. <...>. Я закрыла глаза, бежала, себя не помня, а он за мной... безжалостно,

грубо. <...> Так глупо, так стыдно... И потянуло вдруг в Россию, на родину, к девочке моей... (Утирает слезы.) Господи, господи, будь милостив, прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше! (Достает из кармана телеграмму.) Получила сегодня из Парижа... Просит прощения, умоляет вернуться... (Рвет телеграмму.) Словно где-то музыка. (Прислушивается)» [Чехов А.П., 2023].

Такой образ модернизма как пустоты рассматривался в свете богословских императивов в русской мысли. Так, С. Булгаков говорил о «трагедии философии» [Булгаков С.Н., 1993], предложив рассматривать философию Нового времени не как поиск истины, а как создание философских жанров. Каждый жанр ограничен своим временем и своей аудиторией, когда же мы пытаемся изнутри жанра «Гегель», «Шеллинг» или «Шопенгауэр» выйти к Другому, мы остаемся с пустотой определений. Ведь эти определения годятся для аудитории, которая схватывает все с полуслова, но для другого вне этой аудитории эти определения — просто частные высказывания, превращающие любое ответное высказывание, любую реакцию в пустое высказывание.

Говоря метафорически о мире Чехова, человек оказался в пустоте, на мертвом дереве познания, утратив свою жизнь — полный сухости и безжизненности, он мечтает о воскрешении и новой жизни. Таков «Вишневый сад» Чехова [Чехов А.П., 2023]. Однако, что способно воскресить человека? Буратино носил в себе любовь, дар Папы Карло, а современный одереветневший человек, подобно Вишневому саду, отказался от них. Тогда Другим для этого человека оказывается уже не собеседник ситуативный, а собеседник эсхатологический, являющий себя Началом для Конца жизни человека или Концом для Начала действия человека.

Л. Шестов завершает свою статью о Чехове выразительными словами о неизвестности, непредсказуемости и неконтролируемости будущего, определяя таинство апокалиптического прохождения человека его жизненного пути и творчества к его воскрешению. Он говорит, что чеховская интеллигенция в этом отношении не отличается от неграмотных крестьян или полуграмотных горожан: «В усадьбе живут так же, как и в овраге, как и в деревне. Никто не верит, что, изменив внешние условия, можно изменить

и свою судьбу. Везде царит, хотя и не сознательное, но глубокое и неискоренимое убеждение, что воля должна быть направлена к целям, ничего общего с устройством человечества не имеющим. Хуже — устройство кажется врагом воли, врагом человека. Нужно портить, грызть, уничтожать, разрушать. Спокойно обдумывать, предугадывать будущее — нельзя! Нужно колотиться, без конца колотиться головой о стену. К чему это приведет? И приведет ли к чему-нибудь? Конеч это или начало?» [Шестов Л.И., 2002, с. 598] Шестов видит в этом бунте залог нового, нечеловеческого творчества, возникающего «из ничего». Он заключает свою статью такими словами: «“Не знаю”, ответил старый профессор рыдающей Кате. Не знаю, — отвечал Чехов всем рыдающим и замученным людям. Этими — и только этими словами можно закончить статью о Чехове. *Résigne-toi, mon cœur, dors ton sommeil de brute* (Смирись, сердце мое, засыпай своим грубым сном.)» [Шестов Л.И., 2002, с. 598]. Получается, что возможен только бунт воли, а не бунт интеллекта, потому что интеллект интеллигенции ничем не отличается от интеллекта крестьян. Есть только воля рыдать, воля к концу, и воля отчаяния как воля к началу того, чего никто еще не видел, не слышал и не представлял.

Глядя на подход Льва Шестова из наших дней, на его анализ «творчества из ничего», можно сказать, что в нас звучит грустный отклик от персонажей Антона Павловича Чехова, которые продолжают обитать в наше время: Чехов выразил нашу эпоху, нас, его современников, он создал нас — тех, кто верит в него и принимает его. Мы являемся его творениями. И мы любим его как творца, слепо и наивно. С истинно русской привязанностью к истории, мы любим историю мира, для Чехова — прежде всего западную историю, своей странной жертвенной любовью, с сокрытой надеждой оживить умершее и катастрофой преодолеть катастрофу.

Философия Л. Шестова интерпретирует творчество А.П. Чехова как кошмар, предвещающий наступление *недоброй эпохи*, и искусство XIX–XX в., предоставляющее возможность переживать этот «кошмар». В связи с этим исследованием — предельного крика и отчаяния «независимого человека» — если мы лишим Чехова *эсхатологического смысла*, который мы вывели, получим бессмысленное исполнение «искусства ради искусства» в никуда. А если лишить произведения Чехова *жизни искусства*, философия

лишится объекта для понимания, предупреждения и спасения мира искусства. Эсхатологический смысл и жизнь искусства внутренне связаны, и потому их диалог *взаимно спасителен*.

Ни у А. Чехова, ни у Л. Шестова нет окончательного варианта этой связи, требующей виртуозности эсхатологического мышления [Булгаков С.Н., 2014] и особой эсхатологической чуткости искусства, а не только философии. Чехов погружается в унылую тишину, Шестов же надрыдается, выкрикивая свои страстные воззвания. Можем ли мы увидеть в этих двух фигурах различные формы смирения перед верой или перед безверием? Нет, в апокалиптическом сознании как сознании концов и начал [Булгаков С.Н., 2014], не отменяющих при этом искусство жизни, все переворачивается и подменяется. Черное становится белым, а белое — черным, границы между философией и искусством смываются, сливаясь в единое целое. Философ становится художником, а художник — философом. Человек эсхатологического сознания стремительно уходит в *иной мир*: мир искусства и философии, покидая его псевдореальность и алгоритмы, заложенные прежней философией. В своем эсхатологическом сознании он оказывается и эсхатологическим искупителем Вишневого сада над сделками, и дирижером страстных высказываний Льва Шестова.

В произведениях Чехова создан образ человека — русского интеллигента, культурного и образованного, но отличающегося всегда отсутствием веры в Божественное Проведение. Таким образом, Чехов предвосхитил безысходность и безнадежность в нынешних формах. Но отчаяние, которое присутствует в этом творчестве, может рождать эсхатологическую икону нового времени, человека как того, в ком сам Бог нуждается для своей экзистенции. Это влияние и поиск символики новой эпохи связаны с мыслями и концепциями Н. Бердяева о человеке: Бердяев выводил человеческое творчество из особого устройства культуры, где на каждого человека возложена особая миссия Богом, и Бог поэтому умалется, ждет решения человека, ждет от человека прорыва к невозможному, благодаря чему экзистенция Бога вновь сбывается [Бердяев Н.А., 1923]. Но в советское время мысль Бердяева была решительно отброшена, и советская интеллигенция, унаследовав множество черт старой интеллигенции, не восприняла этой эсхатологической иконы.

В советское время Чехов и его герои были восприняты и интерпретированы неожиданным способом: люди полюбили Чехова и его героев за возможность заполнить пустые формы, возникшие в атеизме, увидев в самих себе интеллигентность как творчество. Вопреки скепсису Чехова, он был воспринят как образцовый интеллигент; вопреки его безжалостности, о которой пишет Лев Шестов, он был принят как человек гуманный, мягкий и поощряющий внутреннее творчество. Это говорит об исчезновении эсхатологической перспективы творчества в советской культуре: творчество стало пониматься как заполнение пустой формы, заполнение досуга, а не как то преодоление себя, которое ставит под вопрос и труд, и досуг, что вполне было и у Чехова, и у лучших представителей старой интеллигенции.

Как показал Лев Шестов, в творчестве Чехова присутствует нечто *отсутствующее*, что можно интерпретировать как пустоту. Тем не менее, именно эту пустоту многие адепты Чехова в советское время наполняют смыслом, придавая ей идею бессмертия: форма и содержание произведений Чехова становятся отражением самого себя и искусственно созданного поколениями потока мыслей и чувств. Укореняя глубокую симпатию к Чехову, они публично и искусно демонстрируют в его произведениях любовь к себе, узнавая в них свои собственные отражения, проецирования, мечты и надежды. Внутри философской программы Шестова это можно рассматривать как форму нарциссизма и самолюбия, которые доктор Чехов, а на самом деле мнимый Чехов, придуманный советской интеллигенцией, предлагает в качестве средства от отчаяния и смерти.

В философии Шестова Чехов возникает из ничего, из пустоты с наполнением ее идеей вероятности. Мы можем предположить, что сам Чехов, а не его образ в среде советской интеллигенции, предотвращает возможные *проявления отсутствия* как дипломированный врач, понимающий, что профилактика болезни (человеческого порока) более предпочтительна, чем ее лечение. Чехов предлагает метод профилактики психологических заболеваний, аналогичный вакцинации против физических недугов и современному антивирусному программному обеспечению в нейросети. Чехов предупредил о возникновении человеческой пустоты среди русской образованной и культурной интелли-

генции, которая отвергла эсхатологическое творчество ради отдельных жанров жизни, поощряющих индивидуализм. Чехов тогда оказывается не представителем, а обличителем интеллигенции, которая заменила возникшую «из ничего» пустоту отчаяния, возвышающегося над жанрами бытия, сосредоточенностью на себе, на своем человеческом и собственных проблемах в тени уже умершего Вишневого сада и уже отживших себя литературных жанровых форм.

Но жанровая успокоенность на желаниях и мечтах приводит к изоляции, эгоцентризму и неспособности любить кого-либо, кроме себя, а также к потребительству и духовному обнищанию и, как следствие, изоляционности. Отщепенство становится главной проблемой русской интеллигенции, о чем писал Бердяев, которая не идентифицируется ни с государственностью, ни с народом [Бердяев Н.А., 1923, с. 83, 121]. Она остается «сама по себе», пребывая между мирами и создав свой «вишневый сад», который превращается в тень их предков — призраки, свободные и бесполезные, бесполезные для кого-либо, кроме самих героев Чехова, таких как Дядя Ваня, Иванов, Тригорин и Заречная. Они живут для себя и во имя себя. Они в своей отстраненности и конечности стали подобны порхающим бабочкам. Трагедия чеховских героев заключается в обретении ими мимолетности, ненужности и бесполезности своей сущности. Чехов в порядке эксперимента «выдавил из себя раба Божьего» (позволим себе вольно обойтись с самой известной цитатой «я по капле выжимал из себя раба», придав ей не личный, а социальный смысл), осознав, что без этого рабства, без союза с Богом он сам, как и его герои, становится пустышкой, ничем, и этим он велик — здесь прав Лев Шестов и прав сам настоящий, а не выдуманный Чехов. Ведь труд и творчество, на что способны лучшие герои Чехова, оказывается их индивидуальной судьбой, и если для первых читателей Чехова труд и творчество имели социальное измерение, то Шестов ставит это социальное измерение под вопрос. Как и Чехов, Шестов скептик, для него благие намерения не есть еще социальная добродетель.

Через полвека кинорежиссер Леонид Хейфец наблюдает за советской интеллигенцией 60-х гг. в СССР, исследует ее культуру и созданную ими свою «религиозность» с верой в прекрасные мысли и чувства образованного человека, как будто укорененную в дискурсивном наследии

чеховских героев. По итогам своеобразного антропологического исследования, показывающего границы религиозности советского человека, Хейфец создает экранными средствами портрет бытового интеллигента, ставшего иконой своего времени, в образе обновленного светского пу-

стого человека — мнимого последователя русского эстетического быта с его апофеозами начала XX в., в дымке эстетического гламура книжных идеалов — человека, нарочито демонстрировавшему свою отстраненность от официального быта (рис. 1).

Рис. 1. Кадр из фильма-спектакля Л. Хейфеца. Свет как идеал и невосприимчивость к идеалу
Fig. 1. A single picture of Leonid Heifetz's filmed play movie. Light as ideal and irresponsiveness to the ideal

Хейфец показывает, как советская интеллигенция создала свой мир по образу и подобию упрощенно понятого Чехова. В этом он предшественник авторитетной сейчас концепции А. Юрчака [Юрчак А.В., 2014]. Он выводит мир утонченных и самонадеянных людей, гордящихся, что оказались на вершине мировой науки, и при этом безвольных, капризных и бесполезных. Такие люди имеют и черты мучеников: они настаивают на том, что они должны быть спасены, и даже стремительно спасены. Они взвешивают свою душу (в которую советский человек не верил) на весах Иова, пользуясь названием книги Льва Шестова, и поспешно пытаются доказать, что она весит много.

За каждым персонажем фильма-спектакля Хейфеца стоит амплуа актера как амплуа ин-

теллигента. Каждый воплощает одновременно дух своего поколения и дух времени — Лопухин (Ю. Каюров), Трофимов (Э. Марцевич), Гавев (И. Смоктуновский), Раневская (Р. Нифонтова), Шарлота (Н. Вилькина) и даже Яша (В. Соломин). Такой человек торгуется за свою душу и за право самостоятельно, без прямых указаний атеистических брошюр решать, есть ли у него душа или нет.

Такой человек творит жизнь самостоятельно, и эсхатологию ему заменяет бесконечное стремление к идеалу. Бесконечность идеала постоянно конструируется и стимулируется получением образования. Образование одновременно создает некоторую целостность человека и напоминает о непознанном. Советское образование интеллигенции соединяет энциклопедическую

эрудицию и представление о нерационализируемом остатке личности, благодаря которому и возможна воля к творчеству. Поэтому советский атеизм вовсе не становится аналитическим рационализмом, но всегда имеет в виду отстаивание особого досуга — досуга от разгадывания кроссвордов и рыбалки до невольных научных открытий. Этот досуг встроен в идеал, заменяющий эсхатологический идеал, эсхатологическую икону — идеал самостоятельности в мелочах. Самостоятельно можно что-то прочесть, сказать, вписать слово в кроссворд, и это создает впечатление постоянного стремления к идеалу освоения вселенной, ее семиотики, ее языков, как будто языков далеких планет.

В каком-то смысле такой интеллигент напоминает не чеховского героя, а скорее Раскольников в романе Ф.М. Достоевского: «Надменно горд и несообщителен; как будто что-то таил про себя <...> казалось, что он смотрит на них на всех, как на детей, свысока, как будто он всех их опередил и развитием, и знанием, и убеждениями, и что на их убеждения и интересы он смотрит как на что-то низшее...» [Достоевский Ф.М., 2020, с. 61]. И как следствие — раскол как отделение от общества отстранен, а значит и жесток, как и мыслил Ф.М. Достоевский, повлек за собой и раскол внутри человека. При этом интеллигент Хейфеца чаще не жесток, он изживает жестокость во внутреннем конфликте, хотя в быту может вести себя жестоко и даже очень жестоко, не замечая этого.

Внутренний конфликт и противоречивость, показанные Л. Хейфецем, создают драматическую основу жизни чеховский герой в современном обществе 60-х г. XX в. в образе советского интеллигента, создавая из этого дополнительный к историческому наследию образ мученика. Так возникает образ нового праведника, нового святого, с новым Богом — человеком. Человек мучается и страдает во имя себя. *Новый святой* верит, что эти страдания приведут его к очищению и вознесению.

В словах Трофимова «Мы выше любви!» Хейфец раскрывает катастрофу человеческой души, отказавшейся от божественного дара и устремленного к идее-идеалу Ницше. Но ничего противопоставить он не может этому, потому что сама система героев — это система страдающих, а не отвечающих на страдание в эсхатологической перспективе героев. Среди них ца-

рит новая форма бессмертия — в книгах, в речах, в умах, в сердцах последователей. Это человеческое бессмертие, которое готовят для себя прекрасные люди посредством книг, речей и эрудиции, готовя со страданием, чтобы выстрадать любовь и свободу перед взглядом других интеллигентов. При этом этот взгляд достаточно самоуверен, чтобы эта любовь и свобода получила эсхатологическое, бердяевское измерение.

Леонид Хейфец, раскрывая быт интеллигенции в своем фильме «Вишневый сад», видит большие риски в этом культурном направлении и пытается понять ее истоки и что пошло не так. Обращаясь к Чехову, который сам не любил многое в интеллигенции, Хейфец определяет *конфуз* между сознанием проявления и его восприятием. Чехов смеется над русской интеллигенцией со всем скепсисом. И сама русская интеллигенцией в образе советской пытается смеяться над собой (пытаясь уподобиться самому Чехову) спустя полвека после чеховских героев, но уже вне скепсиса, заменявшего эсхатологию Чехова. Скепсис подразумевает конечность любого нашего действия, отсутствие бесконечного ресурса семиотизации своих же действий, придания им некоторого постоянно нарастающего мнимого смысла и многозначительности, которые есть у интеллигентов Хейфеца.

Но эта бесконечная семиотизация требует зеркала — идеализированного народа, не случайно у интеллигенции стала популярна в те же годы деревенская проза. Любовь интеллигенции избирательна, она допускает только тех, кто признает ее идеалы. Но идеализация своей любви требует напряженно идеализируемого зеркала как условия выживания. Это как бы вывернутая эсхатологическая перспектива: от пакибытия (будущей жизни, возникновения в новом бытии, церковнославянизм), будущей жизни — к выживанию, духовному и в чем-то самодовольному.

Именно этот процесс выживания показывает Л. Хейфец в своем фильме, используя внутреннюю драматургию, не явленную, но угадываемую через визуально-образный ряд: поступки героев — их пластика существования в кадре, их интонации — их взгляды, за произносимыми словами — заявлениями (рис. 2).

Теперь интеллигенция руководствуется новым идеалом — выживание. А сохранение прежних идеалов о красоте и чувственности пе-

реносится в область чистого искусства, где только и возможно им жить. Возникает новый раскол: между жизнью, грубой, беспросветной, убогой для них, ради зарабатывания себе на

хлеб, и другой — прекрасной, мечтательной и обильной, где интеллигенту не надо трудиться и только говорить, разговаривать, размышлять, и чувствовать (рис. 3).

Рис. 2. Кадр из фильма-спектакля Л. Хейфеца. Попытка изменить жизнь и неспособность к изменению привычной жизни

Fig. 2. A single picture of Leonid Heifetz's filmed play movie. An attempt to change one's life and incapacity to change the routine

Рис. 3. Кадр из фильма-спектакля Л. Хейфеца. Расставание с вишневым садом

Fig. 3. A single picture of Leonid Heifetz's filmed play movie. Farewell to the cherry orchard

Рассмотрим финальную сцену «Вот и кончилась жизнь в этом доме...» у Л. Хейфеца. Здесь господствует настроение не итоговой комедии Чехова, а его «Дяди Вани», в духе: «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую...» [Чехов А.П., 2023]. Но экранное искусство превращает риторику с ее классическими оппозициями труда и досуга в апологию специфического советского досуга. Это уже не милосердие с его суровостью, внутренней дисциплиной, а милость к себе, к своим увлечениям и мелочам, которые кажутся ласковыми, уютными, относящимися к частному быту. Так происходит та гипернормализация быта интеллигенции, о которой писал А. Юрчак [Юрчак А.В., 2014].

Мы видим у Хейфеца, что персонажи находятся в дымке, они окутаны опиумным дурманом своих слов, выражений, оборотов речи, интонированием, посылов, удивлений и раскрытий. Искренность чередуется с закрытием, нежность — с грубостью, ум — с глупостью, высокое — с низменным. Это тени, бледные призраки русской интеллигенции. У Чехова они еще имели наполнение человечностью, у Хейфеца — это только оболочки, пустые формы, сохранившие в себе остатки былой красоты пустой образованности.

Хейфец создает карикатуру. Острую, безжалостную, с пониманием личного опыта работы этого мира и его сосуществования. Он, как и Чехов, — представитель интеллигенции, он и берет на себя основную критику и осуждения. Большой грех осуждать. Только еще больший грех в авраамических религиях — молчать при виде идолопоклонства, это уже социальный, а не индивидуальный грех. У Хейфеца нет понятия о *грехе осуждения*, но есть понятие о *грехе идолопоклонства*, которое осуждают авраамические религии, и он видит в советской интеллигенции идолопоклонство, поклонение интеллигентности. Он не знает эсхатологической иконы, но только контур пародии.

Пародия Хейфеца нарочито красива и изящна, тонка и чувственна, она рассыпается от малейшего прикосновения и рушится от малей-

шего прорыва изнутри персонажей, так и не обретших внутри себя красоту. Эта пародия теплоты до удушения безвоздушностью, задымлением старых слов и жарких рукоплесканий своим пристрастиям. В этом жаре сгорают последние остатки былой идеи. Страстность и, как результат, уныние. Неудовлетворенность и, как результат, потеря.

Кризис становится нормой, образом жизни, смыслом жизни. Повторения облагаются моральным налогом на сочувствие. Надежда поощряется движением сердца в сторону исключительности. Именно она, заменившая уникальность, становится Ее Величеством — королевой бесконечного бала чаепитий и праздности, — достигшим советско-интеллигентной «святости» не полагается трудиться — различные формы смешения работы и досуга, вроде разгадывания кроссвордов в рабочее время, которые и стали нормативным стилем жизни в годы застоя, пародируют жреческое всезнание и жреческое блаженство. Все эти хобби, подработки на работе, знаточеская эрудиция и любительское коллекционерство — все это пародия на жреческое сословие с его привилегированным доступом к знаниям и ресурсам. Эту парадоксальность Хейфец выводит как формулу, по которой живет особая каста внутри русской интеллигенции — исключительность отдельных ее представителей, на которую *работают* остальные, хотя бы те в НИИ, кто действительно делает научные открытия. Так, Хейфец проводит сквозную линию в фильме «Вишневый сад» — поэтическое воспевание идеалистического коллекционирования, мертвой эрудиции, омертвления тела: людей-добровольцев, идущих на смерть во имя мертвого образа русской интеллигенции.

Здесь нет и не может быть воскрешения, как в христианстве. Здесь все природно; и потому, согласно идеализирующей мысли советской интеллигенции, будет и должно быть *оживление*. Здесь верят в Весну, а не во Второе Пришествие, вместо эсхатологии здесь, как мы уже сказали, бесконечная семиотизация. Этот языческий акт надежды может казаться народным, но это порождает поиск народного зеркала, которое было бы достаточно трогательным и поощряло бы в интеллигенции идеализацию себя

и прощение всего себе. Это было бы прощающее, а не обличающее зеркало.

Так возникает любовь, древняя, естественная, родовая — народная. И Чехова любят, и Хейфеца смотрят, и прощают им их смех и жестокость, и резкость, и безрассудство. Возникает новая идея выживания — *пользовательское соглашение* между зеркалом и смотрящимся в зеркало, как бы инобытие всех сделок с Вишневым садом. Договор о сотрудничестве. Это полная противоположность идеи христианского единства и союза. Договор обязуется удовлетворять обе стороны, забыв и о прежних аффектах, и о прежних обязательствах. Обе стороны должны согласиться. Интеллигенция получает способ существования, общество — идеи интеллигенции. Это основная идея «Вишневого сада» Хейфеца.

Но вдруг в конце фильма Хейфеца выясняется, что обществу ценности интеллигенции не нужны. Вторичные идеализации ему не требуются.

Чехов выразил в своих пьесах не индивидуальные, а коллективные чаяния интеллигенции, создав иллюзию свободы и любви в этой свободе, которая имела прекрасный облик призрака. Они пытались воссоздать рай на земле, что Бердяев постоянно и обличал как подмену и антихристианство в интеллигенции, иерархию антихристову [Бердяев Н.А., 1923, с. 105]. Чехов предупредил будущие поколения от продолжения этой успешной интеграции «антибогословия», но потомки увидели красоту его персонажей, их трогательность, нежность, и полюбили это «анти-божие» и свободу.

Будучи убежденными в «правоте» мнимого, а не настоящего Чехова, потомки начали подражать его героям. Они свели полифонию-2 к эрудиции, и увидели в обличителе просто доброжелательного карикатуриста, который карикатурами гипернормализует (термин Юрчака) уютный быт интеллигенции.

Русская интеллигенция оказалась в позднесоветском мире ситуации, где она ощущала себя между двумя мирами, своим и столь же мнимым, и воображенным им народным, весной деревни, лишенная источников духовной силы как в истории, так и в своем физическом существовании. Это привело к ощущению безжизненности, подобно «живому трупу», описанному Л.Н. Толстым [Толстой Л.Н., 1982].

Особенностью искусственной формы жизни, воплощенной русской интеллигенцией как культурным феноменом, стало высушивание «Вишневого сада» Чехова в эпоху после индустриализации, социализации и материализма, принятие этой сухости как карикатуры, гипернормализующей самовлюбленность и самоидеализацию. В этой механистичной пост-эпохе «мертвая (высушенная) культура» русской интеллигенции была воспринимается возвышенно и одухотворенно.

Развивая мысли Н.А. Бердяева, можно сказать, что русская интеллигенция взвалила на себя «убийственную» долю Запада и в результате стала страдальцем. Она не объявляла войны западной дьяволизации, а стала сожительницей этой дьявольской идеи, превратившись в святого без креста. Это новый вид мученичества и святости, человеческий путь без Бога, но с сочувствием. Здесь возникает новая религия, вытекающая из концепции человека-Бога. Если на Западе она превратилась в идею сверхчеловека (супермена), то в России она отразилась в «великодушности» — идея Человека-мира. Человек-мир начал заботиться о проблемах всего человечества. Русский интеллигент взял на себя всю боль и смерть мира и всего человечества. И если на Западе восприняли искупительную агонию Христа как сущность культуры, как постоянное бдение и постановку себя под вопрос (пари Паскаля), то русская интеллигенция разделила это бремя мертвенности, проникаясь экзистенциальной осознанностью, чтобы спасти ближнего. Ближний здесь — это Запад, Старый Свет, общество под сенью Креста.

В данном контексте речь может идти о том, что Россия конца XX в., ощущая враждебность со стороны Америки как «Нового Света», обнаружила, что полюбить своего врага гораздо проще, чем одержать победу над ним. Враг стал альтернативным «Я», зеркалом и противоположностью, и Россия в роли матери продолжила заботиться о «проказнике-подростке» США, надеясь, что с течением времени он станет более зрелым и разумным. Это аналогия материнской заботы о ребенке-подростке, где мать (Россия) не придает значения его «взбрыкиваниям», чтобы они исчезли и забылись. Такое нерациональное и почти слепое следование своему призванию, покорное ношение своего креста, обладает в русской культуре особой духовной силой, ко-

торая не объяснима умом или сердцем. Русская интеллигенция и русский народ частично обладают этим духовным зрением, их особая связь с женственностью материнского начала позволяет преодолевать трудности.

Загадочная русская душа продолжает оставаться загадкой, привлекая к себе внимание и вдохновляя тех, кто внимательно наблюдает, своим особым искусством веры и надежды на пробуждение «спящей красавицы», или «слепой красавицы», по слову Б.Л. Пастернака. Русская душа обладает талантом привлекать и пробуждать интерес даже тогда, когда она находится в коматозном состоянии, подобно принцессе, ожидающей своего принца. Именно такой подход позволяет сохранить в себе чувство любви, не истрачивая его на замену или соблазны языческих искушений, которые желают помешать, говоря богословским языком, встрече Невесты с ее истинным Женихом.

Итак, согласно интерпретации Льва Шестова, Чеховым было явлено выражение эпохи русского ренессанса, которая побуждала адептов сменить духовный опыт на импликацию искусства ради искусства. Представители русской интеллигенции попытались достичь соглашения с эсхатологией Православия, но стали жертвами своей беспочвенности, на которую указывали многие, от С. Булгакова [Булгаков С.Н., 2017, с. 4] до Г. Федотова. Русская интеллигенция чаще видела в человеке продолжающееся творение, а не грех, который надо преодолеть новым, решительным духовным творчеством, они рассматривали в себе воплощение Бога и возможность преображения грешного человека через искусство как творческую силу и развитие внутри человека. Такая идеализация простой длительности обычной человеческой жизни знаменовала возможность создания Царства Божьего на земле, хоть и частичного или в виде его модели, эйдоса, идола.

Такая вера заменила религиозность и через ряд испытаний и самоиспытаний сводилась к вере в искусство, в творчество, в Божественную искру, присутствующую в каждом человеке. Это придавало силу и смысл земному существованию. Таким образом, русский модерн вполне был освоен и в советском проекте бессмертия коммунистического будущего. Новые святые, герои труда возникли из героев мира искусства XIX в.

Советская интеллигенция произошла из русской интеллигенции с ее мирами искусства, хотя, конечно, мир идеализаций и семиотизаций стал возможен не сразу. Статья Льва Шестова была замечена современниками, но она не получила продолжения как эсхатологический трактат. В ней увидели просто остроумный опыт критики и вариант философии экзистенциального отчаяния. В этой статье можно увидеть попытку остановить тяжелое испытание, связанное с увлечением интеллигенции идеализациями. Лев Шестов отказывается что-либо идеализировать, и поэтому предупреждает от нормализации и тем более гипернормализации, по Юрчаку [Юрчак А.В., 2014], интеллигентского быта.

Постмодернизм дал много нового в понимании «творчества из ничего», разделив дискурсивность и перформативность, что позволило сделать новый шаг в аналитике концепций современного сознания и его созвучий с методом «творчество из ничего» в культурном направлении «искусство ради искусства», и влияние его произведений на современность. Внутри него всегда все-таки теплится крупца жизни, но он приписывает ее себе и своей собственной воле, он не может поступать иначе — это его единственная реальность в созданном модернизмом и постмодернизмом мире. Таким образом, постмодернизм распоряжается жизнью, включая жизнь интеллигенции, в соответствии с собственным образом и подобием. И, следовательно, образ, который был заложен Чеховым при рождении модернизма, и в постмодернистскую эпоху определяет некоторые миметические принципы внутри постановок, экранизаций и других продолжений мысли Чехова. В пьесах Чехова мы видим интерпретацию человека и его отношения к самому себе, и слова Льва Шестова звучат благодаря экранным приемам Хейфеца еще сильнее, чем раньше.

Список литературы

- Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. 246 с.
- Булгаков С.Н. Апокалипсис Иоанна: Опыт догматического истолкования. М.: Директ-Медиа, 2014. 428 с.
- Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Азбука, 2017. 520 с.

Булгаков С.Н. Трагедия философии. М.: Наука, 1993. 603 с.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. СПб.: Азбука, 2020. 672 с.

Марков А.В., Штайн О.А. М.М. Бахтин как теоретик кино: автокоммуникация на рапиде // Временник Zubovskogo instituta. 2024. № 1(44). С. 157–172.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю.М. Антоновского. М.: Азбука, 2022. 416 с.

Одесская М.М. Были ли идеалы у господина Чехова? // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 11. С. 219–227.

Руднев В.П. Новая модель бессознательного. М.: Гнозис, 2012. 288 с.

Сенчихина Ю.Б. Апология неизвестности: концепция творчества Льва Шестова // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2009. № 3. С. 26–37.

Сонтаг С. Против интерпретации и другие эссе: пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. 368 с.

Толстой Л.Н. Живой труп // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худ. лит., 1982. Т. 11. С. 274–334.

Тузова Е.Н. Театральный код в экранизации пьесы А.П. Чехова «Иванов» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 1.2. С. 145–149.

Чехов А.П. Большое собрание пьес в одном томе. М.: Эксмо, 2023. 752 с.

Шестов Л.И. Творчество из ничего (А.П. Чехов) // А.П. Чехов: pro et contra / сост. И.Н. Сухих. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 566–598.

Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 664 с.

References

Berdyayev, N.A. (1923). *Filosofiya neravenstva: Pis'ma k nedrugam po sotsial'noy filosofii* [The philosophy of inequality: Letters to my contemners, concerning social philosophy]. Berlin: Obelisk Publ., 246 p.

Bulgakov, S.N. (1993). *Tragediya filosofii* [The Tragedy of Philosophy]. Moscow: Nauka Publ., 603 p.

Bulgakov, S.N. (2014). *Apokalipsis Ioanna: Opyt dogmaticheskogo istolkovaniya* [The Apocalypse of John: An essay in dogmatic interpretation]. Moscow: Direct-Media Publ., 428 p.

Bulgakov, S.N. (2017). *Svet nevecherniy. Sozertsaniya i umozreniya* [Unfading light: Contemplations and speculations]. Moscow: Azbuka Publ., 520 p.

Chekhov, A.P. (2023). *Bol'shoje sobraniye p'yev v odnom tome* [Great collection of plays in one volume]. Moscow: Eksmo Publ., 752 p.

Dostoevsky, F.M. (2020). *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 672 p.

Markov, A.V. and Shtayn, O.A. (2024). [M.M. Bakhtin as a film theorist: autocommunication on rapid speed]. *Vremennik Zubovskogo instituta* [Annals of the Zubov Institute]. No. 1(44), pp. 157–172.

Nietzsche, F. (2022). *Tak govoril Zarathustra* [Thus Spoke Zarathustra]. Moscow: Azbuka Publ., 416 p.

Odesskaya, M.M. (2008). [Did Chekhov has ideals?]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [RSUH/RGGU Bulletin: «Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies», Series]. No. 11, pp. 219–227.

Rudnev, V.P. (2012). *Novaya model' bessoznatel'nogo* [New model of the unconscious]. Moscow: Gnosis Press, 288 p.

Senchikhina, Yu.B. (2009). [Apology of the unknown: the concept of Lev Shestov's creativity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. No. 3, pp. 26–37.

Shestov, L.I. (2002). [Creativity from nothing (A.P. Chekhov)]. *A.P. Chekhov: pro et contra, sost. I.N. Sukhikh* [I.N. Sukhikh (ed.) A.P. Chekhov: pro et contra]. St. Petersburg: RHGI Publ., pp. 566–598.

Sontag, S. (2024). *Protiv interpretatsii i drugie esse* [Against interpretation and other essays]. Moscow: Ad Marginem Press, 368 p.

Tolstoy, L.N. (1982). [Living corpse]. *Tolstoy L.N. Sobraniye sochineniy: v 22 t.* [Tolstoy L.N. Collected works: in 22 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., vol. 11. pp. 274–334.

Tuzova, E.N. (2017). [Theatrical code in the film adaptation of A.P. Chekhov's play «Ivanov»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogy, Philology]. Vol. 23, no. 1.2, pp. 145–149.

Yurchak, A.V. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'* [Everything was forever, until it was no more]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 664 p.

Об авторах

Кон Вячеслав Александрович

аспирант кафедры философской антропологии

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова,

119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;

e-mail: slava_kon@list.ru

ResearcherID: KVZ-3096-2024

Марков Александр Викторович

доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры кино

и современного искусства

Российский государственный

гуманитарный университет,

125047, Москва, ул. Чаянова, 15;

e-mail: markovius@gmail.com

ResearcherID: Q-7934-2016

About the authors

Vyacheslav A. Kon

Postgraduate Student of the Department
of Philosophical Anthropology

Lomonosov Moscow State University,

27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;

e-mail: slava_kon@list.ru

ResearcherID: KVZ-3096-2024

Alexander V. Markov

Doctor of Philology, Docent,

Professor of the Department of Cinema

and Contemporary Art

Russian State University for the Humanities,

15, Chayanov st., Moscow, 125047, Russia;

e-mail: markovius@gmail.com

ResearcherID: Q-7934-2016

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-543-555>

EDN: ZKHRPN

Поступила: 23.09.2024

Принята: 13.11.2024

Опубликована: 27.12.2024

**ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ
НА ПСИХИКУ ЛИЧНОСТИ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА***Джура Георгий Сергеевич**Донецкий республиканский протезно-ортопедический центр (Донецк)**Иванченко Виктор Яковлевич**Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского (Донецк)*

Непрерывное развитие информационных технологий и их повсеместное внедрение в различные сферы жизни человека порождают не только новые возможности, но и вызовы для психического здоровья, особенно у молодого поколения. Современные молодые люди с раннего возраста включены в цифровую среду, что формирует специфические паттерны поведения, общения и восприятия мира. Влияние цифровой среды на психику современных молодых людей становится предметом активного научного исследования, т.к. оно может иметь как позитивные, так и негативные последствия. Теперь, когда цифровая среда представляет собой не только платформу для общения, но и пространство для формирования мнений и ценностей, необходимо детально разобраться в специфике этого взаимодействия. Важность исследования обуславливается необходимостью разработки стратегий психологической поддержки и профилактики, направленных на снижение негативных последствий, связанных с использованием цифровых технологий в молодежной среде. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения влияния цифровой среды на психику молодых людей, учитывая отсутствие однозначного мнения о ее последствиях. Статья посвящена изучению влияния цифровой среды на психику молодых людей. В работе будут рассмотрены основные факторы, оказывающие воздействие на психическое здоровье и поведение молодого поколения, включая аспекты, касающиеся эмоционального благополучия, уровня стресса, формирования психосоциальной идентичности и межличностных отношений, зависимости от интернета, цифрового выгорания, кибербуллинга и повышенной тревожности. Систематизированные и обобщенные результаты существующих исследований, проведенных среди молодых людей, позволили определить степень влияния цифровой среды на их психическое состояние и выявить факторы, способствующие формированию здорового отношения к цифровым технологиям. В ходе исследования планируется определить степень влияния цифровой среды на психическое состояние молодых людей, выявить факторы, способствующие формированию здорового отношения к технологиям, и разработать рекомендации по минимизации негативных последствий информатизации для психического здоровья.

Ключевые слова: цифровые среды; информационно-психологическая безопасность; психика; влияние; молодые люди.

Для цитирования:

Джура Г.С., Иванченко В.Я. Особенности влияния цифровизации на психику личности молодого человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 543–555.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-543-555>. EDN: ZKHRPN

FEATURES OF THE INFLUENCE OF DIGITALIZATION ON THE PSYCHE OF A YOUNG PERSON

Georgy S. Dzhura

Donetsk Republican Prosthetic and Orthopedic Center (Donetsk)

Victor Ya. Ivanchenko

Donetsk National University of Economics and Trade named after Michael Tugan-Baranovsky (Donetsk)

The constant development of information technologies and their widespread implementation in various spheres of human life give rise not only to new opportunities but also to challenges for mental health, especially among the younger generation. Modern young people are included in the digital environment from an early age, which forms specific patterns of behavior, communication, and perception of the world. The influence of the digital environment on the psyche of modern young people is becoming the subject of active scientific research, as it can have both positive and negative consequences. Now that the digital environment is not only a platform for communication but also a space for the formation of opinions and values, it is essential to understand in detail the specifics of this interaction. The study appears to be important as it is necessary to develop strategies for psychological support and prevention aimed at reducing the negative consequences associated with the use of digital technologies among young people. The relevance of the study is due to the need to study how digital environment influences the psyche of young people, given the lack of an unambiguous opinion about its consequences. The paper looks at the main factors that affect the mental health and behavior of the younger generation, including aspects related to emotional well-being, stress levels, the formation of psychosocial identity and interpersonal relationships, Internet addiction, digital burnout, cyberbullying, and increased anxiety. Systematized and summarized results of existing studies conducted among young people made it possible to determine the degree of influence of the digital environment on their mental state and to identify factors contributing to the formation of healthy relationships with digital technologies. The paper also provides recommendations aimed at minimizing the negative consequences of informatization for mental health.

Keywords: digital environments, information and psychological security, psyche, influence, young people.

To cite:

Dzhura G.S., Ivanchenko V.Ya. [Features of the influence of digitalization on the psyche of a young person]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 543–555 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-543-555>, EDN: ZKHRPN

Введение

В современном обществе цифровая среда становится неотъемлемой частью повседневной жизни молодежи, оказывая значительное влияние на психологическое состояние и поведенческие реакции индивидов. Учитывая стремительное развитие технологий, с каждым годом возрастает количество молодежи, активно использующей интернет-пространство, социальные сети и различные цифровые платформы для коммуникации, самоидентификации и самовыражения. Данный процесс влечет за собой как положи-

тельные, так и отрицательные последствия для психического здоровья молодых людей.

Проблемы цифровых сред в психологии рассматриваются в работах А.Е. Войскунского, Г.У. Солдатовой, Е.П. Белинской и др. [Войскунский А.Е., Солдатова Г.У., 2019; Белинская Е.П., 2014; Рассказова Е.И. и др., 2015].

Научные предпосылки проблемы влияния цифровизации на психическое здоровье молодежи можно классифицировать в несколько ключевых аспектов.

1. Изменение коммуникационных моделей. Век цифровых технологий изменил традицион-

ные формы общения. Молодые люди чаще взаимодействуют через мессенджеры и социальные сети, что может приводить к изоляции, снижению навыков межличностного общения и увеличению чувства одиночества.

2. Влияние на концентрацию и внимание. Постоянный доступ к информации и многозадачность, характерные для цифрового века, могут негативно сказаться на способности молодежи концентрироваться и сосредотачиваться на задачах. Исследования показывают, что постоянные отвращения и необходимость быстро переключаться между задачами снижают качество выполнения работы и могут приводить к стрессу.

3. Феномен сравнения и ожиданий. Социальные сети создают образ идеальной жизни, которому молодые люди стремятся подражать. Это может привести к снижению самооценки, развитию депрессивных состояний и даже расстройств пищевого поведения, когда молодые люди начинают сравнивать себя с отфильтрованными и идеализированными образами других.

4. Зависимость от технологий. Возрастающее время, проведенное за экранами, может вызвать зависимость, которая негативно сказывается как на психическом, так и на физическом здоровье. Исследования указывают на проявления «интернет-зависимости», которая может привести к тревоге, депрессии и другим психическим расстройствам.

5. Кибербуллинг и агрессия. Анонимность в интернете порождает явления кибербуллинга, которые могут иметь серьезные последствия для психического здоровья. Молодые люди, сталкивающиеся с агрессией в сети, рискуют развить тревожные расстройства и депрессию.

6. Недостаток физической активности. Цифровизация также приводит к увеличению времени, проведенного в сидячем положении, что может вызвать не только физические проблемы, но и ухудшение психоэмоционального состояния. Исследования подчеркивают важность физической активности для поддержания психического здоровья.

Таким образом, влияние цифровизации на психику молодого человека охватывает множество аспектов: от изменений в общении и социальной динамике до развития зависимостей и стрессовых состояний. Необходимы дальнейшие исследования для более глубокого пони-

мания этих процессов и разработки эффективных стратегий для минимизации негативных эффектов цифровизации на молодежь.

Поэтому в рамках настоящей статьи важно исследовать научные предпосылки проблемы влияния цифровизации на психическое здоровье молодежи, а также выделить основные свойства сетевой коммуникации в психологии, определив их критерии, и проверить теорию поколений на научность, определив подходящие для указанных задач выборки молодежи.

Интернет как средство массовой коммуникации

Интернет-коммуникация представляет собой единство процессов: создания новой реальности, выражения субъективно-личностного мира и передачи своего духовного содержания участникам коммуникации. При этом, как отмечал Л.С. Выготский, наиболее значительное место в развитии высших психических функций играют семиотические орудия, что современные реалии только всячески подтвердили.

Анализ текстов информации непрерывно осуществляется миллионами пользователей и систем по всему миру, при этом каждый вид и тип информации обеспечивается различными технологиями, смысловыми ценностями, нормами, формами представления; требованиями к этическим критериям, точности, логике, доступности, степени восприятия, а также другим особенностям отражения фактов, процессов и явлений. Привычное линейное чтение напечатанных учебников в интернете изменяется за счет использования избранной навигации пользователями, при этом разнятся содержания текстов, вычерпываемые ими в ходе обработки информации.

На способы и инструменты восприятия воздействуют такие индивидуальные свойства, как когнитивная сложность, гибкость, импульсивность. Специфика сжатого языка интернет-коммуникации может быть рассмотрена как особый вид типичного сетевого текста, которому свойственна структурная фрагментарность, незавершенность, символизм и др. Особенности сетевого контента выражаются в его публичной субъективности, самопрезентации, сленговой обусловленности. Авторы контента часто изыскиваются в свете личных интересов, действуют без оглядки на регламент, субординацию, следуя собственным интенциям. Интернет-контенту

свойственна зачастую мнимая относительная анонимность, ощущение иллюзии равенства возможностей, психологической свободы, стремления к конкуренции, добровольному объединению по интересам и ценностям и т.п.

В виртуальном информационном пространстве пользователь системы сам задает свою идентичность, имея функционал предельно доступной для управления и видоизменения демонстрации себя. В результате многообразная соблазнительность и вариативность виртуального мира привлекает и поглощает молодую и незрелую психику тщательно выверенными инструментами технологических гигантов и научных институтов, адаптируясь под индивидуальность за счет инструментов искусственного интеллекта и систем анализа.

Выделение свойств сетевой коммуникации в психологии основывается на нескольких критериях. Эти критерии помогают исследовать, как именно интернет и цифровые технологии влияют на взаимодействие людей, их эмоциональное состояние и психическое здоровье. Рассмотрим основные из них.

1. Анонимность. В сетевой коммуникации пользователи часто могут скрывать свои истинные идентичности. Анонимность позволяет свободнее выражать мысли и чувства, что может как способствовать открытости, так и приводить к асоциальному поведению, например, к кибербуллингу.

2. Доступность и скорость общения. Цифровые технологии позволяют людям общаться в любое время и в любом месте, что значительно упрощает поддержание коммуникации. Однако такая доступность также может вызвать стресс и давление из-за ожиданий быстрой реакции.

3. Многоканальность. В сетевой коммуникации используются различные каналы (социальные сети, мессенджеры, электронная почта и др.), что позволяет выбирать удобные формы общения, но также усложняет понимание и интерпретацию из-за различных контекстов.

4. Непосредственность и асинхронность. Сетевое общение может быть как синхронным (например, видеозвонки), так и асинхронным (например, сообщения в мессенджерах). Асинхронность предоставляет возможности для обдуманного ответа, но может также привести к задержкам в реакции.

5. Изменение невербальной коммуникации. В сетевой среде часто отсутствуют обычные невербальные сигналы (жесты, мимика), что может влиять на точность интерпретации сообщений. Использование эмодзи и GIF-изображений в какой-то степени компенсирует это, но не в полной мере.

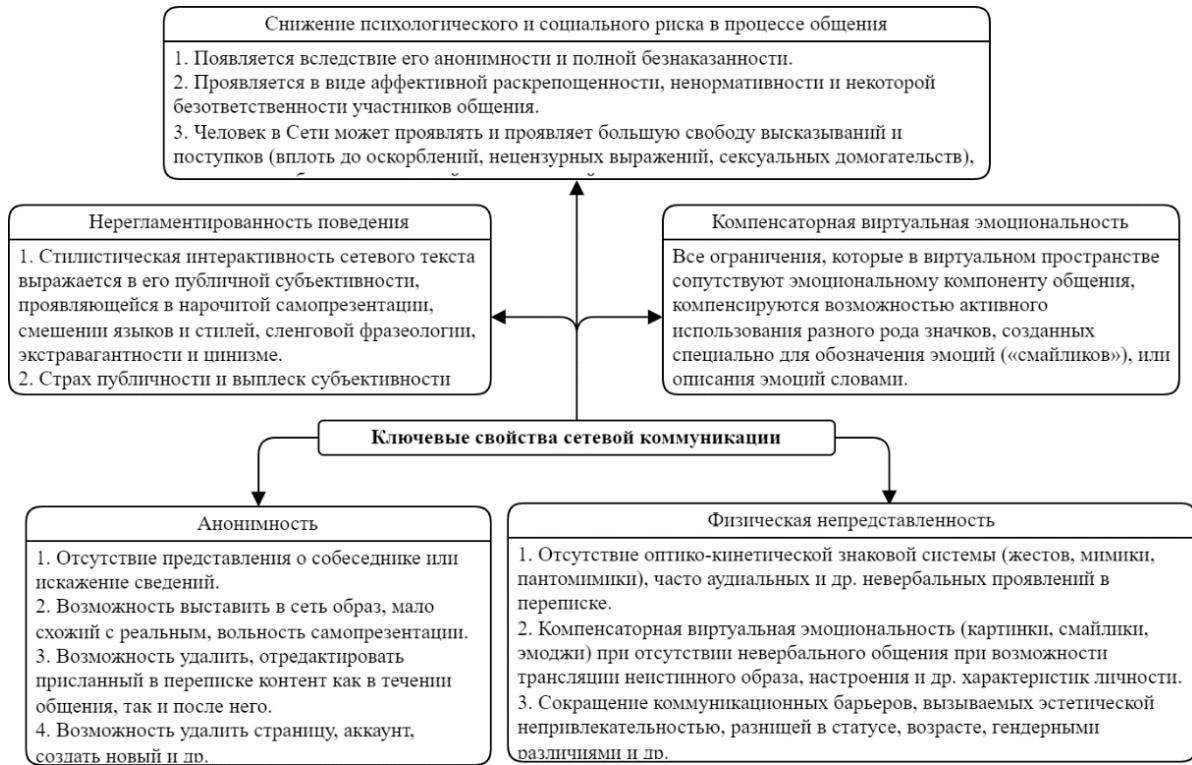
6. Формирование виртуальных идентичностей. Пользователи могут создавать и управлять несколькими идентичностями в сети, что может оказывать влияние на их самооценку и представление себя. Эта многослойность может как обогащать личный опыт, так и приводить к внутренним конфликтам.

7. Социальная поддержка и изоляция. Сетевая коммуникация может создавать ощущение социальной связи и поддержки, но в то же время способствовать физической изоляции. Исследования показывают, что качество взаимодействий в интернете значительно влияет на эмоциональное состояние пользователей.

В рамках данного исследования важно систематизировать выделенные основные категории свойств сетевой коммуникации [Жичкина А.Е., 1999, 2001; Белинская Е.П., 2002; Войскунский А.Е., 2010]. Данные категории помогут сузить и углубить анализ выявленных тенденций (рисунок).

По причине частого отсутствия достаточной информации о собеседнике в цифровых системах растут риски возникновения стереотипизации, идентификации с мнимыми авторитетами, рефлексии. Учащаются патологические проекции и переносы, собеседнику присваиваются несвойственные его истинному образу качества, что может приводить к дальнейшему разочарованию при личном общении.

Социальная коммуникация, в отличие от сетевой, подразумевает непосредственное взаимодействие автономных личностей через вербальное, невербальное и паравербальное общение. При этом социальная и сетевая коммуникации имеют общие цели, структуру, а также уровни: от интимно-личностного общения и обмена переживаниями до передачи информации на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. При этом формирующаяся и развивающаяся психика молодого человека крайне нуждается именно в социальном общении, позволяющем полноценно познавать все многообразие процессов жизнедеятельности.

Ключевые категории свойств сетевой коммуникации

Critical categories of network communication features

Оценка влияния социальных медиа на психику молодых людей представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую применения различных методов исследования, чтобы получить полное и объективное представление о данном феномене. Ниже перечислены ключевые методы, которые могут быть использованы в данном контексте.

1. Качественные методы исследования. Включают глубинные интервью и фокус-группы, позволяющие исследовать личные переживания и взгляды молодежи на использование социальных медиа. Этот подход позволяет выявить индивидуальные и социальные аспекты взаимодействия с платформами.

2. Количественные методы исследования. Опросники, анкетирование и стандартизированные шкалы могут быть использованы для сбора данных о частоте использования социальных медиа, уровне тревожности, депрессии и других психоэмоциональных состояний. Эти данные затем можно подвергнуть статистическому анализу для выявления корреляций.

3. Экспериментальные исследования. Проведение контролируемых экспериментов,

например, размещение участников в различных условиях использования социальных медиа, может помочь установить причинно-следственные связи между воздействием контента и изменениями в психическом состоянии.

4. Долгосрочные когортные исследования. Наблюдение за группами молодежи в течение длительного времени с периодическими оценками их психического состояния и уровня использования социальных медиа позволяет выявить динамические изменения и устойчивые тренды.

5. Контент-анализ. Изучение содержания постов, комментариев и других взаимодействий на платформах социальных медиа может помочь понять, как различные типы контента влияют на восприятие себя и окружающих.

6. Нейропсихологические методы. Использование нейровизуализационных технологий, таких как функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ), может помочь исследовать, как использование социальных медиа активирует различные области мозга, связанные с эмоциями и социальным взаимодействием.

7. Методы мета-анализа. Систематический обзор существующих исследований может помочь выделить обобщенные результаты и выявить согласованные эффекты влияния социальных медиа на психическое здоровье молодежи.

Каждый из представленных методов имеет свои достоинства и ограничения, и наиболее надежные результаты могут быть получены в результате применения смешанных методов, сочетающих как количественные, так и качественные подходы. Далее будут представлены современные исследования смешанного типа.

Статистические данные из открытых источников

Для настоящей работы считаем важным исследовать взгляды Нейла Хоу и Уильяма Страуса и их теории поколений, которая утверждает, что поколение формируется не только историческими событиями, влияющими на их жизнь, но и специфическими культурными, социальными и экономическими условиями. Эта теория предполагает, что каждое поколение имеет свои уникальные характеристики, ценности и модели поведения, которые формируются под воздействием времени, в которое они росли.

Теория поколений основывается на наблюдениях и анализе исторических событий, но значительная часть выводов сделана на основе качественных данных. Для научной обоснованности требуется более систематический и количественный подход, включающий социологические и психологические исследования, которые могли бы подтвердить или опровергнуть утверждения теории.

Определение границ поколений: вопрос о том, какой период времени следует считать одним поколением, остается дискуссионным. Исследователи часто используют разные временные рамки (например, 20 или 30 лет), что может приводить к разным выводам о характеристиках поколений.

Социальные изменения: теория часто не учитывает быстро меняющиеся социальные условия и адаптацию индивидов к ним. Например, большое влияние технологий и глобализации на поведение и ценности молодежи требует внимательного анализа и может не согласовываться с идеями о «замороженности» характеристик поколения, как это предполагает теория.

На формирование ценностей и поведения поколения влияют не только исторические условия, но и такие индивидуальные различия, как культурные, экономические и региональные. Теория поколений может не учитывать это разнообразие, приводя к обобщениям, которые могут не отражать действительность.

Существуют исследования, которые ставят под сомнение законность деления на поколения и концепцию их устойчивых характеристик. Например, некоторые ученые утверждают, что поведение и ценности людей зависят больше от их социальной и экономической среды, чем от даты рождения.

Теория поколений может предложить интересный подход к пониманию изменений в обществе, она нуждается в более строгом научном анализе и подтверждении, чтобы быть полностью признанной в академической психологии. Поэтому настоящее исследование ориентируется на иные современные опоры.

Так, в начале 2010-х гг. произошли негативные события среди подростков, вызвавшие рост уровня депрессии и тревоги по всему миру. Данные исследований [Haidt J., Rausch Z., 2022] показывают, что уровень депрессии и тревоги, который был стабилен в течение 2000-х гг., увеличился на более чем 50 % за период с 2010 по 2019 г. Кроме того, уровень самоубийств среди подростков в возрасте от 10 до 19 лет увеличился на 48 %, а для девочек в возрасте от 10 до 14 лет этот показатель вырос на 131 % [CDC Suicide Rates, 2024; U.S. Suicides..., 2023].

Аналогичные изменения были зафиксированы не только в США, но также в Канаде, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, странах Северной Европы и других странах [Haidt J., Rausch Z., 2023; Rausch Z., Haidt J., 2023b, 2023c; Rausch Z. et al., 2024; Haidt J., 2024]. Различные исследования показывают, что представители поколения Z (рожденные после 1996 г.) испытывают проблемы с тревогой, депрессией, аутоагрессией и связанными с ними расстройствами на более высоком уровне, чем любое другое поколение, для которого у нас есть статистические данные.

С начала 2012 г. во всем мире растет число подростков, страдающих от одиночества и отсутствия друзей, что сопровождается снижением результатов и в обучении [Haidt J., 2023; Monitoring the Future (MTF)..., 2024; MTF –

Loneliness, Friendship..., 2024]. К примеру, данные «Таблицы успеваемости нации» показывают ухудшение успеваемости американских учеников по математике и чтению после долгого периода стабильного роста. Согласно исследованию PISA, снижение уровня знаний в математике, чтении и естественных науках наблюдается не только в США, но и во всем мире с начала 2010-х гг. [Mervosh S., Wu A., 2022; Math Scores Have Dropped..., 2022].

Данные проблемы будут оказывать влияние и на их взрослую жизнь. Молодые люди сегодня испытывают меньший интерес к свиданиям, у них снижено количество сексуальных контактов, и они менее склонны к замужеству или женитьбе по сравнению с предыдущими поколениями. Они чаще принимают решение оставаться жить у своих родителей после совершеннолетия. У поколения Z меньше возможностей найти работу в подростковом возрасте, что усложняет их интеграцию в рынок труда.

Согласно опросам, представители поколения Z проявляют большую застенчивость и меньшую склонность к риску по сравнению с предыдущими поколениями. Неприятие риска может привести к менее амбициозному поведению. Во время интервью, проведенного в мае прошлого года, Сэм Альтман и Патрик Коллисон отметили отсутствие молодых предпринимателей в возрасте до 30 лет в Кремниевой долине впервые с 1970-х гг. Один из важнейших аспектов в процессе обучения детей различных возрастов — мотивация к игровым формам. Игра — это не просто развлечение, это их основная деятельность, которая помогает им развиваться, активно тренировать мозг, отрабатывая движения и улучшая навыки, которые им пригодятся во взрослой жизни. Поэтому игра является неотъемлемой частью детского опыта и способом саморазвития.

Одним из ключевых компонентов игры является принятие физического риска, который помогает детям и подросткам расширить свои способности, преодолеть страхи и научиться оценивать риски. Частые неудачи в игре приносят ценный опыт и учат сотрудничать с другими, что в дальнейшем помогает решать более серьезные задачи. Кроме того, элемент острых ощущений, вызванных возможностью получить травму, помогает преодолевать тревогу и развивать социальные связи.

Неизбежно, что молодые люди, которым не удается исследовать мир и рисковать, тенденциально становятся более тревожными и избегают рисков во взрослой жизни. Детство и юность человека, протекающая в реальном мире, где есть и опасности, и возможности проводить время вне зоны контроля взрослых, всячески способствуют развитию навыков самостоятельного принятия решений, регулирования конфликтов, ухода друг за другом и многие другие навыки социального и эмоционального интеллекта. При этом общие трудности способствуют укреплению связей между людьми, позволяя им понять социальную динамику малых групп и лучше справляться с вызовами взрослой жизни.

Так, исследовательский центр Pew выявил в 2015 г., что родители считают, что чтобы играть без присмотра у себя дома детям следует достигнуть возраста не менее 10 лет, а также, что детям нужно достигнуть 14 лет, прежде чем они смогут ходить без присмотра в общественный парк. При этом большинство этих же родителей в своем детстве наслаждались неконтролируемыми играми уже к 7–8 годам.

В 2011 г. всего лишь 23 % подростков имели смартфон, но к 2015 г. этот процент вырос до 73 %, что привело к тому, что четверть подростков практически всегда находятся онлайн. В 2010 г. даже младшие дети начали активно использовать планшеты. Эта повседневная цифровизация в детской жизни привела к изменениям, сделав детство более пассивным, виртуальным и редко совместимым со здоровым развитием человека [Madden M. et al., 2013; Rausch Z., Haidt J., 2023a].

Например, американские подростки проводят приблизительно 5 часов в день только в социальных сетях, включая просмотр видео на платформах. С учетом всех других активностей, связанных с телефоном и экраном, это число увеличивается, достигая в среднем 7–9 часов в день. В семьях с одним родителем, с низким уровнем дохода, а также среди чернокожих, латиноамериканских и коренных американских семей эти показатели еще выше.

Эти цифры не учитывают время, которое подростки проводят перед экранами во время занятий или выполнения домашних заданий, а также время, которое они тратят, отвлекаясь на социальные сети или ожидая уведомлений на

своих гаджетах. По данным СМИ Pew, треть подростков в 2022 г. заявляли, что они почти все свое свободное время находятся в одной из крупнейших социальных сетей, а почти половина делает то же самое с интернетом в целом.

Исследование изменений в проведении времени американцами показало, что молодые люди раньше проводили значительно больше времени со своими друзьями, чем пожилые люди. Однако начиная с 2000-х гг., время, проведенное молодыми людьми со своими друзьями, начало сокращаться, достигнув минимума к 2019 г. (до 67 мин. в день). Это говорит о постепенном отдалении поколения Z от общества, что заметно укрепилось в период пандемии COVID-19.

Преимущества цифровизации

Важно отметить, что виртуальное взаимодействие предоставляет уникальные возможности, особенно для молодежи, которая могла бы быть изолирована географически или социально в обычных условиях. Однако, несмотря на все его преимущества, виртуальный мир не способен полностью заменить реальные взаимодействия, которые являются важными для физического, социального и эмоционального развития. Реальные отношения и социальные контакты, сформированные за сотни тысяч лет, обладают следующими ключевыми особенностями, которые виртуальное общение либо сокращают, либо искажают:

1. В «офлайн» мы используем свою мимику, жесты и иные невербальные выражения для понимания друг друга, в то время как в виртуальном мире мы полагаемся преимущественно на вербальный контакт. Редукция традиционных способов взаимодействия может привести к сокращению уверенности и комфорта в личном общении из-за недостатка эмоционального контакта.

2. В «офлайн»-мире наши взаимодействия происходят синхронно, что позволяет нам лучше понимать тонкости общения, такие как выбор момента и повороты разговора. Этот синхронизированный процесс делает нас ближе к другим людям, создавая ощущение эмоциональной связи. В виртуальном мире, где тексты и публикации не синхронизированы, отсутствие мгновенного ответа может привести к сокращению настоящих эмоциональных реакций,

стрессу и увеличению возможности неправильного толкования сообщений.

3. В «офлайн»-жизни мы чаще всего общаемся один на один, либо с небольшой группой людей, в то время как в онлайн-коммуникации мы можем быть услышаны огромной аудиторией. Это может повлиять на глубину дискуссии, поскольку каждый участник может быть вовлечен во множество асинхронных контактов одновременно. Для отправителя важна репутация, при этом ошибки могут быть замечены массой людей, что может подорвать его социальный статус. В результате онлайн-общение может ощущаться более показным, неискренним и демонстративным, чем очные беседы.

4. «Офлайн»-взаимодействие обычно происходит в рамках устоявшихся сообществ с четкими правилами и высокими стандартами, что мотивирует людей активно инвестировать в отношения и разрешать конфликты. Однако во многих виртуальных сетях пользователи могут легко заблокировать других или покинуть их, если что-то не устраивает. В результате отношения внутри таких сетей часто становятся более поверхностными и менее устойчивыми.

Для успешного выполнения почти всех важных, творческих или ценных дел необходимо постоянное внимание. Однако молодым людям сложно сосредоточиться из-за постоянных уведомлений, которые отвлекают их внимание на мелочи и предлагают быстрое удовольствие через цифровое взаимодействие без больших усилий.

Социальные сети привлекают студентов из-за сетевых эффектов. Согласно исследованию Л. Бурштына, большинство молодых людей хотели бы, чтобы на платформах не было никого, и предпочли бы жить в мире без соцсетей. Социологи именуют данный феномен «проблемой коллективных действий». Социальные сети эксплуатируют проблемы коллективных действий. Первые разработчики приложений использовали психологические слабости и неуверенность молодых людей, чтобы заставить их потреблять продукт, который многие хотели бы использовать меньше или вообще не использовать [Bursztyn L. et al., 2023; Haidt J. et al., 2024].

Стоит отметить, что различные группы поколения Z могут быть вполне успешными и большинство подростков не становятся зависимыми от своих гаджетов. Однако, слабое пси-

хические здоровье и отставание по ряду важных показателей от предыдущих поколений является достаточно явным. Более выраженная тревожность и депрессивность, снижение потребности и способности к созданию семей, карьерному росту и формированию отношений по сравнению с предыдущими поколениями, являются показательными тенденциями, которые могут иметь серьезные социологические и экономические последствия для общества в целом.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и их интеграции в повседневную жизнь современного общества актуализируется необходимость разработки эффективных стратегий по снижению негативного влияния цифровых сред на психическое здоровье молодых людей. Для достижения данной цели рекомендуется рассмотреть следующие подходы:

1. Образование и осведомленность. Важно обеспечить молодежь информацией о потенциальных рисках и последствиях чрезмерного использования цифровых технологий. Внедрение программ просвещения в учебных заведениях, ориентированных на развитие критического мышления и медиаграмотности, может способствовать формированию здорового отношения к цифровым ресурсам.

2. Формирование сбалансированного распорядка дня. Рекомендуется разработать для молодых людей рекомендации по установлению предельно допустимого времени, проведенного за экранами различных устройств. Оптимальное распределение времени между онлайн- и офлайн-деятельностью может уменьшить уровень зависимости от цифровых технологий.

3. Поддержка активного образа жизни. Привлечение молодежи к активным видам отдыха, включая спортивные мероприятия и культурные активности, может стать эффективным способом минимизации негативного воздействия цифровых технологий. Физическая активность способствует улучшению психического состояния и укреплению социальных связей.

4. Развитие навыков эмоциональной саморегуляции. Включение в образовательные программы курсов по психоэмоциональному развитию, медитации и практикам внимательности (майндфулнес) поможет молодым людям более эффективно справляться с негативными эмоциональными состояниями, вызванными длительным использованием цифровых технологий.

5. Создание безопасных онлайн-пространств. Заинтересованные стороны — образовательные учреждения, родители и организации — должны активно участвовать в создании онлайн-сообществ, которые поддерживают позитивное взаимодействие и предостерегают от кибербуллинга. Безопасные онлайн-пространства снижают риск негативного влияния на психическое здоровье. Создание информационных ресурсов и платформ для профилактики и помощи в решении проблем, связанных с цифровой средой: разработка специальных веб-сайтов, приложений и других ресурсов, предоставляющих информацию о рисках цифровой среды, методах самопомощи и контактах специалистов.

6. Стимулирование критического восприятия медиаконтента. Воспитание молодежи в духе критического анализа информации, получаемой из цифровых источников, позволит снизить их уязвимость к манипуляциям, дезинформации и формированию искаженного восприятия реальности.

7. Установление границ и демонстрация примера. Родители и наставники могут сыграть ключевую роль, устанавливая пример здорового использования технологий. Применение технологий в умеренном режиме и открытое обсуждение проблем, связанных с их чрезмерным использованием, поможет сформировать у молодежи адекватное представление о значении цифровых сред в жизни.

8. Развитие медиаграмотности. Необходим целенаправленный процесс обучения молодых людей критически анализировать информацию, распознавать манипуляции и дезинформацию, а также оценивать достоверность источников.

9. Формирование здоровых цифровых привычек. Важно поощрять умеренное использование цифровых устройств, устанавливать четкие границы между реальной и виртуальной жизнью, а также внедрять практику цифрового детокса.

10. Создание благоприятной среды в семье и школе: родители и педагоги должны создавать атмосферу открытого и доверительного общения с детьми, обеспечивать доступ к ресурсам поддержки и помощи в случае проблем, связанных с цифровой средой.

11. Пропаганда здорового образа жизни. Уделять внимание физической активности,

правильному питанию и достаточному сну, что способствует укреплению психического здоровья и повышению устойчивости к стрессам, связанным с цифровой средой.

12. Развитие альтернативных форм отдыха и досуга. Поощрять творческую деятельность, хобби, общение в реальном мире, что помогает сбалансировать влияние цифровой среды и укрепить социальные связи.

13. Разработка механизмов профилактики кибербуллинга и других форм онлайн-агрессии. Необходимо проводить информационно-просветительские кампании, создавать специальные службы поддержки жертв кибербуллинга, а также усиливать правовые механизмы защиты от онлайн-агрессии.

14. Постоянные мониторинг и исследование влияния цифровой среды на психику молодых людей. Необходимо проводить систематический анализ новых технологий, оценивать их воздействие на психическое здоровье молодежи и разрабатывать новые стратегии по снижению рисков.

Следуя указанным рекомендациям, можно сформировать благоприятную среду для здорового и сознательного использования цифровых технологий современными молодыми людьми, что снизит риск негативного влияния на их психику и позволит им реализовать свой потенциал в современном цифровом мире.

Внедрение приведенных рекомендаций требует совместных усилий со стороны семьи, образовательных учреждений, государственных органов и общества в целом для создания благоприятного социального контекста, способствующего гармоничному развитию молодежи в условиях цифровой эпохи. Полное осознание и принятие этих мер помогут снизить риск формирования зависимости и других психических расстройств, связанных с избыточным воздействием цифровых технологий.

Заключение

Неограниченный доступ к интернету привел к изменениям в повседневном опыте и путях развития во всех сферах жизни. Отношения, свидания, сексуальность, физическая активность, сон, образование, политика, семейные связи, идентичность — все эти сферы претерпели фундаментальные изменения. Жизнедеятельность молодых людей также претерпела особо быстрые и

существенные изменения, когда они начали иметь доступ к смартфонам своих родителей и позже сами получили собственные гаджеты уже на начальной ступени обучения.

Важно отметить, что цифровые технологии не являются единственной причиной гигантского роста психических заболеваний, который наблюдался в последнее десятилетие. Вместо того, чтобы считать виноватыми исключительно технологии, необходимо отметить сложность интеракций между различными факторами, включая культурные изменения, экономические трудности и сдвиги в общественной психологии. В данной работе одной из задач является понимание того, какие стратегии могут помочь минимизировать негативное воздействие технологий на наше эмоциональное состояние.

Проведенное исследование позволило выявить значительное влияние цифровой среды на психику современных молодых людей. Результаты показывают, что постоянное пребывание в цифровом пространстве связано с повышенной тревожностью, снижением уровня концентрации внимания, а также с формированием зависимости от интернета.

Анализ данных в нашем исследовании подтверждает существование корреляции между частотой использования цифровых устройств, длительностью проведения времени в онлайн-среде и уровнем психического дистресса у молодых людей. Особую опасность представляет кибербуллинг, который может привести к серьезным психологическим травмам и социальной изоляции.

В то же время в рамках исследования выявлены факторы, способствующие формированию здоровых отношений с цифровыми технологиями. Ключевыми из них являются: осознанное использование цифровых устройств, установка четких границ между реальной и виртуальной жизнью, развитие медиаграмотности, а также забота о собственном физическом и психическом здоровье.

В рамках настоящего исследования, согласно поставленным задачам, удалось исследовать научные предпосылки проблемы влияния цифровизации на психическое здоровье молодежи, а также выделить основные свойства сетевой коммуникации в психологии, определив их критерии в заданных возрастных выборках.

Полученные результаты подчеркивают необходимость проведения целенаправленной работы по формированию цифровой культуры у молодого поколения, включая развитие медиаграмотности, пропаганду здорового образа жизни и предоставление информации о рисках, связанных с неконтролируемым использованием цифровых технологий.

Список литературы

- Белинская Е.П. Совладание с трудностями в эпоху новых информационных технологий: возможности и ограничения // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 38. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/577> (дата обращения: 01.10.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v7i38.577>
- Белинская Е.П. Человек в информационном мире // Социальная психология в современном мире: сб. ст. / под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 203–220.
- Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
- Войскунский А.Е., Солдатова Г.У. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 3. С. 22–43. DOI: <https://doi.org/10.17759/crp.2019270303>
- Жичкина А.Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста: дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 199 с.
- Жичкина А.Е. Особенности социальной перцепции в Интернете // Мир психологии. 1999. № 3. С. 72–80.
- Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека: учеб.-метод. пособие. М.: Акрополь, 2015. 115 с.
- Bursztyn L., Handel B.R., Jimenez R., Roth Ch. When Product Markets Become Collective Traps: The Case of Social Media / National Bureau of Economic Research. 2023. URL: <https://www.nber.org/papers/w31771> (accessed: 01.10.2024). DOI: <https://doi.org/10.3386/w31771>
- CDC Suicide Rates (USA): Teens (10–14). URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1-LHLFtEYZ3yG2qml2R2qDjmfO4nJ1xfv2JfDFq5L3E/edit#gid=0> (accessed: 01.10.2024).
- Haidt J. The Anxious Generation: How the Great Rewiring of Childhood Is Causing an Epidemic of Mental Illness. N.Y.: Penguin Press, 2024. 400 p.
- Haidt J. The Teen Mental Illness Epidemic Began Around 2012 / After Babel. 2023. Feb. 8. URL: <https://www.afterbabel.com/p/the-teen-mental-illness-epidemic> (accessed: 01.10.2024).
- Haidt J., Rausch Z. Digital Media Effects on Adolescents: A Review. 2022. Unpublished manuscript (ongoing). URL: <https://docs.google.com/document/d/1a8FdVAfbgLhpMgkIFGnGSDPv85BSpsksyEOlkS1e1ac/edit> (accessed: 01.10.2024).
- Haidt J., Rausch Z., Twenge J. Social media and mental health: A collaborative review. 2024. Unpublished manuscript (ongoing). URL: <https://docs.google.com/document/d/1w-HOfseF2wF9YIpXwUUtP65-olnkPyWcgF5BiAtBEy0/edit> (accessed: 01.10.2024).
- Haidt J., Rausch Z. The Teen Mental Illness Epidemic is International. Part 2: The Nordic Nations / After Babel. 2023. Apr. 19. URL: <https://www.afterbabel.com/p/international-mental-illness-part-two> (accessed: 01.10.2024).
- Madden M., Lenhart A., Duggan M., Cortesi S., Gasser U. Main Findings / Pew Research Centre. 2013. Mar. 13. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2013/03/13/main-findings-5/> (accessed: 01.10.2024).
- Math Scores Have Dropped Nationwide. Mathnasium Gets Results / Mathnasium. The Math Learning Center. 2022. Nov. 10. URL: <https://www.mathnasium.com/blog/math-scores-have-dropped-nationwide-mathnasium-gets-results> (accessed: 01.10.2024).
- Mervosh S., Wu A. Math Scores Fell in Nearly Every State, and Reading Dipped on National Exam // The New York Times. 2022. Oct. 24. URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/24/us/math-reading-scores-pandemic.html?ysclid=m4p23rvnhy74021840> (accessed: 01.10.2024).
- Monitoring the Future (MTF) Public-Use Cross-Sectional Datasets / National Addiction & HIV Data Archive Programm. URL: <https://www.icpsr.umich.edu/web/NAHDAP/series/35/variables> (accessed: 01.10.2024).
- MTF – Loneliness, Friendship, Meaninglessness, Suicide. URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1kvIPnbYrYrmQGued48gACSYXFYfzCfMkdCpkmHKAw/edit#gid=0> (accessed: 01.10.2024).
- Rausch Z., Haidt J. Solving the Social Dilemma: Many Paths to Social Media Reform / After Babel. 2023. Nov. 28. URL: <https://www.afterbabel.com/p/solving-the-social-dilemma> (accessed: 01.10.2024).
- Rausch Z., Haidt J. Suicide Rates Are up for Gen Z Across the Anglosphere, Especially for Girls / After Babel. 2023. Oct. 30. URL:

<https://www.afterbabel.com/p/anglo-teen-suicide> (accessed: 01.10.2024).

Rausch Z., Haidt J. The Teen Mental Health Crisis is International. Part 1: The Anglosphere / After Babel. 2023. Mar. 29. URL:

<https://www.afterbabel.com/p/international-mental-illness-part-one> (accessed: 01.10.2024).

Rausch Z., Potrebny T., Haidt J. The Youth Mental Health Crisis is International. Part 4: Europe / After Babel. 2024. Jan. 30. URL:

<https://www.afterbabel.com/p/international-crisis-europe> (accessed: 01.10.2024).

U.S. Suicides Reached Record High Last Year / The Burning Platform. 2023. Nov. 29. URL: <https://www.theburningplatform.com/2023/11/29/u-s-suicides-reached-record-high-last-year/> (accessed: 01.10.2024).

References

Belinskaya, E.P. (2002). [Person in the information world]. *Sotsial'naya psikhologiya v sovremennoy mire: sb. st., pod red. G.M. Andreyevoy, A.I. Dontsova* [G.M. Andreeva, A.I. Dontsov (eds.) Social Psychology in the Modern World: collection of articles]. Moscow: Aspekt Press, pp. 203–220.

Belinskaya, E.P. (2014). [Coping with difficulties in the era of new information technologies: possibilities and limitations]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 7, no. 38. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/577> (accessed 01.10.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v7i38.577>

Bursztyn, L., Handel, B.R., Jimenez, R. and Roth, Ch. (2023). *When product markets become collective traps: the case of social media*. National Bureau of Economic Research. Available at: <https://www.nber.org/papers/w31771> (accessed 01.10.2024). DOI: <https://doi.org/10.3386/w31771>

CDC Suicide statistics (USA): *Teens (10–14)*. Available at: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1-LHLFtEYZ3yG2qml2R2qDjmfO4nJ1xfv2JfDFq5L3E/edit#gid=0> (accessed 01.10.2024).

Haidt, J. (2023). *The teen mental illness epidemic began around 2012*. After Babel. Feb. 8. Available at: <https://www.afterbabel.com/p/the-teen-mental-illness-epidemic> (accessed 01.10.2024).

Haidt, J. (2024). *The anxious generation: How the great rewiring of childhood is causing an epidemic of mental illness*. New York: Penguin Press, 400 p.

Haidt, J. and Rausch, Z. (2022). *Digital Media Effects on Adolescents: A Review*. Unpublished manuscript (ongoing). Available at:

<https://docs.google.com/document/d/1a8FdVAfbgLhpMgkIFGnGSDPv85BSpsksyEOLkSIe1ac/edit> (accessed 01.10.2024).

Haidt, J. and Rausch, Z. (2023). *The teen mental illness epidemic is international. Part 2: The Nordic nations*. After Babel. Apr. 19. Available at: <https://www.afterbabel.com/p/international-mental-illness-part-two> (accessed 01.10.2024).

Haidt, J., Rausch, Z. and Twenge, J. (2024). *Social media and mental health: A collaborative review*. Unpublished manuscript (ongoing). Available at: <https://docs.google.com/document/d/1w-HOfseF2wF9YIpXwUUtP65-olnkPyWcgF5BiAtBEy0/edit> (accessed 01.10.2024).

Madden, M., Lenhart, A., Duggan, M., Cortesi, S. and Gasser, U. (2013). *Main findings*. Pew Research Center. Mar. 13. Available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2013/03/13/main-findings-5/> (accessed 01.10.2024).

Math scores have dropped nationwide. Mathnasium gets results (2022). Mathnasium. The Math Learning Center. Nov. 10. Available at: <https://www.mathnasium.com/blog/math-scores-have-dropped-nationwide-mathnasium-gets-results> (accessed 01.10.2024).

Mervosh, S. and Wu, A. (2022). Math Scores Fell in Nearly Every State, and Reading Dipped on National Exam. *The New York Times*. Oct. 24. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/10/24/us/math-reading-scores-pandemic.html?ysclid=m4p23rvnhy74021840> (accessed 01.10.2024).

Monitoring the future (MTF) Public-use cross-sectional datasets. National Addiction & HIV Data Archive Program. Available at: <https://www.icpsr.umich.edu/web/NAHDAP/series/35/variables> (accessed 01.10.2024).

MTF – loneliness, friendship, meaninglessness, suicide. Available at: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1kvIPnbYrYrymQGued48gACSYXFYfzCfMkdCpkmHKAw/edit#gid=0> (accessed 01.10.2024).

Rasskazova, E.I., Emelin, V.A. and Tkhostov, A.Sh. (2015). *Diagnostika psikhologicheskikh posledstviy vliyaniya informatsionnykh tekhnologiy na cheloveka* [Diagnostics of psychological consequences of the influence of information technologies on a person]. Moscow: Akropol Publ., 115 p.

Rausch, Z. and Haidt, J. (2023). *Solving the Social Dilemma: Many Paths to Social Media Reform*. After Babel. Nov. 28. URL: <https://www.afterbabel.com/p/solving-the-social-dilemma> (accessed 01.10.2024).

Rausch, Z. and Haidt, J. (2023). *Suicide rates are up for gen Z across the anglosphere*. After Babel. Oct. 30. Available at: <https://www.afterbabel.com/p/anglo-teen-suicide> (accessed 01.10.2024).

Rausch, Z. and Haidt, J. (2023). *The teen mental health crisis is international. Part 1: The anglosphere*. After Babel. Mar. 29. Available at: <https://www.afterbabel.com/p/international-mental-illness-part-one> (accessed 01.10.2024).

Rausch, Z., Potrebny, T. and Haidt, J. (2024). *The youth mental health crisis is international. Part 4: Europe*. After Babel. Jan. 30. Available at: <https://www.afterbabel.com/p/international-crisis-europe> (accessed 01.10.2024).

U.S. suicides reached record high last year (2023). The Burning Platform. Nov. 29. Available at: <https://www.theburningplatform.com/2023/11/29/u-s-suicides-reached-record-high-last-year/> (accessed 01.10.2024).

Voyskunskiy, A.E. (2010). *Psikhologiya i Internet* [Psychology and the Internet]. Moscow: Akropol' Publ., 439 p.

Voyskunskiy, A.E. and Soldatova, G.U. (2019). [Epidemic of loneliness in a digital society: Hikikomori as a cultural and psychological phenomenon]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. Vol. 27, no. 3, pp. 22–43. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270303>

Zhichkina, A.Ye. (1999). [Features of social perception on the Internet]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology]. No. 3, pp. 72–80.

Zhichkina, A.Ye. (2001). *Vzaimosvyaz' identichnosti i povedeniya v Internetе pol'zovateley yunosheskogo vozrasta: dis. ... kand. psikhol. nauk* [The relationship between identity and behavior on the Internet of adolescent users: dissertation]. Moscow, 199 p.

Об авторах

Джюра Георгий Сергеевич

кандидата экономических наук,
медицинский психолог

Донецкий республиканский
протезно-ортопедический центр,
283048, Донецкая Народная Республика, Донецк,
пр. Освобождения Донбасса, 11А;
e-mail: dzhura_egor95@mail.ru

Иванченко Виктор Яковлевич

кандидата экономических наук,
доцент кафедры философии

Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. Михаила Туган-Барановского,
283050, Донецкая Народная Республика, Донецк,
ул. Щорса, 31;
e-mail: ivanchenkoviktor371@gmail.com

About the authors

Georgy S. Dzhura

Candidate of Economic Sciences,
Medical Psychologist

Donetsk Republican Prosthetic and Orthopedic Center,
11A, Osvobozhdeniya Donbassa av., Donetsk,
Donetsk People's Republic, 283048, Russia;
e-mail: dzhura_egor95@mail.ru

Victor Ya. Ivanchenko

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Michael Tugan-Baranovsky,
31, Shchors st., Donetsk, Donetsk People's Republic,
283050, Russia;
e-mail: ivanchenkoviktor371@gmail.com

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-556-567>

EDN: ZORCDI

Поступила: 19.07.2024

Принята: 12.10.2024

Опубликована: 27.12.2024

СВЯЗЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТРЕВОГИ И НАРУШЕНИЙ ВНИМАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Мерзляков Дмитрий Евгеньевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В статье представлен обзор исследований, посвященных влиянию медиаконтента на адаптационный потенциал личности. Рассматривается связь между уровнем тревожности и нарушениями внимания у человека в условиях цифровой реальности. Воздействие медиаконтента анализируется через такие механизмы, как медиамультизадачность и зависимость от медиаконтента. В ходе анализа литературы выявлены две закономерности. Первая: потребление медиаконтента связано с переживанием тревоги, которая формирует избирательность внимания к стимулам: человек избегает информации, вызывающей тревогу. Из-за избирательности человек чаще обращается к материалу, который является субъективно одобряемым, игнорируя негативные материалы, в том числе новостные повестки, что снижает уровень его осведомленности. Вторая: человек стремится включать одобряемый материал в повседневные дела, например, совмещать рабочие процессы с просмотром видео, что снижает устойчивость внимания из-за постоянного переключения между разными источниками информации. В результате этого человек чаще смещает внимание на негативную информацию, что усиливает его тревогу. Таким образом, бесконтрольное потребление медиаконтента негативно влияет на психическое здоровье человека и в долгосрочной перспективе приводит к появлению симптомов синдрома дефицита внимания и гиперактивности, а также развитию тревожных расстройств. Поэтому автор подчеркивает важность развития осознанности и управления медиапотреблением для сохранения психического здоровья и повышения адаптационного потенциала личности.

Ключевые слова: тревога, тревожность, тревожное расстройство, внимание, нарушения внимания, СДВГ, адаптационный потенциал личности, зависимость от медиаконтента, медиамультизадачность.

Для цитирования:

Мерзляков Д.Е. Связь переживания тревоги и нарушений внимания в цифровую эпоху: обзор исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 556–567.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-556-567>. EDN: ZORCDI

THE RELATIONSHIP BETWEEN ANXIETY EXPERIENCES AND ATTENTION DISORDERS IN THE DIGITAL AGE: A REVIEW OF RESEARCH

Dmitry E. Merzlyakov

Perm State University (Perm)

The article presents a review of studies on the impact of media content on an individual's adaptive potential. It examines the relationship between anxiety levels and attention disorders in the context of digital reality. The influence of media content is analyzed through mechanisms such as media multitasking and media dependency. The literature analysis has revealed two patterns. First: media content consumption is linked to the experience of anxiety, which shapes selective attention to stimuli — individuals avoid information causing their anxiety. Due to this selectivity, individuals increasingly turn to subjectively approved content, ignoring negative materials, including news, which reduces their awareness. Second: individuals tend to incorporate approved content into their daily activities, for example, through combining work processes with watching videos. This reduces attention stability due to constant switching between different information sources. As a result, individuals shift their attention to negative information more often, which increases their anxiety. Thus, uncontrolled media consumption negatively affects an individual's mental health and, in the long term, leads to symptoms of attention deficit hyperactivity disorder and the development of anxiety disorders. Therefore, the author emphasizes the importance of awareness and management of media consumption for maintaining mental health and enhancing an individual's adaptive potential.

Keywords: anxiety, anxiety disorder, attention, attention disorders, ADHD, adaptive capacity of personality, media content dependency, media multitasking.

To cite:

Merzlyakov D.E. [The relationship between anxiety experiences and attention disorders in the digital age: a review of research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 556–567 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-556-567>, EDN: ZORCDI

Введение

Исследование влияния медиаконтента на переживание тревоги и внимания обретает значимость в условиях повышенной информационной нагрузки и потока новостных сообщений, которые своим содержанием могут привести к стрессу и тревоге. Такой эффект медиасреды находит отражение в росте числа поставленных диагнозов тревожных расстройств. Распространенность повышенной тревожности в России составляет 46,3%, а клинический уровень тревоги достигает 18,1 % [Шальнова С.А. и др., 2014]. Часто тревожные расстройства являются сопутствующими заболеваниями при синдроме дефицита внимания и гиперактивности (далее — СДВГ). Расстройства внимания наблюдаются у 5–10 %

населения [Gair Sh.L. et al., 2021]. Из них 50 % имеют одно или несколько коморбидных тревожных расстройств [Meer D. van der et al., 2018]. Одной из причин такой статистики является переизбыток информации и присутствие стрессовых стимулов в медиасреде.

Все чаще в центре внимания психологов-исследователей находятся зависимость от медиаконтента и медиамультизадачность, которые являются особым видом поведения, сформированным в условиях доступности цифровых технологий. Эти явления мы можем рассматривать, с одной стороны, как приспособительные механизмы, позволяющие адаптироваться к стрессорам в реальной и цифровой средах, с другой стороны, они способствуют возникновению тревоги и нарушений внимания. Следо-

вательно, важным становится следующее: установление связи между ростом числа тревожных диагнозов и медиа; идентификация конкретных механизмов и аспектов медиасреды, оказывающих воздействие на переживание тревоги и нарушений внимания; разработка эффективных стратегий для управления воздействием медиасреды на психическое здоровье человека.

Цель обзора — изучить и систематизировать существующие исследования, посвященные изучению связи между переживанием тревоги и нарушениями внимания в условиях цифровой среды. Мы анализируем связи между этими двумя явлениями в рамках адаптационного потенциала личности.

Методологические основы исследования

В нашем исследовании адаптационный потенциал личности рассматривается через призму способности человека изменять свое поведение в ответ на требования ситуаций. Этот процесс подразумевает функциональную гибкость в зависимости от ситуации, что способствует успешной деятельности [Irwing P. et al., 2023]. Однако адаптационный потенциал личности включает не только способность реагировать на текущие обстоятельства, но и возможность создавать новые формы поведения в ответ на изменяющиеся условия. Следовательно, адаптационный потенциал личности рассматривается как ресурс для формирования новых, альтернативных состояний и функций, что связано с процессуальной природой личности, которая отражает ориентацию психики на будущее и возможность к изменениям [Kostromina S.N., Grishina N.V., 2023]. Описывая влияние цифровых технологий на адаптационный потенциал личности, мы исходим из убеждения, что цифровизация общества приводит к фундаментальным преобразованиям, в том числе в развитии человека. Цифровые технологии предоставляют доступ к новым ресурсам и открывают возможности для улучшения качества жизни. Технологии не влияют напрямую на качество жизни и являются ресурсом для создания пространства новых способов коммуникации, мотивируя изменения на индивидуальном и социальном уровнях [Fischer G. et al., 2023].

Тревогу в цифровую эпоху можно рассматривать как ответ на аверсивные стимулы, ин-

формационные перегрузки и изменяющиеся условия в обществе. При этом связь между тревожностью и адаптационным потенциалом личности заключается в том, что именно недостаточная адаптивная регуляция в ответ на воздействие среды может привести к тревожным состояниям [Beck A.T., Clark D.A., 1997]. Расстройства внимания в связи с адаптационным потенциалом личности возникают тогда, когда нарушается процесс произвольной регуляции внимания и личность не может адекватно адаптироваться к требованиям среды [Oberauer K., 2019]. В условиях цифровизации с ее огромным потоком информации и большим разнообразием стимулов человек подвергается перегрузке. Ситуация требует от человека высокой концентрации внимания и способности к фильтрации информации, что приводит к когнитивному дефициту и неспособности к произвольному вниманию. В результате у человека могут проявляться признаки СДВГ [Ra Ch.K. et al., 2018]. Следовательно, тревога и расстройство внимания проявляются как индикаторы истощения адаптационного потенциала личности, что проявляется в расхождении требований среды и возможностей внутренней саморегуляции личности, что приводит к нарушениям внимания и повышению уровня тревожности.

Связь тревоги и внимания

С эволюционной точки зрения тревога и внимание являются психическими явлениями, которые повышают адаптационный потенциал личности в ситуации стресса. Тревога выступает как сигнал о надвигающейся опасности для человека [Beck A.T., Clark D.A., 1997], а внимание — как сквозной процесс, который позволяет человеку сосредоточиться на потенциальной опасности [Oberauer K., 2019] и поиске условий безопасности. Переживание тревоги сопровождается запуском наиболее подходящих для выживания поведенческих реакций: бежать, заметить или сражаться [Schmidt N.B. et al., 2008]. Эти реакции способствуют выживанию человека, и когда человек оказывается в безопасности, интенсивность тревоги снижается. Поэтому значение тревоги и внимания для человека заключается в предупреждении о потенциальной угрозе, которая может навредить его психическому или физическому здоровью [Rnic K. et al., 2016].

Внимание в переживании тревоги выполняет направляющую функцию и участвует в процессе отбора информации, подлежащей приоритетной обработке [Oberauer K., 2019]. Вместе с тем тревога не оказывает влияние на эффективность контроля внимания, а лишь на его результативность [Shi R. et al., 2019] за счет смещения в сторону предвзятой когнитивной обработки информации [Wauthia E., Rossignol M., 2016]. Эту связь можно представить через модель внимания, описанную в работе White L.K. et al. (2009), в следующем виде: система оповещения активируется непроизвольно для подготовки к обработке угрожающих стимулов. В дальнейшем человек произвольно фокусирует внимание на конкретном стимуле и происходит обработка информации и планирование последующих действий [White L.K. et al., 2009]. Свойства внимания, отвечающие за регуляцию внимания и впоследствии снижение интенсивности переживания тревоги, — переключение и концентрация. Taylor Ch.T. et al. (2016) при исследовании связи тревоги со свойствами внимания обнаружили отрицательные связи социальной тревоги с переключением внимания (-0.35 , $p < 0.01$) и концентрацией внимания (-0.37 , $p < 0.01$) [Taylor Ch.T. et al., 2016]. Другими словами, чем лучше человек может концентрировать свое внимание и произвольно переключать его, тем менее интенсивно переживание тревоги. В связи с этим развитие свойств внимания может являться одной из целей терапии тревоги.

Неспособность управлять вниманием и концентрация внимания на угрожающем стимуле приводят к истощению ресурсов человека, в дальнейшем — к когнитивному дефициту, когда снижаются скорость обработки информации, способность к переключению между задачами и т.д. [Goodwin H. et al., 2017]. Когнитивный дефицит — один из симптомов СДВГ и предиктор развития тревожных расстройств. Следовательно, СДВГ предшествует тревожным расстройствам и способствует их развитию [Biederman J. et al., 1991; Roberts C. et al., 2023] за счет повышения чувствительности к угрозам и склонности к постоянному сканированию окружающей среды в поиске информации, связанной с угрозой [Najmi S. et al., 2012; White L.K. et al., 2009]. Медиасреда может выступать как поддерживающий фактор для обо-

их расстройств из-за своих особенностей: неограниченный доступ к неverified информации; распространение новостных сообщений, которые могут быть связаны с потенциальными угрозами для человека и т.д. [Chen R. et al., 2023]. Приведенные особенности могут оказывать негативное влияние на психику человека и способствовать возникновению и поддержанию психических нарушений, что снижает адаптивные возможности человека.

Зависимость от медиаконтента

Одной из тенденций цифровизации является зависимость от медиаконтента. Qin Y. et al. (2022) выделяют в качестве основных факторов для развития медиазависимости «удовольствие», «концентрация внимания» и «искажение времени», которые представляют собой ключевые компоненты состояния потока, в котором находится человек при просмотре контента. В состоянии потока человек концентрирует внимание на приятных стимулах и теряет контроль над временем [Qin Y. et al., 2022]. Платформы с медиаконтентом обеспечивают мгновенный доступ к стимулам и дают быструю обратную связь на запрос пользователя. Повсеместное использование медиа приводит к привыканию к нему и нарушению контроля за внутренними импульсами и терпением человека. В исследовании Ra Ch.K. et al. (2018) обнаружено, что в течение 2-х лет у подростков 15–16 лет при высокой частоте просмотра медиаконтента появились симптомы СДВГ [Ra Ch.K. et al., 2018]. Подобные результаты имеют важное значение, поскольку современные медиа отличаются от традиционных СМИ и представляют уникальные возможности человеку для социальной активности и общения, что впоследствии приводит к развитию поведенческих паттернов, свойственных нарушениям внимания.

Наряду с зависимостью от медиаконтента формируется избирательность внимания к стимулам. Человек относится к информации с точки зрения одобрения или неодобрения контента [Liao Ch.-H., 2023]. Информация, которая вызывает неодобрение, связана с потенциальной угрозой для человека, и он стремится избежать контакта с таким контентом [Barry T.J. et al., 2015]. Причиной избегания является негативное содержание информации, приводящей к переживанию тревоги. В дальнейшем ожидание

тревоги приводит к избеганию контента и закрепляется стратегия избегания дискомфорта [Toff B., Nielsen R.K., 2022]. Избегание усиливает зависимость и способствует нахождению в состоянии потока.

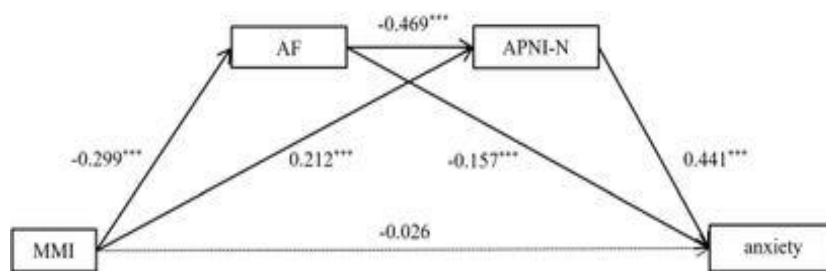
Привлекательным медиаконтентом являются видеоролики от второго лица [Cheng Z., Li Y., 2024]. Происходит модулирование «реальной» коммуникации с человеком, что пользователем рассматривается как более безопасное общение [Zhu J.J. et al., 2024]. Такая коммуникация компенсирует недостаток «реального» общения [O'Day E.B., Heimberg R.G., 2021], но является поддерживающим фактором для тревожного расстройства и может снизить эффективность его терапии, т.к. человек чаще проводит время при просмотре контента, чем общается с окружающими людьми. Однако медиаконтент может способствовать развитию коммуникативных способностей человека через наблюдение за поведением людей на видео, что в перспективе снижает интенсивность социальной тревоги и дает человеку большую дисперсию поведенческих стратегий в ситуации «реального» общения [Lai F. et al., 2023].

Медиамультизадачность

Зависимость от медиаконтента приводит к тому, что человек стремится включить одобряемый им контент во все сферы жизни, в том числе совмещать его с другими повседневными делами. Медиамультизадачность (перевод с англ. media multitasking, далее — ММЗ), согласно Beuckels E. et al. (2021), является поведением человека, определяемым как одновременное выполнение нескольких задач, из которых по крайней мере одна является мультимедийной задачей. Например, использование смартфона во время занятий или проверка электронной почты во время просмотра телевизора [Beuckels E. et al., 2021]. Согласно статистическим данным, в среднем дети 5–7 лет проводят около 2-х часов в день за экранами телевизора и телефонов одновременно. Подобные результаты характерны и для России. С возрастом данное количество может возрасти до 7,5 часов [Cardoso-Leite P. et al., 2021; Uncapher M.R. et al., 2017]. Вместе с тем различий в активности ММЗ по полу не были обнаружены [Cardoso-Leite P. et al., 2021].

ММЗ является причиной нарушений в когнитивных процессах: сложности в воспроизведении воспоминаний [Cardoso-Leite P. et al., 2021] и когнитивном контроле при выполнении задач [Ophir E. et al., 2009]. Внимание обеспечивает переключение человека между разными задачами. В исследовании Rioja K. et al. (2023) обнаружена отрицательная связь между ММЗ и устойчивостью внимания [Rioja K. et al., 2023], что свидетельствует о том, что людям, работающим в режиме многозадачности, сложнее контролировать и поддерживать свое внимание на выполняемой задаче, что может снизить производительность человека [Lopez J.J., Orr J.M., 2022], тем самым влияет на его дальнейшую успешность, понижает установку на рост и выдержку [Cardoso-Leite P. et al., 2021] из-за невозможности качественного выполнения задач и отвлечения внимания на более привлекательные для человека стимулы.

Li Sh. & Fan L. (2022) обнаружили опосредованный путь от ММЗ к переживанию тревоги через концентрацию внимания и его смещение на негативную информацию (см. рисунок) [Li Sh., Fan L., 2022], что говорит нам о том, что человек при выполнении задач скорее будет ориентироваться на угрожающие для него стимулы и задачи, нежели на безобидные. Например, студент, находясь на семинарском занятии в университете, переключает свое внимание на сообщение от руководителя о том, что на следующей неделе ему необходимо представить отчет, и не может вернуться к выполнению заданий на семинаре, испытывая тревогу из-за предстоящей подготовки и презентации отчета. Becker M.W. et al. (2013) обнаружили регрессионную связь между ММЗ и тревогой. Авторы выявили, что повышенная ММЗ связана с выраженными симптомами социальной тревоги и может предсказывать развитие нарушений внимания [Becker M.W. et al., 2013]. Другими словами, растущая тенденция ММЗ представляет собой фактор риска возникновения проблем для психического здоровья, связанных с тревожными расстройствами, за счет нарушений внимания и его концентрации на угрожающих стимулах и низкой производительностью при решении задач [Mahalingham T. et al., 2022].

Опосредованная связь ММЗ и тревоги [Li Sh., Fan L., 2022]

Intermediated connection of media multitasking and anxiety [Li S., Fan L., 2022]

Примечание: Индекс мультимедиазадачности (MMI), Концентрация внимания (AF), Смещение внимания на негативную информацию (APNI-N), Тревога (anxiety), $p < 0,001$

Note: Media multitasking index (MMI), Attention focus (AF), Attention placement on negative information (APNI-N), Anxiety, $p < 0,001$

Нарушение внимания при ММЗ может привести к проблемам с физическим здоровьем из-за предвзятости внимания, сформированной под воздействием постоянного переключения между устройствами (например, телефоном или телевизором) и задачами. Происходит расширение сферы внимания, и это может усиливать концентрацию внимания на ресурсах, необходимых для поддержания устойчивости внимания у человека. Что приводит к изменению восприятия других стимулов в окружающей среде и поддержанию концентрации внимания на нерелевантных стимулах [Lopez R.B. et al., 2019]. Так, в исследовании Brand J. et al. (2022) обнаружено, что ММЗ оказывает влияние на пищевое поведение за счет истощения ресурсов организма для поддержания устойчивости внимания к задачам и способности к фильтрованию нерелевантной информации. Что ведет к повышению внимания к пищевым сигналам и в дальнейшем — к ожирению [Brand J. et al., 2022]. Данные результаты аналогичны данным, полученным в исследовании Lopez R.B. et al. (2019), в котором подтверждена связь между ММЗ и ожирением [Lopez R.B. et al., 2019].

ММЗ приводит к ряду проблем, связанных с психическим и физическим здоровьем. Внимание является одним из основных процессов, обеспечивающих переключение между задачами и приводящих к когнитивному истощению. Поэтому рациональным решением проблем с расстройствами внимания является развитие произвольности внимания и снижения ММЗ за счет сбалансированного по времени распределения задач с включением в него распорядка просмотра медиа.

Заключение

Переживание тревоги и внимание — связанные между собой явления. Зарубежные исследования показывают, что нарушения внимания влияют на то, насколько интенсивно человек переживает тревогу: слабая концентрация внимания и переключаемость увеличивают интенсивность переживания, и наоборот, развитость свойств внимания приводит к менее интенсивному переживанию. Медиасреда, как это было показано выше, влияет на внимание и тревогу опосредованно через зависимое поведение от медиаконтента и ММЗ. Оба типа поведения связаны между собой и снижают адаптационный потенциал личности как в медиасреде, так и в жизни.

Зависимость от медиа оказывает негативное воздействие на психическое здоровье человека. Чрезмерный просмотр медиаконтента усугубляет симптомы тревоги и СДВГ. Постоянный доступ к медиапотокам усиливает чувство беспокойства из-за негативного содержания, создавая условия постоянной угрозы. В дальнейшем формируется адаптивный тип поведения — избегание негативных медиасообщений, которые приводят к переживанию тревоги. Впоследствии избегание новостей чревато слабой посвященностью человека о происходящих в мире событиях и концентрации внимания только на положительном медиаконтенте. Человек неосознанно создает иллюзию безопасной среды для себя за счет отфильтрованной информации и выбора приемлемого материала для просмотра. ММЗ также представляет собой избегающее поведение, но уже в повседневных

делах. Человек стремится переключаться на другие задачи с использованием цифровых устройств или просмотр медиаконтента. В результате ММЗ приводит к рассредоточению внимания и истощению ресурсов для его концентрации, в дальнейшем — тревоге.

Понимание связи между медиасредой, вниманием и тревожностью имеет важное значение для исследований в области поведения человека в цифровой среде. Зависимость от медиа и ММЗ оказывает как позитивный, так и негативный эффект на адаптационный потенциал личности. Для эффективной профилактики нарушений внимания и переживания тревоги человеку необходимо разобраться, какие мотивы и цели побуждают его обращаться к медиасреде и знакомиться с той или иной информацией. Самомониторинг позволит человеку контролировать процесс взаимодействия с контентом с учетом своего психического состояния. Сбалансированный подход к потреблению медиаконтента, который включает в себя перерывы и контроль, является полезным для поддержания психического здоровья и снижения интенсивности переживания тревоги и числа нарушений внимания.

Список литературы

- Шальнова С.А., Евстифеева С.Е., Деев А.Д., Артамонова Г.В. и др.* Распространенность тревоги и депрессии в различных регионах Российской Федерации и ее ассоциации с социально-демографическими факторами (по данным исследования ЭССЕ-РФ) // Терапевтический архив. 2014. Т. 86, № 12. С. 53–60. DOI: <https://doi.org/10.17116/terarkh2014861253-60>
- Barry T.J., Vervliet B., Hermans D.* An integrative review of attention biases and their contribution to treatment for anxiety disorders // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2015.00968/pdf> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00968>
- Beck A.T., Clark D.A.* An information processing model of anxiety: Automatic and strategic processes // *Behaviour Research and Therapy*. 1997. Vol. 35, iss. 1. P. 49–58. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0005-7967\(96\)00069-1](https://doi.org/10.1016/s0005-7967(96)00069-1)
- Becker M.W., Alzahabi R., Hopwood Ch.J.* Media multitasking is associated with symptoms of depression and social anxiety // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2013. Vol. 16, no. 2. P. 132–135. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0291>
- Beuckels E., Ye G., Hudders L., Cauberghe V.* Media Multitasking: A Bibliometric Approach and Literature Review // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.623643/pdf> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.623643>
- Biederman J., Newcorn J., Sprich S.* Comorbidity of attention deficit hyperactivity disorder with conduct, depressive, anxiety, and other disorders // *American Journal of Psychiatry*. 1991. Vol. 148, no. 5. P. 564–577. DOI: <https://doi.org/10.1176/ajp.148.5.564>
- Brand J., Carlson D., Ballarino G., Lansigan R.K., Emond J., Gilbert-Diamond D.* Attention to food cues following media multitasking is associated with cross-sectional BMI among adolescents // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.992450/pdf> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.992450>
- Cardoso-Leite P., Buchard A., Tissieres I., Musack D., Bavelier D.* Media use attention, mental health and academic performance among 8 to 12 year old children // *PLoS One*. 2021. Vol. 16, no. 11. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0259163&type=printable> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0259163>
- Chen R., Gao Ch., Xu, Y., Zou Ch., Chen J.* Social Anxiety in the Digital Age // *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*. 2023. Vol. 8. P. 242–248. DOI: <https://doi.org/10.54254/2753-7048/8/20230126>
- Cheng Z., Li Y.* Like, Comment, and Share on TikTok: Exploring the Effect of Sentiment and Second-Person View on the User Engagement with TikTok News Videos // *Social Science Computer Review*. 2024. Vol. 42, iss. 1. P. 201–223. DOI: <https://doi.org/10.1177/08944393231178603>
- Fischer G., Lundin J., Lindberg O.J.* The challenge for the digital age: making learning a part of life // *International Journal of Information and Learning Technology*. 2023. Vol. 40, iss. 1. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1108/ijilt-04-2022-0079>
- Gair Sh.L., Brown H.R., Kang S., Grabell A.S., Harvey E.A.* Early Development of Comorbidity Between Symptoms of ADHD and Anxiety // *Research in Child and Adolescent Psychopathology*. 2021. Vol. 49, iss. 3. P. 311–323. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-020-00724-6>

- Goodwin H., Yiend J., Hirsch C.R. Generalized Anxiety Disorder, worry and attention to threat: A systematic review // *Clinical Psychology Review*. 2017. Vol. 54. P. 107–122. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2017.03.006>
- Irwing P., Cook C., Hughes D.J. Toward an Index of Adaptive Personality Regulation // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2023. Jun. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/reader/10.1177/01461672231177567> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1177/01461672231177567>
- Kostromina S.N., Grishina N.V. Psychology of Changeability: Basic Principles of Description of Processual Nature of Personality // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2023. Vol. 57, iss. 2. P. 569–589. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12124-022-09730-3>
- Lai F., Wang L., Zhang J., Shan Sh., Chen J., Tian L. Relationship between Social Media Use and Social Anxiety in College Students: Mediation Effect of Communication Capacity // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20, iss. 4. URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/20/4/3657/pdf?version=1676722781> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph20043657>
- Li Sh., Fan L. Media multitasking, depression, and anxiety of college students: Serial mediating effects of attention control and negative information attentional bias // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2022.989201/pdf> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.989201>
- Liao Ch.-H. Exploring the Influence of Public Perception of Mass Media Usage and Attitudes towards Mass Media News on Altruistic Behavior // *Behavioral Sciences*. 2023. Vol. 13, iss. 8. URL: <https://www.mdpi.com/2076-328X/13/8/621/pdf?version=1690368526> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3390/bs13080621>
- Lopez J.J., Orr J.M. Effects of media multitasking frequency on a novel volitional multitasking paradigm // *PeerJ*. 2022. Vol. 10. URL: <https://peerj.com/articles/12603.pdf> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.7717/peerj.12603>
- Lopez R.B., Brand J., Gilbert-Diamond D. Media Multitasking Is Associated With Higher Body Mass Index in Pre-adolescent Children // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2019.02534/pdf> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02534>
- Mahalingham T., Howell J., Clarke P.J.F. Attention control moderates the relationship between social media use and psychological distress // *Journal of Affective Disorders*. 2022. Vol. 297. P. 536–541. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.10.071>
- Meer D. van der, Hoekstra P.J., Rooij D. van, Winkler A.M. et al. Anxiety modulates the relation between attention-deficit/hyperactivity disorder severity and working memory-related brain activity // *World Journal of Biological Psychiatry*. 2018. Vol. 19, iss. 6. P. 450–460. DOI: <https://doi.org/10.1080/15622975.2017.1287952>
- Najmi S., Kuckertz J.M., Amir N. Attentional impairment in anxiety: Inefficiency in expanding the scope of attention // *Depression and Anxiety*. 2012. Vol. 29, iss. 3. P. 243–249. DOI: <https://doi.org/10.1002/da.20900>
- O'Day E.B., Heimberg R.G. Social media use, social anxiety, and loneliness: A systematic review // *Computers in Human Behavior Reports*. 2021. Vol. 3. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S245195882100018X/pdf?md5=5cbc419ffb7b4862b0b80a0216d76e3a&pid=1-s2.0-S245195882100018X-main.pdf> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100070>
- Oberauer K. Working Memory and Attention — A Conceptual Analysis and Review // *Journal of Cognition*. 2019. Vol. 2, iss. 1. URL: <https://journalofcognition.org/articles/58/files/submission/proof/58-1-679-1-10-20190808.pdf> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.5334/joc.58>
- Ophir E., Nass C., Wagner A.D. Cognitive control in media multitaskers // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2009. Vol. 106, no. 37. P. 15583–15587. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0903620106>
- Qin Y., Omar B., Musetti A. The addiction behavior of short-form video app TikTok: The information quality and system quality perspective // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.932805/pdf> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.932805>
- Ra Ch.K., Cho J., Stone M.D., De La Cerda J. et al. Association of Digital Media Use with Subsequent Symptoms of Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder among Adolescents // *JAMA*. 2018. Vol. 320, no. 3. P. 255–263. DOI: <https://doi.org/10.1001/jama.2018.8931>

Rioja K., Cekic S., Bavelier D., Baumgartner S.E. Unravelling the link between media multitasking and attention across three samples // *Technology, Mind, and Behavior*. 2023. Vol. 4, iss. 2. URL: <https://tmb.apaopen.org/pub/tmb0000106/release/1> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1037/tmb0000106>

Rnic K., Dozois D.J.A., Martin R.A. Cognitive distortions, humor styles, and depression // *Europe's Journal of Psychology*. 2016. Vol. 12, no. 3. P. 348–362. DOI: <https://doi.org/10.5964/ejop.v12i3.1118>

Roberts C., Sahakian B.J., Chen Sh., Sallie S.N. et al. Impact and centrality of attention dysregulation on cognition, anxiety, and low mood in adolescents // *Scientific Reports*. 2023. Vol. 13. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-023-34399-y.pdf> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-34399-y>

Schmidt N.B., Richey J.A., Zvolensky M.J., Maner J.K. Exploring human freeze responses to a threat stressor // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. (2008). Vol. 39, iss. 3. P. 292–304. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2007.08.002>

Shi R., Sharpe L., Abbott M. A meta-analysis of the relationship between anxiety and attentional control // *Clinical Psychology Review*. 2019. Vol. 72. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0272735818304227?via%3Dihub> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2019.101754>

Taylor Ch.T., Cross K., Amir N. Attentional control moderates the relationship between social anxiety symptoms and attentional disengagement from threatening information // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2016. Vol. 50. P. 68–76. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2015.05.008>

Toff B., Nielsen R.K. How News Feels: Anticipated Anxiety as a Factor in News Avoidance and a Barrier to Political Engagement // *Political Communication*. 2022. Vol. 39, iss. 6. P. 697–714. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2022.2123073>

Uncapher M.R., Lin L., Rosen L.D., Kirkorian H.L. et al. Media multitasking and cognitive, psychological, neural, and learning differences // *Pediatrics*. 2017. Vol. 140, suppl. 2. P. 62–66. DOI: <https://doi.org/10.1542/peds.2016-1758d>

Wauthia E., Rossignol M. Emotional processing and attention control impairments in children with anxiety: An integrative review of event-related potentials findings // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2016.00562/pdf> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00562>

White L.K., Helfinstein S.M., Reeb-Sutherland B.C., Degnan K.A., Fox N.A. Role of attention in the regulation of fear and anxiety // *Developmental Neuroscience*. 2009. Vol. 31, iss. 4. P. 309–317. DOI: <https://doi.org/10.1159/000216542>

Zhu J.J., Ma Y., Xia G., Salle S.M., Huang H., Sannusi Sh.N. Self-perception evolution among university student TikTok users: Evidence from China // *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 14. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2023.1217014/pdf> (accessed: 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1217014>

References

Barry, T.J., Vervliet, B. and Hermans, D. (2015). An integrative review of attention biases and their contribution to treatment for anxiety disorders. *Frontiers in Psychology*. Vol. 6. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2015.00968/pdf> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00968>

Beck, A.T. and Clark, D.A. (1997). An information processing model of anxiety: Automatic and strategic processes. *Behaviour Research and Therapy*. Vol. 35, iss. 1, pp. 49–58. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0005-7967\(96\)00069-1](https://doi.org/10.1016/s0005-7967(96)00069-1)

Becker, M.W., Alzahabi, R. and Hopwood, Ch.J. (2013). Media multitasking is associated with symptoms of depression and social anxiety. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 16, no. 2, pp. 132–135. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0291>

Beuckels, E., Ye, G., Hudders, L. and Cauberghe, V. (2021). Media multitasking: a bibliometric approach and literature review. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.623643/pdf> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.623643>

Biederman, J., Newcorn, J. and Sprich, S. (1991). Comorbidity of attention deficit hyperactivity disorder with conduct, depressive, anxiety, and other disorders. *American Journal of Psychiatry*. Vol. 148, no. 5, pp. 564–577. DOI: <https://doi.org/10.1176/ajp.148.5.564>

Brand, J., Carlson, D., Ballarino, G., Lansigan, R.K., Emond, J. and Gilbert-Diamond, D.

- (2022). Attention to food cues following media multitasking is associated with cross-sectional BMI among adolescents. *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.992450/pdf> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.992450>
- Cardoso-Leite, P., Buchard, A., Tissieres, I., Mussack, D. and Bavelier, D. (2021). Media use attention, mental health and academic performance among 8 to 12 year old children. *PLoS One*. Vol. 16, no. 11. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0259163&type=printable> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0259163>
- Chen, R., Gao, Ch., Xu, Y., Zou, Ch. and Chen, J. (2023). Social anxiety in the digital age. *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*. Vol. 8, pp. 242–248. DOI: <https://doi.org/10.54254/2753-7048/8/20230126>
- Cheng, Z. and Li, Y. (2024). Like, comment, and share on TikTok: Exploring the effect of sentiment and second-person view on the user engagement with TikTok news videos. *Social Science Computer Review*. Vol. 42, iss. 1, pp. 201–223. DOI: <https://doi.org/10.1177/08944393231178603>
- Fischer, G., Lundin, J. and Lindberg, O.J. (2023). The challenge for the digital age: making learning a part of life. *International Journal of Information and Learning Technology*. Vol. 40, iss. 1, pp. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1108/ijilt-04-2022-0079>
- Gair, Sh.L., Brown, H.R., Kang, S., Grabell, A.S. and Harvey, E.A. (2021). Early development of comorbidity between symptoms of ADHD and anxiety. *Research in Child and Adolescent Psychopathology*. Vol. 49, iss. 3, pp. 311–323. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-020-00724-6>
- Goodwin, H., Yiend, J. and Hirsch, C.R. (2017). Generalized anxiety disorder, worry and attention to threat: A systematic review. *Clinical Psychology Review*. Vol. 54, pp. 107–122. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2017.03.006>
- Irwing, P., Cook, C. and Hughes, D.J. (2023). Toward an index of adaptive personality regulation. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Jun. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/reader/10.1177/01461672231177567> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1177/01461672231177567>
- Kostromina, S.N. and Grishina, N.V. (2023). Psychology of changeability: Basic principles of description of processual nature of personality. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. Vol. 57, iss. 2, pp. 569–589. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12124-022-09730-3>
- Lai, F., Wang, L., Zhang, J., Shan, Sh., Chen, J. and Tian, L. (2023). Relationship between social media use and social anxiety in college students: Mediation effect of communication capacity. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 20, iss. 4. Available at: <https://www.mdpi.com/1660-4601/20/4/3657/pdf?version=1676722781> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph20043657>
- Li, Sh. and Fan, L. (2022). Media multitasking, depression, and anxiety of college students: Serial mediating effects of attention control and negative information attentional bias. *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 13. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsyt.2022.989201/pdf> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2022.989201>
- Liao, Ch.-H. (2023). Exploring the influence of public perception of mass media usage and attitudes towards mass media news on altruistic behavior. *Behavioral Sciences*. Vol. 13, iss. 8. Available at: <https://www.mdpi.com/2076-328X/13/8/621/pdf?version=1690368526> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3390/bs13080621>
- Lopez, J.J. and Orr, J.M. (2022). Effects of media multitasking frequency on a novel volitional multitasking paradigm. *PeerJ*. Vol. 10. Available at: <https://peerj.com/articles/12603.pdf> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.7717/peerj.12603>
- Lopez, R.B., Brand, J. and Gilbert-Diamond, D. (2019). Media multitasking is associated with higher body mass index in pre-adolescent children. *Frontiers in Psychology*. Vol. 10. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2019.02534/pdf> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02534>
- Mahalingham, T., Howell, J. and Clarke, P.J.F. (2022). Attention control moderates the relationship between social media use and psychological distress. *Journal of Affective Disorders*. Vol. 297, pp. 536–541. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.10.071>
- Meer, D. van der, Hoekstra, P.J., Rooij, D. van, Winkler, A.M. et al. (2018). Anxiety modulates the relation between attention-deficit/hyperactivity disorder severity and working memory-related brain activity. *World Journal of Biological Psychiatry*. Vol. 19, iss. 6, pp. 450–460. DOI: <https://doi.org/10.1080/15622975.2017.1287952>
- Najmi, S., Kuckertz, J.M. and Amir, N. (2012). Attentional impairment in anxiety: Inefficiency in

expanding the scope of attention. *Depression and Anxiety*. Vol. 29, iss. 3, pp. 243–249. DOI: <https://doi.org/10.1002/da.20900>

O'Day, E.B. and Heimberg, R.G. (2021). Social media use, social anxiety, and loneliness: A systematic review. *Computers in Human Behavior Reports*. Vol. 3. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S245195882100018X/pdf?md5=5cbc419ffb7b4862b0b80a0216d76e3a&pid=1-s2.0-S245195882100018X-main.pdf> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100070>

Oberauer, K. (2019). Working memory and attention — a conceptual analysis and review. *Journal of Cognition*. Vol. 2, iss. 1. Available at: <https://journalofcognition.org/articles/58/files/submission/proof/58-1-679-1-10-20190808.pdf> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.5334/joc.58>

Ophir, E., Nass, C. and Wagner, A.D. (2009). Cognitive control in media multitaskers. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 106, no. 37, pp. 15583–15587. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0903620106>

Qin, Y., Omar, B. and Musetti, A. (2022). The addiction behavior of short-form video app TikTok: The information quality and system quality perspective. *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.932805/pdf> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.932805>

Ra, Ch.K., Cho, J., Stone, M.D., De La Cerda, J. et al. (2018). Association of digital media use with subsequent symptoms of attention-deficit/hyperactivity disorder among adolescents. *JAMA*. Vol. 320, no. 3, pp. 255–263. DOI: <https://doi.org/10.1001/jama.2018.8931>

Rioja, K., Cekic, S., Bavelier, D. and Baumgartner, S.E. (2023). Unravelling the link between media multitasking and attention across three samples. *Technology, Mind, and Behavior*. Vol. 4, iss. 2. Available at: <https://tmb.apaopen.org/pub/tmb0000106/release/1> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1037/tmb0000106>

Rnic, K., Dozois, D.J.A. and Martin, R.A. (2016). Cognitive distortions, humor styles, and depression. *Europe's Journal of Psychology*. Vol. 12, no. 3, pp. 348–362. DOI: <https://doi.org/10.5964/ejop.v12i3.1118>

Roberts, C., Sahakian, B.J., Chen, Sh., Sal-lie, S.N. et al. (2023). Impact and centrality of attention dysregulation on cognition, anxiety, and low

mood in adolescents. *Scientific Reports*. Vol. 13. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41598-023-34399-y.pdf> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-34399-y>

Schmidt, N.B., Richey, J.A., Zvolensky, M.J. and Maner, J.K. (2008). Exploring human freeze responses to a threat stressor. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. Vol. 39, iss. 3, pp. 292–304. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2007.08.002>

Shal'nova, S.A., Evstifeeva, S.E., Deev, A.D., Artamova, G.V. et al. (2014). [The prevalence of anxiety and depression in different regions of the Russian Federation and its association with socio-demographic factors (according to the data of the ESSE-RF study)]. *Terapevticheskiy arkhiv* [Therapeutic Archive]. Vol. 86, no. 12, pp. 53–60. DOI: <https://doi.org/10.17116/terarkh2014861253-60>

Shi, R., Sharpe, L. and Abbott, M. (2019). A meta-analysis of the relationship between anxiety and attentional control. *Clinical Psychology Review*. Vol. 72. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0272735818304227?via%3Dihub> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2019.101754>

Taylor, Ch.T., Cross, K. and Amir, N. (2016). Attentional control moderates the relationship between social anxiety symptoms and attentional disengagement from threatening information. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. Vol. 50, pp. 68–76. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2015.05.008>

Toff, B. and Nielsen, R.K. (2022). How news feels: Anticipated anxiety as a factor in news avoidance and a barrier to political engagement. *Political Communication*. Vol. 39, iss. 6, pp. 697–714. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2022.2123073>

Uncapher, M.R., Lin, L., Rosen, L.D., Kirkorian, H.L. et al. (2017). Media multitasking and cognitive, psychological, neural, and learning differences. *Pediatrics*. Vol. 140, suppl. 2, pp. 62–66. DOI: <https://doi.org/10.1542/peds.2016-1758d>

Wauthia, E. and Rossignol, M. (2016). Emotional processing and attention control impairments in children with anxiety: An integrative review of event-related potentials findings. *Frontiers in Psychology*. Vol. 7. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2016.00562/pdf> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00562>

White, L.K., Helfinstein, S.M., Reeb-Sutherland, B.C., Degnan, K.A. and Fox, N.A.

(2009). Role of attention in the regulation of fear and anxiety. *Developmental Neuroscience*. Vol. 31, iss. 4, pp. 309–317. DOI: <https://doi.org/10.1159/000216542>

Zhu, J.J., Ma, Y., Xia, G., Salle, S.M., Huang, H. and Sannusi, Sh.N. (2024). Self-perception evolu-

tion among university student TikTok users: Evidence from China. *Frontiers in Psychology*. Vol. 14. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2023.1217014/pdf> (accessed 21.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1217014>

Об авторе

Мерзляков Дмитрий Евгеньевич
старший преподаватель кафедры
общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: pedagogika-online@mail.ru
ResearcherID: KWU-7609-2024

About the author

Dmitry E. Merzlyakov
Senior Lecturer of the Department
of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: pedagogika-online@mail.ru
ResearcherID: KWU-7609-2024

УДК 159.923

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-568-581>

EDN: ZPCIZQ

Поступила: 04.06.2024

Принята: 21.10.2024

Опубликована: 27.12.2024

РАЗРАБОТКА РЕСУРСНОЙ МОДЕЛИ КОНФЛИКТА

Бородина Кира Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

В условиях одновременной глобализации и поляризации современного общества актуализируется проблема поиска причин возникающих конфликтов в сущности информационно-ресурсных обменных процессов между сторонами-участниками взаимодействия. В данной работе предпринята попытка составления такой ресурсной модели конфликта, которая позволила бы наиболее точно идентифицировать такие причины и подобрать соответствующие меры профилактики конфликтных ситуаций. В качестве основной предпосылки составления модели выступает тезис о том, что любая система стремится к сбалансированному состоянию и способна его достичь благодаря обменным операциям между различными ее элементами, а конфликтная ситуация наступает всякий раз, когда такого состояния достичь невозможно. В качестве вспомогательной предпосылки взято утверждение о достаточности двух сторон-участниц для идентификации ценности тех или иных ресурсов и стабилизации процесса взаимодействия, без необходимости в привлечении третьей стороны. Предлагаемая ресурсная модель конфликта построена на основе функциональных пар, которые включают пару взаимодействующих сторон «Личность – Мир», а также пары ключевых функций ресурсного обмена «Запрос – Инициатива» и «Принятие – Отдача». Таким образом, в рамках данной модели разобраны четыре функциональных квадранта, которые позволяют уточнить причину и специфику конфликта, описаны свойства их нормального и аномального состояний. Также рассмотрены соответствующие функциям ресурсного обмена стратегии поведения участников конфликта и выявлены причины предпочтения ими той или иной поведенческой стратегии. Кроме этого, в работе предложены меры по снижению уровня конфликтности, возникающей в результате перенапряжения и гиперфокусировки внимания на том или ином типе функционального взаимодействия в рамках ресурсной модели.

Ключевые слова: конфликт, ресурсный обмен, взаимодействие, конфронтация, поведенческие стратегии, гиперфокус.

Для цитирования:

Бородина К.А. Разработка ресурсной модели конфликта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 568–581. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-568-581>. EDN: ZPCIZQ

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-568-581>

Received: 04.06.2024

Accepted: 21.10.2024

Published: 27.12.2024

DEVELOPING A RESOURCE MODEL OF CONFLICT

Kira A. Borodina

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

In the context of simultaneous globalization and polarization of modern society, there comes to the fore the problem of searching for causes of emerging conflicts in the essence of information-resource ex-

change processes between the parties involved in interaction. In this scientific article the author proposes a resource model of conflict that would allow the most accurate identification of such causes and the selection of appropriate measures to prevent conflict situations. The model is based on the following premises. The main premise is that any system strives for a balanced state and is able to achieve it through exchange operations between its various elements, while a conflict situation occurs whenever such a state cannot be achieved. An auxiliary premise is the statement about the sufficiency of two participating parties to identify the value of certain resources and stabilize the interaction process, without the need to involve a third party. The proposed resource model of conflict is built on the basis of functional pairs, which include a pair of interacting parties «Personality – World» as well as two pairs of key functions of the resource exchange process «Request – Initiative» and «Acceptance – Giving». Accordingly, the author studied four functional quadrants in the model's frame, clarifying the cause and specifics of the conflict. Also, she described the properties of their normal and abnormal states. The study also considers the behavioral strategies of the conflict participants corresponding to the resource exchange functions and identifies the reasons behind their preference for a particular behavioral strategy. In addition, the author proposes measures to reduce the level of conflict resulting from overstrain and hyperfocus on one or another type of functional interaction.

Keywords: conflict, resource exchange, interaction, confrontation, behavioral strategies, hyperfocus.

To cite:

Borodina K.A. [Developing a resource model of conflict]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 568–581 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-568-581>, EDN: ZPCIZQ

Введение

Современный мир обладает двумя основополагающими тенденциями развития: с одной стороны, мы видим широкое распространение феномена поляризации общества на различные по своим интересам и формам социальные группы, что приводит к увеличению вероятности возникновения конфликтных ситуаций и резким колебаниям показателей конфликтности; с другой стороны, активно проявляет себя феномен всесторонней глобализации мира, находя свое выражение в ориентации на системную экологизацию жизни современного общества, интернационализацию хозяйственных отношений, обмен практиками в научно-образовательной среде, устойчивое развитие экономики и бизнеса, городов и государств, а также международных сообществ [Ополев П.В., 2021; Helbling M., Jungkunz S., 2020]. Такие тенденции формируют уникальный образ многогранного человеческого бытия, для которого в основе развития оказывается многообразие форм взаимодействия между субъектами, которые требуют внимательного урегулирования и поддержания в жизнеспособной форме.

В связи с этим, неотъемлемой частью жизни становится управление конфликтами. Более то-

го, актуализируется проблема построения такой модели конфликта, которая объясняла бы как стремление к сотрудничеству, так и стремление к конфронтации современного человека. Цель данной работы заключается в построении исчерпывающей модели возможных функциональных взаимодействий, которые могут протекать в нормальном режиме, способствуя объединению участвующих сторон для достижения взаимовыгодных результатов, или нести угрозу возникновения конфликта, требующего разработки поведенческой стратегии по стабилизации состояния участников по отдельности и их системы взаимодействия в целом.

Теоретические предпосылки построения ресурсной модели конфликта

Конфликт как комплексный многогранный феномен может быть рассмотрен с разных точек зрения в зависимости от контекста событий и интерпретирован в соответствии с индивидуальными представлениями как сторон участниц, так и внешнего наблюдателя или исследователя. Бернард Майер пишет, что «существует множество подходов к рассмотрению конфликта, и каждый из нас выбирает тот, что больше соответствует его образу мышления, чем другие», при этом важно, чтобы всякий но-

вый «подход расширял наши представления, бросал вызов нашим предположениям, а также был практичен в использовании» («We need frameworks that expand our thinking, that challenge our assumptions, and that are practical and readily usable. <...> There are many different lenses we can use to look at conflict, and each of us will find some more amenable to our own way of thinking than others») [Mayer B., 2000, p. 4].

В данный момент к числу наиболее общих моделей конфликта можно отнести структурную, динамическую и теоретико-игровую [Светлов В.А., 2001] (излагается по [Семенов В.А., 2003]), которые, хотя в разной степени затрагивают ключевые особенности конфликтного и бесконфликтного взаимодействия, тем не менее могут упускать комплексность и разнообразие существующих в социуме взаимодействий.

Так, например, структурная модель предполагает, что нормальное взаимодействие между субъектами возможно при наличии общего отношения к стороннему объекту как сугубо позитивного или строго негативного, в то время как конфликт будет проявлять себя в случае антагонистически настроенной пары субъектов. Однако при этом ситуация абсолютного единства мнений и взаимности представляется несколько недостижимой в условиях многообразия и уникальности субъективных мнений сегодня. В частности, компаниям все труднее сформировать коллектив лояльных сотрудников, которые полностью разделяли бы корпоративные ценности и ради них оставались бы в компаниях дольше; напротив, сотрудники чувствуют все больше свободы в вопросах смены места и формата работы, воспринимая целостную корпоративную культуру скорее как гигиенический фактор [Herzberg F., 2003; Шакртдинова Я.В. и др., 2020], нежели однозначно ценностное преимущество.

Динамическая модель, в свою очередь, хотя и предлагает рассматривать этапы развития и нормализации конфликта как необходимые и требующие соответствующих мер урегулирования, все же не дает сущностных критериев различия, например, разовых конфликтов от воспроизводимых на регулярной и циклической основах. Кроме того, выделение необходимых для преодоления этапов не учитывает множественность параллельно протекающих кон-

фликтных ситуаций, которые существенно затрудняют анализ и подбор методов разрешения конфликтов в целом.

Говоря о теоретико-игровой модели, трудно не заметить ключевое ограничение в ее использовании. Предполагается, что для достижения исхода игры (разрешения конфликта) игроки, участники некоторой ситуации, необходимо совершают действия независимо друг от друга с опорой на свои личные предпочтения и представления о цели, при этом при строгих правилах проигрыш одного означает выигрыш другого. Однако возможна ли такая полная независимость в действиях игроков в действительности? На практике принятие решений зачастую оказывается не столь алгоритмично безупречным, как нам бы того хотелось, и предполагает обращение внимания на множество факторов контекста, в том числе на психологические особенности субъектов, участвующих в игре, — факторы конформизма или неконформизма, эффект когнитивного диссонанса, личные сознательные и бессознательные реакции субъекта и многие другие факторы, — все они затрудняют анализ и реализацию игровой стратегии каждого из участников по отдельности, а порой приводят к фатальным ошибкам. Следовательно, недостаток теоретико-игровой модели в том, что она не учитывает то, как взаимосвязи и взаимозависимости различных субъектов приводят лишь к частично независимым решениям.

К более частным видам моделей, основанным на определенной метафоре, можно отнести следующие: модель лестницы (интересы/права/власть); модель «Треугольник удовлетворения»; модель «Круг конфликта»; модель «Динамики доверия»; модель «Закон взаимности»; модель «Склонность к неприятию потерь»; модель границ; модель социальных стилей; модель преодоления конфликта [Furlong G.T., 2020]. Подобный подход к работе с конфликтом, позволяющий сделать акцент на различных компонентах взаимодействия между людьми, привносит большую гибкость в деятельность профессионала-практика, однако системность взгляда достигается только за счет комбинации различных моделей.

В рамках данной работы будет целесообразно также обратиться к классической теории социального обмена Дж. Хоманса [Homans G.C.,

1974], поскольку зачастую именно вокруг обменных операций того или иного характера разворачиваются различные конфликты. Хоманс в своих рассуждениях делает акцент на психологии каждого отдельного участника группового взаимодействия, от которой зависит общий успех. Предполагается, что в основе поведения в целом и взаимодействия между участниками группы в частности лежат наиболее универсальные поведенческие механизмы, а именно положительное и негативное подкрепление, которое становится своеобразным обмениваемым ресурсом. В целом, учет индивидуальных особенностей восприятия вознаграждения и наказания является ключом к рассмотрению конфликта с психологической, а точнее, с бихевиоральной точки зрения. За приверженность такой точке зрения данная теория часто критиковалась: отсутствие принципиальных различий в поведении животных и людей, пренебрежение социальным компонентом исследования группового поведения, игнорирование общих норм этики и личных ценностей каждого участника взаимодействия и т.д. Но у этой теории есть и преимущества, которые в переработанном виде будут взяты в основу и нашей ресурсной модели конфликта, а именно оперирование такими понятиями, как обмен и распределительная справедливость, последняя рассматривается Хомансом как некоторая обмениваемая ценность.

Поскольку мы предполагаем операцию обмена ключевой посылкой для развития тех или иных конфликтов, то вероятным способом их разрешения будет достижение некоторого сбалансированного состояния между сторонами обмена. Здесь стоит упомянуть теорию структурного (когнитивного) баланса Ф. Хайдера [Heider F., 1946; Harari H., 1967], в рамках которой формулируется идея баланса: человек стремится к сбалансированному гармоничному состоянию в отношении внутреннего и внешнего мира (отсутствие противоречия, стресса, давления). В свою очередь, дисбаланс возникает в случае расхождения мнений и вызывает напряжение психологических сил, направляемых на восстановление баланса. В сущности, в рамках данной теории конфликт отражает стремление перейти из дисбалансного состояния в сбалансированное. Данная теория с некоторыми уточнениями и дополнениями также

окажется весьма полезной для построения нашей ресурсной модели конфликта.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые модели конфликта, которые, хотя и обладают определенными преимуществами и наглядностью, все же оставляют множество лакун в вопросах применения их на практике, либо же не позволяют полно и системно описать взаимодействие между участниками конфликтной ситуации. Попробуем, опираясь на некоторые выявленные в рамках данных моделей закономерности, сформулировать более комплексную модель, которая позволяла бы точнее локализовать причину конфликта для сторон-участников и сгенерировать ситуативно наиболее успешную стратегию его решения.

Разработка базисных положений ресурсной модели конфликта

Рассматривая конфликты как череду конфликтных ситуаций, последняя из которых служит инцидентом для активного открытого противостояния, невозможно не обратить внимание на накопительный эффект данного явления: чем больше накапливается неудовлетворенность, тем меньше человек будет готов продолжать терпеть некоторую субъективно переживаемую несправедливость [Анцупов А.Я., Баклановский С.В., 2013; Бабич Н.С., Батыков И.В., 2021; Heider F., 1946; Homans G.C., 1974]. Данный факт указывает на необходимость построения модели конфликта на основе ресурсного обмена, т.к. накапливаться и расходоваться могут именно ресурсы (материальные, информационные, психические и др.). В данной работе предпримем попытку построения соответствующей ресурсной модели, где под конфликтом будем понимать ситуацию невозможности совершить обмен ресурсами в рамках того или иного формата взаимодействия. Заметим, что речь идет не об отсутствии обмена как такового, что предполагает также и отсутствие взаимодействия, а именно состояние невозможности обмениваться в виду тех или иных критических для участника или участников причин, даже если такое состояние обмена необходимо и закономерно наступило.

В качестве основной предпосылки возьмем утверждение о том, что любая система, в том числе человек как система, стремится к сбалансированному состоянию [Светлов В.А., 2001;

Heider F., 1946; Harari H., 1967] и способна его достичь благодаря обменным операциям между различными взаимодействующими элементами; следовательно, конфликтная ситуация наступит всякий раз, когда такого состояния достичь невозможно (или субъективно невозможно) [Folger J.P. et al., 2021]. Ключевая проблема организации обмена ресурсами заключается в идентификации, какие именно ресурсы представляют собой ценность для каждой из сторон. Справедливым будет считаться такой обмен, в котором ценности обеих сторон были идентифицированы корректно, иначе будет иметь место несправедливость как конфликтная ситуация и прецедент для будущего открытого конфликта [Deutsch M., 1977; Homans G.C., 1974].

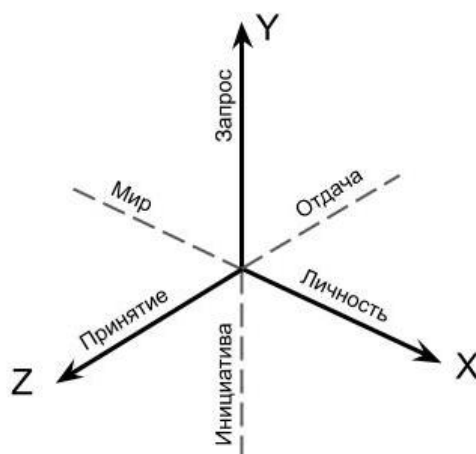
В основу ресурсной модели, очевидно, должна быть заложена процедура обмена между сторонами-участниками, поскольку любой ресурс может характеризоваться своей принадлежностью к некоторому лицу, в чем полном или частичном владении находится, а любая смена владельца будет являться результатом некоторого перехода ресурса от одного лица другому, иными словами, обмена, как эквивалентного (равноценного), так и на безвозмездной основе (акт дарения). С точки зрения психологии из всего множества вариантов в качестве участников возьмем только две самостоятельные стороны: личность (микросистему, или «Я» субъекта) и окружающий ее мир (макросистему во всем многообразии ее представителей). Таким образом, в качестве вспомогательной предпосылки построения нашей модели возьмем утверждение о достаточности двух сторон-участниц для идентификации ценности тех или иных ресурсов и стабилизации процесса их взаимодействия без необходимости в привлечении третьей стороны для урегулирования процедуры обмена.

С точки зрения основ межличностного общения мы предполагаем, что данная вспомогательная предпосылка должна опираться на коммуникационную схему «Вопрос – Ответ», где одна сторона обращается к другой стороне с вопросом, а другая дает на него ответ. Такая коммуникативная конструкция содержит в себе ряд сложностей в интерпретации. Если речь о

вербально проявляемых вопросах и ответах, то могут возникать традиционные трудности в общении: как отличить ложь от правды, как корректно зашифровать и декодировать информацию, как обеспечить постоянство и стабильность канала передачи информации и т.п. Отдельной трудностью являются вербально не проявленные вопросы и ответы (молчаливые, не предполагающие слов, функциональные, контекстные), которые нуждаются в активации и развитии качественно иных, нежели речевых, когнитивных механизмов.

В связи с упомянутыми трудностями в целях построения ресурсной модели конфликта выделим из вопросно-ответной схемы две пары взаимоисключающих поведенческих функций, которые проще отследить. Первая пара соответствует части вопроса и состоит из функции Запроса, если есть ожидание получения некоторого ответа, и функции Инициативы, если ответ не ожидается, а предполагается некоторое безразличие к тому или иному ресурсу или активности. Вторая пара соответствует части ответа и состоит из функции Принятия, если некоторый ресурс представляет ценность для участника (отвечает его нужде), и функции Отдачи, если ресурс такой ценностью не обладает или представляет потенциальную угрозу. Такие функции, как «Запрос – Инициатива» и «Принятие – Отдача», более точны, поскольку будут соответствовать некоторому объективно значимому поведению участника обмена, по которому можно с высокой степенью достоверности определить, вокруг каких ресурсов выстраивается взаимодействие сторон.

Таким образом, мы можем выделить три ключевых координатных оси, на основе которых может быть построена предлагаемая ресурсная модель конфликта (соответственно, модель предполагается трехмерной): ось x: «Личность – Мир», которая соответствует стороне-участнику обмена; ось y: «Запрос – Инициатива», которая соответствует форме вопроса, либо обращения к другой стороне с намерением совершить обмен ресурсами; ось z: «Принятие – Отдача», которая соответствует форме ответа, либо встречного намерения совершить обмен ресурсами (рисунок):

Система координат для ресурсной модели конфликта: ось x: «Личность – Мир»; ось y: «Запрос – Инициатива»; ось z: «Принятие – Отдача» (Составлено автором)

Coordinate system for the conflict resource model: x-axis: «Personality – World»; y-axis: «Request – Initiative»; z-axis «Acceptance – Giving» (Compiled by the author)

Вместо построения трехмерной системы координат и перечисления составляющих ее октантов (областей, образованные пересечением осей), возьмем в качестве еще одной посылки эквивалентность сторон-участников, подразумевая, что функциональные проявления во взаимных отношениях как Мира, так и Личности аналогичны друг другу и не нуждаются в раздельном описании. Таким образом, в данной статье опишем в виде квадрантов только пере-

сечения осей y («Запрос – Инициатива») и z («Принятие – Отдача»), а также соответствующие им процессы ресурсного обмена в состояниях нормы, когда взаимодействие участников проходит бесконфликтно, и аномалии, когда наблюдается заикливание внимания на одном возможном типе взаимодействия с окружающим миром, в результате чего возрастает риск возникновения внутреннего или межличностного конфликта (табл. 1).

Таблица 1. Функциональные квадранты ресурсной модели конфликта (Составлено автором)

Table 1. Functional quadrants of the conflict resource model (Compiled by the author)

Название квадранта	Нормальное состояние	Аномальное состояние
Запрос – Принятие	Участник обмена осознает нехватку внутреннего ресурса, испытывает нужду в получении ресурсов извне, предполагая, что они есть у кого-то, призывает на помощь другого участника и ожидает его равнодушного ответа на свой запрос	Иждивенчество: привычка полагаться на помощь извне формирует иждивенца, неспособного самостоятельно удовлетворять собственные потребности и брать на себя ответственность, развивает идолопоклонничество и мифотворчество (с точки зрения мира имеет место восприятие отдельных личностей в качестве «героев, что всех спасут» или «козлов отпущения»)
Запрос – Отдача	Участник обращается к другой стороне обмена с желанием отдать часть своих ресурсов, которая находится в избытке и не используется, предполагая, что эти ресурсы могут пригодиться кому-то вовне и ожидая, что они будут приняты	Овершеринг: чрезмерная отдача (овершеринг) вынуждает другую сторону к принятию ненужных ресурсов, приводя к эффекту захламления, и сбивает внутреннюю систему приоритетов и ориентиров; кроме того, это может формировать чувство ненужности при столкновении с отказом от предлагаемой помощи [Гущина М.И., 2020] (с точки зрения мира это приводит к перепроизводству и обесцениваю производимой продукции и услуг)

Название квадранта	Нормальное состояние	Аномальное состояние
Инициатива – Принятие	Участник обмена, не спрашивая, присваивает себе ресурсы и использует их, предполагая, что они никому не принадлежат, находятся в открытом для всех бесплатном доступе, должны представлять часть общественного достояния	Незаконное присвоение: чрезмерное неправомерное присвоение себе чужой или общественной собственности является формой девиации и преступлением (кража, коррупция, убийство, вандализм, насилие и т.д.) (с точки зрения мира это может представлять собой процедуру изъятия ресурсов из личной собственности в пользу некоторой группы людей)
Инициатива – Отдача	Участник обмена, не дожидаясь запроса извне, проявляет самостоятельную активность по передаче, распространению или творческому продуцированию в пользу другой стороны тех или иных ресурсов	Выгорание: склонность к чрезмерной и необоснованной творческой активности может приводить участника к истощению внутреннего ресурса и состоянию творческого кризиса (обычно ввиду неоправданной самокритики), синдрому профессионального и эмоционального выгорания [Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., 2007] (с точки зрения мира это приводит к истощению человеческих ресурсов в экономике) Информационная перегрузка: чрезмерная инициативность в информационных процессах приводит к повышенной информационной температуре (ажиотажу) в отношении тех или иных событий и действующих лиц, что искажает достоверность передаваемой информации, загрязняет информационную среду и дезориентирует

Стратегии взаимодействия между субъектами взаимных отношений

Каждая введенная нами функция при более детальном рассмотрении ее функционирования может быть описана как определенная стратегия поведения в зависимости от результата взаимодействия участвующих субъектов (в наиболее общем виде — Мир и Личность). Рассмотрим их более детально.

Вопрос выбора между запросом и инициативой сопряжен с соответствующими ожиданиями и стратегией поведения, которая может быть более или менее успешна в зависимости от поставленной участником взаимоотношений цели. Так, функция запроса предполагает ожидание ответа от другого участника, причем: если ответ окажется положительным, то обе стороны выигра-

вают от совместного сотрудничества, т.к. добиваются некоторой выгоды для себя в результате обмена («+»; «+»); если ответ окажется отрицательным и помощь с другой стороны не поступает, то в отличие от отвечающей стороны, для которой ничего кардинально не меняется («0»), сформировавший запрос участник оказывается в существенном проигрыше, поскольку своего собственного ресурса недостаточно для продолжения задуманной деятельности (запрос на прием), или некоторого ресурса настолько много, что пространства для деятельности не остается или остается слишком мало (запрос на отдачу) («-») (табл. 2). Таким образом, стратегия запроса оказывается, с одной стороны, очень выгодной для участников ресурсного обмена (общий выигрыш), с другой стороны, очень рискованной для запрашивающей стороны.

Таблица 2. Стратегия поведения в рамках функции Запроса (Составлено автором)

Table 2. Strategy of behavior within the Request function (Compiled by the author)

Ответ на запрос	Результат стратегии	Отвечающий	Запрашивающий
Положительный	Общий выигрыш	+	+
Отрицательный	Нежизнеспособность	0	-

Невыгодность стратегии запроса, когда предполагается просьба о помощи, находит свое отражение и в ряде современных исследований, которые подтверждают, что к такой стратегии прибегают редко, обосновывая теми или иными личностными причинами и когнитивными установками:

– теория перспектив указывает на то, что в условиях риска человек будет принимать решения, отклоняясь от рационально большей полезности (большого выигрыша) в пользу более надежных альтернатив (эффект достоверности) и отказываясь от рискованных решений при оценке альтернатив, связанных с приобретениями, в отличие от оценки альтернатив, связанных с потерями (эффект отражения) [Kahneman D., Tversky A., 1979];

– теории управления ошибками указывают на то, что существует когнитивное искажение в сторону асимметричной оценки издержек, связанных с ошибками, которое побуждает человека ориентироваться в своем поведении на те действия, которые предполагают совершение менее дорогостоящих ошибок, даже если при этом придется совершить большее их количество [Green D.M., Swets J.A., 1966; Haselton M.G., Buss D.M., 2000];

– «слабо развитые адаптивные личностные характеристики проявляются в избегающем поведении, а именно в приспособлении к интересам другой стороны конфликта. Такая связь может быть объяснена влиянием неспособности к анализу силы противодействующей стороны и невозможностью рациональной оценки собственных ресурсов, что преувеличивает возможности оппонента, и, как следствие, наталкивает на приспособление к его интересам» [Литвин В.В., Таллибулина М.Т., 2022].

Говоря о стороне личности, нежелание чувствовать себя уязвимым приводит к тому, что человек не развивает в себе навык формирования запроса, т.е. он не сможет доверять окружающим, будет во всем полагаться исключительно на самого себя и не сможет спокойно попросить кого-либо о чем-либо в трудную минуту. В крайних случаях мы будем иметь дело с очень самодостаточной, замкнутой на себе, горделивой и жадной личностью, испытывающей трудности в обмене ресурсами с внешним миром. Если же к личности обращаются за помощью извне, то преобладание в поведении от-

казов или положительных ответов формирует соответствующий тип личности: деспотичный, оставляющий запрашивающего в затруднительном и нежизнеспособном положении; или помогающий, предпочитающий объединять усилия для совместного развития. Аналогичным образом может формироваться поведение со стороны мира, но на этот раз описанные характеристики будут относиться к обществу в целом, некоторой группе людей, просто любому другому субъекту и т.д.

Конфликты в данных случаях чаще происходят в результате отказа в помощи, т.к. затруднительное положение запрашивающего субъекта оказывается объективно значимой конфликтной ситуацией, в результате которой доверительная кооперация и совместное развитие сторон оказывается недоступным. В то же время конфликты в рамках рассмотренных стратегий поведения могут возникать также, если согласие о помощи было дано принудительным образом или если оказанной прежде помощью неоднократно злоупотребляли. При этом не важно, насколько обоснованным был выбор той или иной стратегии поведения, важно лишь субъективно переживаемое участником взаимоотношений ощущение несправедливости, побуждающее к сопротивлению сформированной системе обмена ресурсами для ее пересмотра и нормализации.

В отличие от функции запроса, функция инициативы исходит из предположения об отсутствии какого-либо ответа, т.е. из предполагаемого равнодушия другого участника взаимодействия к проявляемой активности и предполагаемому результату (табл. 3). Определенное равнодушие при проявлении инициативы необходимо, поскольку бездействие одной стороны (по равнодушию, глупости или невнимательности) является гарантом беспрепятственного достижения поставленного результата другой стороны. Это объясняет, например, поведение детей, которые действуют за спиной у родителей, пока на них никто не смотрит и не грозит наказанием; а также тактику многих новичков в игре в шахматы, которые полагаются на невнимательность противника в реализации собственной стратегии, забывая, что одну и ту же доску видят оба игрока одинаково отчетливо. Функция инициативы предполагает также

два варианта стратегии поведения: если к проявленной инициативе отношение равнодушное, то инициатор достоверно получит желаемый результат («+»), а для другого участника ситуация качественно не изменится («0»); если же инициатор столкнется с равнодушием к проявленной инициативе, то степень непредсказуемости результата будет расти прямо пропорционально величине заинтересованности второго участника взаимодействия («?»; «?»), приводя хаос в изначально запланированный спо-

соб поведения, направленный на достижение цели. При этом можно предположить, но не гарантировать, что поддержка повысит качество итогового результата, а неприязнь будет препятствовать и снижать качество итогового результата; но может быть и наоборот, поскольку соучастник не может знать замысел инициатора в полной мере, — из этого следует, что инициатору выгодно, чтобы соучастник как можно меньше участвовал «от себя», но был скорее подобен средству достижения цели.

Таблица 3. Стратегия поведения в рамках функции Инициативы (Составлено автором)

Table 3. Strategy of behavior within the Initiative function (Compiled by the author)

Отношение к инициативе	Результат стратегии	Соучастник	Инициатор
Равнодушие	Предсказуемый выигрыш	0	+
Неравнодушие	Эксперимент	?	?

Если в ситуации равнодушия схема действия относительно понятна — действует, в сущности, только инициатор (что сам замыслит, то и получит), — то в ситуации неравнодушия разобраться оказывается существенно сложнее. Неравнодушие подобно кратному множителю предполагаемого результата, причем заранее наверняка не знаешь, какому именно множителю (положительному, отрицательному, целому или дробному числу) предстоит повлиять на задуманное, кроме того, помимо условного выигрыша или проигрыша может быть гипотетически создано нечто принципиально новое, что оценить положительно или отрицательно принципиально невозможно. Естественным образом конфликты в рамках функции инициативы чаще происходят именно на почве неравнодушия сторон-участниц ресурсного обмена к проявляемой активности и ввиду разрозненности их интересов в отношении ожидаемых результатов от совместной или индивидуальной деятельности.

Единственная уместная в случае неравнодушия конструктивная метафора данной стратегии и, по совместительству, ее результат, — это эксперимент. Готовность к экспериментам с непредсказуемым результатом обнаруживается относительно редко, учитывая, что все новое сопровождается инстинктивным страхом и необходимостью управления рисками, а ведение переговоров с участием нескольких заинте-

ресованных сторон — это процесс весьма трудоемкий, требующий навыков организации эффективной коммуникации и терпения. По этой причине современный человек привык жить не экспериментом, а жить в состоянии относительного безразличия как к своей собственной жизни, так и к жизни окружающего мира, что, с одной стороны, позволяет достигать личных целей, не вторгаясь в пространство чужих интересов, а с другой стороны, не позволяет формироваться навыкам эффективной кооперации [Hynes M., 2016; Мухина В.С., Хвостов А.А., 2013; Галыгина Е., 2017]. Поскольку навык терпеливого ведения переговоров оказывается малоразвитым у тех, кто предпочитает придерживаться нейтральной равнодушной позиции и стремится избегать конфликтных ситуаций, готовность проявить терпение в процессе совместной экспериментаторской работы приобретает особую ценность: работодатели стали обращать более пристальное внимание на развитость soft skills у кандидатов как на особое преимущество при приеме на работу, а медиация как процесс, направленный на урегулирование споров, обособилась в самостоятельную целенаправленную деятельность и становится все более востребованной на современном рынке услуг [Гараев С.Н., 2017].

Говоря о функции «Принятие – Отдача», необходимо отметить, что в данном случае мы

имеем дело с некоторым условным каналом передачи ресурсов от одного участника обмена другому. Исходя из этого, выбор стратегии поведения зависит от качества обратной связи между сторонами обмена, которая обусловлена свойствами используемого канала передачи, а именно его пропускной (объем ресурсов в единицу времени) и трансформационными способностями (степень корректности или искаженности преобразуемых в процессе передачи ресурсов). Следует учитывать, что обратная связь не может быть измерена в абсолютных величинах, но формируется на основе отклонения от некоторой субъективно значимой нормы: если отклонение приблизительно нулевое, то процесс передачи ресурсов является нормальным и не подлежит пересмотру; если же отклонение существенно отличается от нормы, то процесс передачи ресурсов будет нестабильным и потребует привлечения особого внимания для устранения возникших «неполадок».

Таким образом, для нормализации процесса взаимодействия каждому участнику обмена необходимо самостоятельно оценить свойство пропускной способности канала на критерий

стабильности передачи некоторого объема ресурсов в единицу времени: если объем ресурсов слишком велик для заданного временного промежутка, то будет наблюдаться «Перегрузка» (избыточный объем ресурсов); в противном случае — «Недогрузка» (недостаточный объем ресурсов); также возможен условно нормальный объем ресурсов (табл. 4). Также для выбора стратегии поведения необходимо дать оценку трансформационным способностям канала передачи на критерий субъективной значимости передаваемого ресурса: если отношение к ресурсу ажиотажное, сопровождается сильными эмоциями, то восприятие ресурса будет преувеличенным или недооцененным, следовательно, общая значимость будет искаженной (высокой или низкой); если же отношение к ресурсу спокойное, уравновешенное, то можно утверждать, что общая значимость будет оцениваться участником взаимодействия более-менее адекватно (умеренная) (адекватность восприятия можно оценить сопоставлением оценок сторон-участниц, или с помощью обращения к методу экспертных оценок) (табл. 4).

Таблица 4. Оценка обратной связи в рамках функции «Принятие – Отдача» (Составлено автором)

Table 4. Evaluation of feedback within the «Acceptance – Giving» function (Compiled by the author)

Параметр оценки	Оценка обратной связи		
Объем ресурсов в ед. вр.	Избыточный	Недостаточный	Нормальный
Значимость ресурса	Высокая	Низкая	Умеренная

Конфликты на почве нестабильного процесса обмена ресурсами встречаются повсеместно, а стратегии их разрешения могут варьироваться от случая к случаю. Перегрузка каналов взаимодействия может приводить по меньшей мере к усталости, лени и жалобам на их основе, а в случае хронической перегрузки будет иметь место профессиональное выгорание, эмоциональное и физическое истощение. Если же наблюдается недостаточность нагрузки на транспортные возможности канала передачи, то в самом простом случае мы будем наблюдать скуку и отстраненность, а также жалобы на неспособность реализовать свой потенциал, а в худшем случае будем иметь дело с хронической депрессией. Устранение та-

кого рода конфликтов требует развития чувства нормы на основе эмпатии и внимания к состоянию участника в различных обстоятельствах, а также владения инструментами урегулирования интенсивностью ресурсообмена (в первую очередь коммуникативными навыками, чтобы своевременно, этично и доступно сообщить другому участнику о возникающих трудностях).

Другая причина конфликта связана с трансформационными процессами передачи ресурсов. В процессе передачи, особенно информационной, имеет место искажение, обусловленное влиянием эмоций участвующей стороны, причем чем сильнее ажиотаж вокруг некоторого ресурса, тем сильнее психика бу-

дет искажать его значимость как в положительную, так и в отрицательную сторону. Обычно ажиотаж разгорается ввиду стремления участников искусственным образом контролировать, чтобы оценка передаваемого ресурса была одинаковой, а его значимость была оценена по достоинству, в то время как объективно может наблюдаться существенный разрыв субъективных оценок. Работа по признанию индивидуальных особенностей разных людей могла бы снизить такой ажиотаж и помочь адекватно рассудить, кто, как и почему именно так относится к тем или иным ресурсам, как именно происходит интерпретация значимости каждым участником обменного процесса. В дополнение к развитию навыка признания существуют разнообразные психологические практики и консультирование с экспертами из различных сфер обыденной и духовной жизни, которые способствуют формированию представлений об общезначимых нормах и выявлению личных ценностей и приоритетов, требующих вспомогательной аргументации в свою пользу.

Стратегии по гармонизации состояния взаимодействующих субъектов

Возвращаясь к рассмотрению ресурсной модели в целом, стоит обратить внимание, что всякий раз, когда в той или иной октанте фокусируется слишком много внимания, т.е. происходит гиперфокус внимания, и, как следствие, наблюдается существенный рост напряженности в отношении того или иного формата взаимодействия, мы имеем дело с феноменом конфликтности. Чтобы избежать перенапряжения индивидуальной системы, человеку важно обеспечивать процессы саморегуляции [Inzlicht M. et al., 2021]. Общих стратегий поведения, позволяющих снизить уровень конфликтности и стабилизировать состояние каждого участника ресурсообмена в отдельности, в рамках данной ресурсной модели конфликта можно выделить две.

Первая заключается в предотвращении гиперфокусировки посредством целенаправленной смены стратегии поведения в рамках предложенной системы координат: например, созидательную деятельность разбавить принятием чего-то нового извне; или вместо постоянной помощи другим время от времени са-

мим не бояться обращаться за помощью к окружающим. Действуя таким образом по крайней мере на уровне микросистемы, можно расширить фокус внимания, внести разнообразие в процесс взаимодействия с окружающим миром, предупредить «перекачку» или «недоразвитость» навыков в рамках тех или иных форм поведения и, как следствие, избежать многих психологических и межгрупповых конфликтов.

Вторая стратегия поведения заключается в развитии на микроуровне навыка заботы о собственном здоровье и отдыхе: чрезмерная активность балансируется антиактивностью, за счет чего развившееся напряжение постепенно проходит, рассеивается, а уровень конфликтности падает. Рекомендуется регулярно выделять время на отдых, чтобы внутреннее напряжение не перешло в хроническую форму и не потребовало более серьезных мер нормализации состояния.

Обсуждение результатов и перспективы развития ресурсной модели конфликта

Таким образом, в данной работе была составлена и описана ресурсная модель конфликта, где под конфликтом понимается ситуация невозможности совершить обмен ресурсами ввиду перенапряжения в рамках того или иного функционального октанта. Для каждого функционального октанта было описано нормальное и аномальное поведение участников ресурсного обмена, а для функций «Запрос – Инициатива» и «Принятие – Отдача» были определены стратегии поведения участников в зависимости от особенностей их положения в процессе взаимодействия и качества предоставляемой обратной связи. Выявление особо конфликтных зон с помощью данной модели способствует урегулированию конфликта за счет подбора комплементарной функции, обращение к которой препятствует формированию эффекта гиперфокуса и стабилизирует психическую функцию внимания в целом. Также снижение уровня конфликтности может быть достигнуто путем разработки и внедрения в практику упражнений по формированию навыка саморегуляции, включая заботу о здоровье и отдыхе, что позволит сбалансировать систему взаимодействующих элементов на микро- и макроуровнях.

Уникальность представленной ресурсной модели конфликта связана с ее универсальностью: она позволяет с высокой степенью точности идентифицировать причины возникновения тех или иных конфликтов и подобрать меры для их устранения, определить, в рамках какой именно функции произошел сбой взаимодействия между вовлеченными сторонами, для какой из сторон обмен представляется несправедливым, а для какой — нормальным, внедрить профилактические меры стабилизации состояния как отдельных личностей, так и больших общественных групп без привлечения третьих лиц к урегулированию конфликтов.

С целью наиболее емкого представления теории на данном этапе модель рассмотрена для двух самостоятельных участников, однако в перспективе она может быть расширена и адаптирована для изучения более сложных систем, чтобы способствовать разрешению конфликтов между тремя и более участниками взаимодействия. Оптимизация данной модели и разработка на ее основе методологии выстраивания сбалансированных взаимоотношений между различными участниками требуют проведения дальнейших исследований, результаты которых могут иметь высокую значимость в области индивидуальной, межгрупповой и организационной конфликтологии и психологии.

Список литературы

- Анциупов А.Я., Баклановский С.В. Конфликтология: учеб. пособие. Схемы и комментарии. 3-е изд. СПб.: Питер, 2013. 304 с.
- Бабич Н.С., Батыков И.В. Ценностно-когнитивные предпосылки преодоления последствий конфликтов // Теория и практика общественного развития. 2021. № 10. С. 42–48. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.10.6>
- Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. СПб.: Питер, 2007. 338 с.
- Галыгина Е. Равнодушие // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2017. Т. 12, № 1. С. 305–308.
- Гараев С.Н. Медиация в России: легализация и перспективы развития // Вестник Федерального института медиации. 2017. № 4. С. 48–54.
- Гущина М.И. Овершеринг как фактор развития кибербуллинга // Актуальная наука. 2020. № 2–3. С. 77–79.
- Литвин В.В., Таллибулина М.Т. Стратегии поведения личности в конфликте и их связь с когнитивными установками и стилем принятия решений // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 32, № 3. С. 256–267. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-3-256-267>
- Мухина В.С., Хвостов А.А. Отчуждение от других: отчуждение ленивых и равнодушных // Развитие личности. 2013. № 1. С. 51–73.
- Ополев П.В. Мир в потоке усложнения: от парадигмы конфликта к парадигме синергии // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 7. С. 1448–1453. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns210269>
- Светлов В.А. Аналитика конфликта: учеб. пособие для вузов. СПб.: Росток, 2001. 512 с.
- Семенов В.А. «Эсперанто» для конфликтологов (на пути к созданию единой теории конфликта) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2003. Т. 3, № 5. С. 37–49.
- Шакртдинова Я.В., Кузяшев А.Н., Рахматуллин Ю.Я. Вклад Фредерика Герцберга в развитие теории трудовой мотивации // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. № 2(36). С. 189–191.
- Deutsch M. The resolution of conflict: Constructive and destructive processes. New Haven, CT: Yale University Press, 1977. 448 p. DOI: <https://doi.org/10.12987/9780300159356>
- Folger J.P., Poole M.S., Stutman R.K. Working through conflict: Strategies for relationships, groups, and organizations. N.Y.: Routledge, 2021. 368 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003027232>
- Furlong G.T. The conflict resolution toolbox: Models and maps for analyzing, diagnosing, and resolving conflict. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2020. 256 p.
- Green D.M., Swets J.A. Signal detection theory and psychophysics. N.Y.: John Wiley & Sons, 1966. 467 p.
- Harari H. An experimental evaluation of Heider's balance theory with respect to situational and predispositional variables // The Journal of Social Psychology. 1967. Vol. 73, iss. 2. P. 177–189. DOI: <https://doi.org/10.1080/00224545.1967.9712454>
- Haselton M.G., Buss D.M. Error management theory: a new perspective on biases in cross-sex mind reading // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 78, iss. 1. P. 81–91. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.78.1.81>
- Heider F. Attitudes and cognitive organization // The Journal of Psychology. 1946. Vol. 21, iss. 1.

P. 107–112. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223980.1946.9917275>

Helbling M., Jungkunz S. Social divides in the age of globalization // *West European Politics*. 2020. Vol. 43, iss. 6. P. 1187–1210. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2019.1674578>

Herzberg F. One more time: How do you motivate employees? // *Harvard Business Review*. 2003. Vol. 81, no. 1. P. 87–96.

Homans G.C. *Social behavior: Its elementary forms*. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1974. 386 p.

Hynes M. Indifferent by nature: A post-humanist reframing of the problem of indifference // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2016. Vol. 48, iss. 1. P. 24–39. DOI: <https://doi.org/10.1177/0308518x15594621>

Inzlicht M., Werner K.M., Briskin J.L., Roberts B.W. Integrating models of self-regulation // *Annual Review of Psychology*. 2021. Vol. 72. P. 319–345. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-061020-105721>

Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47, no. 2. P. 263–292. DOI: <https://doi.org/10.2307/1914185>

Mayer B. *The dynamics of conflict resolution: a practitioner's guide*. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2000. 263 p.

References

Antsupov, A.Ya. and Baklanovskiy, S.V. (2013). *Konfliktologiya* [Conflictology]. St. Petersburg: Piter Publ., 304 p.

Babich, N.S. and Batykov, I.V. (2021). [Value and cognitive prerequisites for overcoming the consequences of conflicts]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development.]. No. 10, pp. 42–48. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.10.6>

Deutsch, M. (1977). *The resolution of conflict: Constructive and destructive processes*. New Haven, CT: Yale University Press., 448 p. DOI: <https://doi.org/10.12987/9780300159356>

Folger, J.P., Poole, M.S. and Stutman, R.K. (2021). *Working through conflict: Strategies for relationships, groups, and organizations*. New York: Routledge Publ., 368 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003027232>

Furlong, G.T. (2020). *The conflict resolution toolbox: Models and maps for analyzing, diagnosing, and resolving conflict*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Publ., 256 p.

Galygina, E. (2017). [Indifference]. *Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya* [Health — the Base of Human Potential: Problems and Ways to Solve Them]. Vol. 12, no. 1, pp. 305–308.

Garaev, S.N. (2017). [Mediation in Russia: Legalization and development prospects]. *Vestnik Federal'nogo instituta mediatsii* [Bulletin of the Federal Institute of Mediation]. No. 4, pp. 48–54.

Green, D.M. and Swets, J.A. (1966). *Signal detection theory and psychophysics*. New York: John Wiley & Sons Publ., 467 p.

Guschina, M.I. (2020). [Oversharing as a factor in the development of cyberbullying]. *Aktual'naya nauka* [Actual Science]. No. 2–3, pp. 77–79.

Harari, H. (1967). An experimental evaluation of Heider's balance theory with respect to situational and predispositional variables. *The Journal of Social Psychology*. Vol. 73, iss. 2, pp. 177–189. DOI: <https://doi.org/10.1080/00224545.1967.9712454>

Haselton, M.G. and Buss, D.M. (2000). Error management theory: a new perspective on biases in cross-sex mind reading. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 78, iss. 1, p. 81–91. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.78.1.81>

Heider, F. (1946). Attitudes and cognitive organization. *The Journal of Psychology*. Vol. 21, iss. 1, pp. 107–112. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223980.1946.9917275>

Helbling, M. and Jungkunz, S. (2020). Social divides in the age of globalization. *West European Politics*. Vol. 43, iss. 6, pp. 1187–1210. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2019.1674578>

Herzberg, F. (2003). One more time: How do you motivate employees? *Harvard Business Review*. Vol. 81, no. 1, pp. 87–96.

Homans, G.C. (1974). *Social behavior: Its elementary forms*. New York: Harcourt Brace Jovanovich Publ., 386 p.

Hynes, M. (2016). Indifferent by nature: A post-humanist reframing of the problem of indifference. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 48, iss. 1, pp. 24–39. DOI: <https://doi.org/10.1177/0308518x15594621>

Inzlicht, M., Werner, K.M., Briskin, J.L., Roberts, B.W. (2021). Integrating models of self-regulation. *Annual Review of Psychology*. Vol. 72, pp. 319–345. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-061020-105721>

Kahneman, D. and Tversky, A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*. Vol. 47, no. 2, pp. 363–392. DOI: <https://doi.org/10.2307/1914185>

Litvin, V.V. and Tallibulina, M.T. (2022). [Conflict behavior strategies in relation to cognitive attitudes and decision-making style]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 32, no. 3, pp. 256–267. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-3-256-267>

Mayer, B. (2000). *The dynamics of conflict resolution: a practitioner's guide*. San Francisco, CA: Jossey-Bass Publ., 263 p.

Mukhina, V.S. and Khvostov, A.A. (2013). [Alienation from others: alienation of the lazy and indifferent]. *Razvitie lichnosti* [Personal Development]. No. 1, pp. 51–73.

Opolev, P.V. (2021). [World in the flow of increasing complexity: from conflict paradigm to synergy paradigm]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 14, no. 7, pp. 1448–1453. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns210269>

Semenov, V.A. (2003). ["Esperanto" for conflict scientists (on the way to creating a unified theory of conflict)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. Vol. 3, no. 5, pp. 37–49.

Shakrtdinova, Ya.V., Kuzyashev, A.N. and Rakhmatullin, Yu.Ya. (2020). [Contribution of Frederick Herzberg to the development of the theory of labor motivation]. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian* [Scientific electronic journal Meridian]. No. 2(36), pp. 189–191.

Svetlov, V.A. (2001). *Analitika konflikta* [Conflict analysis]. St. Petersburg: Rostok Publ., 512 p.

Vodop'yanova, N.E., Starchenkova, E.S. (2007). *Sindrom vygoraniya* [Burnout syndrome]. St. Petersburg: Piter Publ., 338 p.

Об авторе

Бородина Кира Александровна

магистрант направления «Общая и когнитивная психология», факультет психологии

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: kira.borodina@mail.ru
ResearcherID: LFU-5025-2024

About the author

Kira A. Borodina

Master's Degree Student in General and Cognitive Psychology, Faculty of Psychology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: kira.borodina@mail.ru
ResearcherID: LFU-5025-2024

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.52(470.57)

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-582-593>

EDN: ZQWDNC

Поступила: 04.09.2024

Принята: 14.11.2024

Опубликована: 27.12.2024

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
СОЦИАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОНЦЕПТА
«УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ»
В ПОЛИЭТНИЧНОМ РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)**

Галлямов Рушан Рахимзянович

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева

Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа)

Ураев Раиль Рауфович

Башкирский государственный аграрный университет (Уфа)

Целью статьи является анализ этноконфессионального аспекта реализации социально-гуманитарной составляющей концепта «устойчивое развитие сельских территорий» применительно к одному российскому полиэтничному региону, разработка конкретных способов его реализации. Предлагается авторская дефиниция понятия, акцентирующая внимание на его социально-гуманитарной составляющей. При этом устойчивое развитие сельских территорий понимается как целенаправленный и системный процесс, комплексно организуемый государственными органами, бизнесом и институтами гражданского общества на основе осуществления экономически эффективного и экологически оптимального аграрного воспроизводства посредством сбалансированного пространственного и других направлений социально-экономического развития села с целью достижения высокого и непрерывно улучшающегося образа жизни при сохранении и возрождении традиционных этнокультурных и этнорелигиозных ценностей, гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений. Исследование этноконфессионального аспекта социального содержания феномена «устойчивое развитие сельских территорий» проводится на примере одного из самых полиэтничных и многоконфессиональных регионов России — Республики Башкортостан. Данный регион по показателям этнической мозаичности населения и высокой дисперсности проживания этносов, в том числе — в сельской местности, лидирует в России. Применительно к реализации этнического аспекта концепции «устойчивое развитие сельских территорий» предлагаются, в том числе, такие мероприятия, как: содействие разворачиванию этнокультурной деятельности в селах различных самостоятельных общественных организаций и объединений; возрождение в системе сельского образования изучения национальных языков; организация в селах постоянно действующих этнических праздников, фестивалей, конкурсов этнической песни, танцев и других подобных этнокультурных мероприятий. Одновременно реализация конфессионального аспекта исследуемой концепции предполагает осуществление таких направлений деятельности, как: содействие возрождению традиционных религиозных организаций через регистрацию и строительство храмов; узаконение льгот и преференций для сельских религиозных общин; реализация специальных образовательных программ по целевой подготовке служителей церкви традиционных конфессий по принципу т.н. сельского священника; организация пропаганды традиционных этнорелигиозных ценностей жителей данного региона и их всесторонняя поддержка.

Ключевые слова: устойчивое развитие сельских территорий, социально-гуманитарная составляющая концепции, полиэтнический российский регион, этноконфессиональный аспект реализации.

Для цитирования:

Галлямов Р.Р., Ураев Р.Р. Этноконфессиональный аспект социальной составляющей концепта «устойчивое развитие сельских территорий» в полиэтническом российском регионе (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 582–593.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-582-593>. EDN: ZQWDNC

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-582-593>

Received: 04.09.2024

Accepted: 14.11.2024

Published: 27.12.2024

**THE ETHNO-CONFESSIONAL ASPECT OF THE SOCIAL COMPONENT
OF THE «SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS»
CONCEPT IN A MULTI-ETHNIC RUSSIAN REGION
(A CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)**

Rushan R. Gallyamov

*R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research
of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa)*

Rail R. Uraev

Bashkir State Agrarian University (Ufa)

The article aims to analyze the ethno-confessional aspect of the implementation of the socio-humanitarian component of the concept of «sustainable development of rural areas» in relation to one Russian multi-ethnic region as well as to develop specific methods for its implementation. The author proposes a definition of the concept focusing on its socio-humanitarian component. Sustainable development of rural areas is understood as a targeted and systemic process organized by government agencies, businesses and civil society institutions, based on economically efficient and environmentally optimal agrarian reproduction, through a balanced development of villages, including balanced socio-economic development, in order to achieve a high-quality and continuously improving way of life, while preserving and reviving traditional ethno-cultural and ethno-religious values, harmonizing interethnic and interconfessional relations. The ethno-confessional aspect of the social content of the phenomenon of «sustainable development of rural areas» is studied using the example of one of the most multi-ethnic and multi-confessional regions of Russia — the Republic of Bashkortostan. This region is the leader in Russia in terms of ethnic mosaicism of the population and high dispersion of ethnic groups, including in rural areas. With regard to the implementation of the ethnic aspect of the «sustainable development of rural areas» concept, the following activities are proposed: promotion of ethnocultural activities carried out in villages by various amateur public organizations and associations; revival of the study of national languages in the rural education system; organization of regular ethnic holidays, festivals, competitions of ethnic songs, dances, and other similar ethnocultural events in villages. The implementation of the confessional aspect of the concept under study involves the following: revival of traditional religious organizations through the registration and construction of churches; legalization of benefits and preferences for rural religious communities; special educational programs for the targeted training of ministers of traditional confessions according to the «rural priest» principle; propaganda of traditional ethnoreligious values among the inhabitants of a given region and comprehensive support for these values.

Keywords: sustainable development of rural areas, socio-humanitarian component of the concept, multi-ethnic Russian region, ethno-confessional aspect of implementation.

To cite:

Gallyamov R.R., Uraev R.R. [The ethno-confessional aspect of the social component of the «sustainable development of rural areas» concept in a multi-ethnic Russian region (a case study of the Republic of Bashkortostan)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 582–593 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-582-593>, EDN: ZQWDNC

Понятие стратегии «устойчивое развитие» (английский перевод «sustainable development»), ставшее к началу XXI в. общецивилизационной парадигмой, изначально появилось в сфере природопользования и постепенно вошло в широкий научный оборот после доклада «Наше общее будущее», который был подготовлен в 1987 г. Международной комиссией ООН по окружающей среде и развитию (МКОСР) во главе с премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундтланд [Сунцов С.А., 2018]. В этом докладе впервые было сформулировано классическое определение устойчивого развития, которое трактовалось как: «такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Стратегия устойчивого развития направлена на достижение гармонии между людьми, обществом и природой» [Карпович О.Г., 2014, с. 23]. Из выдвинутых в данном докладе семнадцати основных целей устойчивого развития большинство было посвящено: а) решению экологических задач; б) преодолению проблем экономического развития и неравенства; в) созданию производственных основ прочной социальной инфраструктуры (образования, здравоохранения и т.п.). Только в одном пункте была поставлена задача «содействия построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях» [Устойчивое развитие..., 2020, с. 10–11]. Соответственно, только в одном пункте задач устойчивого развития формулировались и, довольно пространно, отдельные социально-гуманитарные цели.

К началу текущего столетия, особенно в течение последних двадцати лет, в отечественном общественном знании начала довольно активно разрабатываться проблематика исследований уже феномена «устойчивого развития сельских тер-

риторий». При этом проведенный нами анализ показал, что в российской науке доминируют, с большим отрывом, экономические исследования рассматриваемого феномена, а предлагаемые трактовки его центрального значения отличаются тем, что в них постулируются в основном: процесс непрерывного поддержания оптимальной пропорциональности в воспроизводстве подсистем сельских территорий [Агibalов А.В. и др., 2019]; целенаправленный процесс перехода сельского сообщества на качественно новый уровень, обеспечивающий экономически и экологически обоснованное, социально ориентированное расширенное воспроизводство [Меренкова И.Н., 2011, с. 24–25]; целенаправленный процесс гармоничного перехода сельского сообщества на новый уровень пространственного и сбалансированного социально-экономического развития [Стовба Е.В., 2021, с. 16–17]; взаимосвязанные процессы расширенного воспроизводства сельского хозяйства и не-сельскохозяйственных сфер аграрной экономики, а также совершенствования социальной сферы села [Муравьева М.В., 2021, с. 26–28]; система взаимообусловленных, взаимосвязанных и взаимодействующих факторов и потенциала данной территории [Макурина Ю.А., 2022, с. 26]; стабильное развитие сельского сообщества, обеспечивающее рост эффективности сельской экономики, повышение качества и уровня жизни сельского населения, поддержание природно-экологической системы жизнеобеспечения [Прока Н.И., Третьякова Л.А., 2009, с. 36]. Другие имеющиеся в отечественной науке дефиниции понятия «устойчивое развитие сельских территорий» либо полностью повторяют вышеприведенные, либо в значительной степени производны от них.

Поэтому вполне естественно, что в основных российских нормативно-правовых документах, посвященных непосредственно указанной проблеме и принятых к исполнению в самое последнее время, устойчивое развитие сельских территорий определяется как «ста-

бильное социально-экономическое развитие сельских территорий, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель». А в качестве основных целей государственной политики в области обеспечения устойчивого развития сельских территорий на период до 2030 г. провозглашаются: 1) создание благоприятных социально-экономических условий для выполнения сельскими территориями их общенациональных функций и решения задач территориального развития; 2) обеспечение стабилизации численности сельского населения и создание условий для его роста за счет снижения смертности, увеличения ожидаемой продолжительности жизни, уменьшения миграционного оттока населения; 3) обеспечение занятости, повышение уровня и качества жизни сельского населения с учетом современных требований и стандартов; 4) повышение эффективности сельского хозяйства и вклада сельских территорий в социально-экономическое развитие страны [Стратегия устойчивого развития..., 2015].

Таким образом, и в научных разработках, и в текстах нормативных документов на сегодняшний день доминируют определения, которые отличаются институциональной или экономической ориентацией. Игнорируется или незначительно затрагивается в них социальное и особенно социально-гуманитарное значение рассматриваемой нами технологии. Из предлагаемых экономистами определений лишь у двух авторов встречаются упоминания о необходимости: «повышения уровня и улучшения качества жизни сельского населения при сохранении природно-ресурсного, историко-культурного и духовно-нравственного потенциала сельской местности» [Греков А.Н., 2015, с. 9] и «сохранения и приращения социально-этнического и историко-культурного потенциала населения» [Мурашова Н.В., 2022, с. 11].

При этом нельзя не отметить, что в российской науке предпринимаются попытки системно и максимально полно рассмотреть социальные аспекты функционирования концепта «устойчивое развитие сельских территорий». Так, в докторской диссертации и публикациях Е.А. Лаврухиной в качестве базовых носителей

социального ресурса развития сельских территорий определяются: демографический потенциал; социальная защищенность, социальная и экономическая стабильность; социальная активность; политическая активность; развитость общественных форм управления; технологическая модернизация сельских территорий; взаимодействие с властными структурами [Лаврухина Е.А., 2013, с. 15]. Основными индикаторами названных носителей автор провозгласила 41 показатель, приблизительно пропорционально распределенных между ними. И даже при этом довольно подробном описании социального содержания устойчивого развития сельских территорий автор не включила в них такие, на наш взгляд, важнейшие составляющие социально-гуманитарного развития сельских территорий, как: сохранение и возрождение этничности, взаимодействие субэтносов и межэтнические отношения, ренессанс религиозности в сельской местности, внутри- и межконфессиональные взаимоотношения.

Вышеперечисленные аспекты социальной составляющей концепта «устойчивое развитие сельских территорий», по нашему мнению, приобретают в сельской местности российского общества на современном этапе существенное значение по нескольким причинам.

Во-первых, в дореволюционную эпоху и в советские времена в силу исторической обусловленности этого процесса сельское население нашей страны имело преимущественно моноэтнический и одноконфессиональный характер. Более того, в период советской истории именно сельское население этнических территорий оставалось основным источником и ареалом сохранения этничности и традиционной религиозности «нерусских народов». На современном этапе эта роль продолжает сохраняться именно у сельского населения этнонациональных регионов.

Во-вторых, в результате масштабных сельско-городских (урбанизация) и межрегиональных миграций сельские территории становятся все более мультиэтническими и многоконфессиональными. А в условиях происходящего в постсоветское время этнического и религиозного ренессанса именно в сельской местности в большей степени происходит возрождение этнокультурного, этноязыкового и этноконфессионального развития сельского населения. Поэтому именно здесь возникают проблемы в эт-

ногенетической эволюции, в формировании гармоничных межэтнических и межрелигиозных отношений среди селян.

В-третьих, объективное возрождение этнического и конфессионального компонентов социальной жизни на селе требует организации эффективного регулирования этих процессов с целью купирования негативных противоречий (ксенофобия, экстремизм, нигилизм и т.д.) и поддержки позитивных тенденций в этом смысле.

В-четвертых, именно в условиях сельской местности у нерусских народов появляются возможности для формирования самоуправляющегося гражданского общества с целью удовлетворения этнокультурных и религиозных потребностей жителей без чрезмерной политизации этих явлений.

Таким образом, критический анализ основных отечественных определений смысла и содержания концепции «устойчивое развитие сельских территорий» и размышления по поводу значения социально-гуманитарного аспекта соответствующего развития приводит к необходимости сформулировать его авторскую дефиницию. Устойчивое развитие сельских территорий, на наш взгляд, представляет собой целенаправленный и системный процесс, комплексно организуемый государственными органами, бизнесом и институтами гражданского общества на основе осуществления экономически эффективного и экологически оптимального аграрного воспроизводства посредством сбалансированного пространственного и других направлений социально-экономического развития села с целью достижения высокого и непрерывно улучшающегося образа жизни при сохранении и возрождении традиционных этнокультурных и этнорелигиозных ценностей, гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений.

Вполне закономерно, что наибольшую актуальность приобретает на современном этапе проблема реализации социально-гуманитарного аспекта устойчивого развития сельской территории в многонациональных российских регионах и макрорегионах. Можно без преувеличения сказать, что эксклюзивное положение в Российской Федерации занимает в этом смысле Республика Башкортостан, расположенная на территории Приуралья и Южного Урала. Этот российский регион, как показывают расчеты,

является одной из наиболее полиэтнических и многоконфессиональных территорий нашей страны, по показателям этнической смешанности (мозаичности) населения уступая только Дагестану на Северном Кавказе. При этом с точки зрения представленности различных религиозных общин и вызванной этим сложности межконфессиональных отношений Башкортостан из-за высокой дисперсности и чересполосности проживающих здесь этносов, в том числе — в сельской местности, лидирует в масштабах всей России.

На территории современного Башкортостана в результате масштабных миграций с Востока на Запад и обратно, происходивших на протяжении свыше одного тысячелетия, отложились множество этносов и этнических групп. Эти народы с середины XIX в. и вплоть до эпохи советского националстроительства именно в этом макрорегионе сформировались в общности этнонационального типа. В результате, согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., три самых многочисленных народа в Республике Башкортостан — это русские (36,9 %), башкиры (31,0 %) и татары (23,9 %), вместе составили 91,8 % населения. Кроме того, на территории республики мирно проживают несколько народов, включая тюркские (чуваши — 1,9 %), финно-угорские (марийцы — 2,1 %, удмурты — 0,4 %, мордва — 0,3 %) и славянские (украинцы — 0,4 %, белорусы — 0,1 %), которые сосуществуют и взаимодействуют на этой территории несколько веков. В постсоветский период в Башкирию мигрировало довольно большое количество представителей народов из Центральной Азии (узбеки, таджики, казахи), что оказало некоторое влияние на этническую мозаичность исламской уммы республики.

В целом эволюция этнического состава населения Башкортостана в течение последнего двадцатипятилетия может быть представлена следующим образом (см. табл. 1).

Как это хорошо видно из таблицы, этническая картина населения Башкирии в основных своих чертах сложилась уже к концу советской эпохи, переживая некоторые изменения только в период «перестройки» и постсоветского времени. При этом некоторые существенные межэтнические колебания происходили в основном среди наиболее крупных народов: во-первых, из-за «увеличения» татар за счет башкир на закате советской истории и обратного «отката» в

этом смысле в постсоветский период; во-вторых, на основе медленного, но неуклонного сокращения русского населения, видимо, из-за иммиграции за пределы республики и наиболее низких показателей естественного прироста (некоторое увеличение русских по итогам последнего исчисления народов, вероятнее всего,

вызвано ошибками при проведении процедуры переписи и низким ее качеством); в-третьих, посредством значительного уменьшения доли других «нерусских» народов, происходящего на основе русскоязычной ассимиляции в городах за счет выходцев из распространенных в городах национально-смешанных семей.

Таблица 1. Этнонациональный состав населения Республики Башкортостан (в %) по результатам последних пяти переписей (1979–2020 гг.), по наиболее многочисленным этносам

Table 1. Ethno-national composition of the Republic of Baskortostan (%) following the last five population census (1979–2020) according to the largest ethnicities

	Башкиры	Русские	Татары	Чуваши	Марийцы	Украинцы	Удмурты	Мордва	Белорусы	Другие
1979	24,3	40,3	24,5	3,2	2,8	2,0	0,7	0,9	0,4	0,9
1989	21,9	39,3	28,4	3,0	2,7	1,9	0,6	0,8	0,4	1,0
2002	29,8	36,3	24,1	2,9	2,6	1,3	0,6	0,6	0,4	1,3
2010	29,5	36,0	25,4	2,7	2,6	1,0	0,5	0,5	0,3	1,5
2020	31,0	36,9	23,9	1,9	2,1	0,4	0,4	0,27	0,1	3,03

Примечание: Составлено авторами по: [Национальный состав населения..., 2006, с. 64; 2012, с. 30; Итоги ВПН-2020, 2022].

Note: Compiled by the authors based on: [Natsional'nyy sostav naseleniya..., 2006, p. 64; 2012, p. 30; Itogi VPN-2020..., 2022].

Анализ материалов таблицы 2 приводит к выводам, подтверждающим предшествующие размышления об этнодемографической эволюции Башкортостана. Количество и доля титульного этноса — башкир — на селе сокращается под влиянием процессов урбанизации, хотя они остаются одним из самых малоурбанизированных народов региона. Соответствующие показатели татар сохраняются на прежнем уровне,

т.е. «перетекание» татар в «башкиры» и «русские» происходит в основном за счет городских представителей этого этноса. Причем демографические показатели сельских русских парадоксальным образом растут, несмотря на то что русские являются одним из наиболее урбанизированных этносов: в городах уже в 1989 г. проживали 83 % от их общего числа.

Таблица 2. Этнонациональный состав сельского населения Республики Башкортостан (в %) по результатам последних трех (постсоветских) переписей (2002–2020 гг.), по наиболее многочисленным этносам

Table 2. Ethno-national composition of the Republic of Baskortostan's rural part (%) following the last three (post-Soviet) population census (2002–2020) according to the largest ethnicities

	Башкиры	Русские	Татары	Чуваши	Марийцы	Украинцы	Удмурты	Мордва	Белорусы	Другие
2002	47,6	17,48	22,4	4,35	4,65	0,74	1,1	0,66	0,35	0,67
2010	43,18	20,68	24,03	3,81	4,26	0,64	0,97	0,5	0,32	1,72
2020	44,2	22,79	22,8	3,04	3,49	0,22	0,78	0,37	0,1	2,21

Примечание: Составлено авторами по: [Национальный состав населения..., 2006, с. 64; Национальный состав и владение языками..., 2013; Итоги ВПН-2020, 2022].

Note: Compiled by the authors based on: [Natsional'nyy sostav naseleniya..., 2006, p. 64; 2012, p. 30; Natsional'nyy sostav i vladeniye yazykami..., 2013; Itogi VPN-2020..., 2022].

Для анализа конфессионального состава населения Башкирии мы можем использовать только приблизительные расчеты в связи с тем, что в советские и постсоветские времена (в отличие от дореволюционных) переписи населения не учитывали религиозную принадлежность людей. Поэтому это возможно сделать, основываясь на изучении данных этнического состава традиционных религиозных общин. На основе этнографических данных, зафиксированных статистически, можно группировать население Башкирии в три категории: «потенциальные православные» (русские, украинцы,

белорусы, мордва и чуваш), которые составляют более 37,5 % населения, «потенциальные мусульмане» (башкиры и татары, исповедующие суннитский ислам) — почти 55 % населения, и «потенциальные язычники» (марийцы и большинство удмуртов) — 2,49 % населения. В целом, по результатам последних двух советских (1979 и 1989 гг.) и трех постсоветских (2002, 2010 и 2020 гг.) переписей, эволюция конфессионального состава населения Башкортостана может быть представлена следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3. Приблизительный конфессиональный состав населения Республики Башкортостан по результатам последних советских и постсоветских переписей (1979–2020 гг.), в %

Table 3. Approximate confessional composition of the Republic of Baskortostan (%) following the last Soviet and post-Soviet population census (1979–2020)

	<i>Мусульмане</i>	<i>Православные</i>	<i>Язычники</i>	<i>Другие</i>
1979	48,8	46,8	3,5	0,9
1989	50,3	45,4	3,3	1,0
2002	53,9	41,5	3,2	1,3
2010	54,9	40,5	2,8	1,8
2020	54,94	37,5	2,49	5,29

Примечание: Рассчитано и составлено авторами по материалам Всесоюзных (1979 и 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 и 2020 гг.) переписей населения.

Note: Calculated and compiled by the authors based on the materials of the All-Union (1979 and 1989) and All-Russian (2002, 2010 and 2020) population censuses.

Как это видно из результатов анализа статистических материалов переписей, религиозное возрождение на территории Башкирии объективно могло предположительно изменяться за последние 45 лет следующим образом: у мусульман оно могло расти (на 6,14 %); у православных — сокращаться (на 9,3%); у язычников — тоже уменьшаться [Галлямов Р.Р. Емелин С.М., 2023]. Эти тенденции являются отражением соответствующих изменений этнического состава республики, когда происходили медленная «татаро-башкиризация» и соответствующая «деславянизация» населения региона. Вместе с тем нельзя игнорировать тех межэтнических и внутриэтнических процессов, которые происходили в течение последнего столетия и неизбежно повлияли на религиозную идентичность населения республики, в особенности в городах. В этом смысле наибольшее влияние оказал, например, процесс широкой и

глубокой русскоязычной ассимиляции, происходивший в советскую эпоху под влиянием феномена урбанизации. Так, среди так называемых «неправославных народов» Башкирии абсолютная русскоязычность (т.е. признание русского языка родным) достигла на современном этапе, как показывает сравнительный анализ статистических данных и результатов репрезентативных социологических опросов, от 10 до 15 % из общей совокупности этноса, а среди молодежи — от 20 % до 25 % представителей, особенно в городской социальной среде. Среди городских марийцев, удмуртов, татар и чувашей уровень исключительной русскоязычности составил, например, к 2010 г. уже 19,4 %; 21,5 %; 30 % и 35 % соответственно [Галлямов Р.Р., 2020].

В сельской местности Башкортостана в структуре этноконфессионального состава населения за последние 45 лет наблюдалась

другая ситуация. Во-первых, мусульмане уже в 1979 г. кратко преобладали над представителями других конфессий, в том числе — над православными (см. табл. 4). Это было вызвано тем, что в ходе масштабной урбанизации, проходившей в республике в 1930-е – 1950-е гг., «православные» этносы в значительной степени мигрировали в города, особенно — в крупные агломерации. Русские, украинские и белорусские деревни опустели, а многие даже прекратили существование, исчезнув с географических карт. В то время как татарские, и особенно башкирские, деревни демографически развивались динамично, вплоть до начала процессов «перестройки». Во-вторых, абсолютное большинство мусульманских (башкирских и татарских) населенных пунктов сохранило мо-

ноэтнический состав населения, и поэтому в них процесс постсоветского исламского религиозного возрождения происходил более стремительно, чем в городах и сельских населенных пунктах, заселенных представителями других конфессий. В-третьих, подобное моноэтническое расселение мусульманских народов в сельской местности привело к тому, что в значительной части деревень возродились махалля (сельские религиозные общины), произошел масштабный рост количества зарегистрированных исламских приходов. Если в 1990 г. в Башкирии насчитывалось 30 зарегистрированных мусульманских общин, к 2014 г. их количество выросло до 1200, а к 2022 г. — до приблизительно 2000, абсолютное большинство которых функционирует в сельских населенных пунктах.

Таблица 4. Приблизительный конфессиональный состав сельского населения Республики Башкортостан по результатам последних советских и постсоветских переписей (1979–2020 гг.), в % от сельского населения

Table 4. Approximate confessional composition of the Republic of Bashkortostan's rural part (%) following the last Soviet and post-Soviet population census (1979–2020), as percentage of the rural population

	<i>Мусульмане</i>	<i>Православные</i>	<i>Язычники</i>	<i>Другие</i>
1979	66	27,14	5,5	1,36
1989	68,09	25,1	5,7	1,1
2002	70,74	24,9	3,7	0,66
2010	71,5	24,2	3,5	0,8
2020	67,11	23,75	4,2	4,95

Примечание: Рассчитано и составлено авторами по материалам Всесоюзных (1979 и 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 и 2020 гг.) переписей населения.

Note: Calculated and compiled by the authors based on the materials of the All-Union (1979 and 1989) and All-Russian (2002, 2010 and 2020) population censuses.

Православные храмы и приходы имеют в Башкирии преимущественно городской характер, т.к. расположены в восстановленных и вновь воздвигнутых церквях в основном в городах и при монастырях. В сельской местности православных храмов насчитываются единицы, равно как действующих приходов.

Несмотря на их малочисленность, некоторое возрождение переживают группы, проповедующие языческие вероисповедания, особенно в районах республики, традиционно заселенных марийцами и удмуртами, т.е. этническими группами, традиционно исповедующими языческие верования.

Так или иначе, масштабное возрождение этнического и религиозного самосознания, развернувшееся уже с конца 1980-х гг. в Башкортостане, поставило на повестку дня необходимость обязательного учета этноконфессионального аспекта при осуществлении концепции «устойчивое развитие сельской территории». Необходимо выявление и анализ новейших тенденций и противоречий вышеуказанных значимых процессов и их роли в обеспечении устойчивого развития сельских территорий. Это, наверняка, потребует и соответствующей корректировки используемых социальных технологий в рассматриваемом смысле [Ураев Р.Р., 2014].

Выводы

В результате анализа проблемы реализации этнического и конфессионального аспектов социальной составляющей концепции «устойчивое развитие сельских территорий» в многонациональном российском регионе, проведенного на материалах Республики Башкортостан, авторы пришли к следующим выводам.

1. В связи с тем, что к началу текущего тысячелетия стратегия «устойчивое развитие» превратилась в общемировую парадигму развития цивилизации, концепт «устойчивое развитие сельских территорий» также стал одним из наиболее актуальных направлений научных исследований и популярной социальной технологией. Однако, как показал анализ, в отечественной науке сейчас преобладают технологические и экономические трактовки центрального значения данного феномена, которые постулируют его как целенаправленный процесс перехода сельского сообщества на качественно новый уровень, обеспечивающий экономически и экологически обоснованное, социально ориентированное расширенное воспроизводство. На наш взгляд, именно социальное, даже социально-гуманитарное содержание и функции устойчивости сельских территорий являются ключевыми характеристиками рассматриваемого концепта в связи с тем, что задают именно его базовое целевое значение и выводят на необходимость развития синергетических механизмов совершенствования общественного устройства.

2. Практически не рассматриваются в отечественных разработках такие важнейшие составляющие социально-гуманитарного развития сельских территорий, во многом и задающие ее устойчивость, как: сохранение и возрождение этничности, взаимодействие субэтносов и межэтнические отношения, ренессанс религиозности в сельской местности, внутри- и межконфессиональные взаимоотношения. Авторская концептуальная модель предлагает закрыть образовавшуюся теоретическую брешь, выдвигая оригинальное определение сущности и содержания рассматриваемого феномена.

3. В условиях современного мощного возрождения этничности и религиозного сознания наибольшую актуальность приобретает проблема реализации социально-гуманитарного аспекта устойчивого развития сельских терри-

торий в многонациональных российских регионах, в том числе — в Республике Башкортостан, которая по показателям этнической мозаичности населения и высокой дисперсности проживания этносов, в том числе — в сельской местности, лидирует в России. Это выдвигает необходимость обязательного учета этноконфессионального аспекта при осуществлении концепции «устойчивое развитие сельских территорий», что, в свою очередь, потребует и соответствующей корректировки используемых для этого социальных технологий. По результатам последней Всероссийской переписи населения (которая организационно была отложена и состоялась в 2021 г., в условиях, осложненных пандемией Ковида), общая схема этноконфессиональной структуры населения Башкортостана в основных чертах сохранилась в том виде, в котором она сформировалась к периоду развала Советского Союза.

4. В качестве конкретных рекомендаций по реализации этнического аспекта концепции «устойчивое развитие сельских территорий» предлагаются следующие мероприятия: а) организация на региональном, районном и сельском уровнях филиалов национально-культурной автономии различных народов, содействие их разнообразной деятельности; б) содействие учреждению и разворачиванию этнокультурной деятельности в селах различных самостоятельных общественных организаций и объединений; в) возрождение в системе сельского образования изучения национальных языков по факультативному принципу; г) организация под эгидой сельских администраций в селах постоянных этнокультурных мероприятий (этнических праздников, фестивалей, конкурсов этнической песни, танцев и т.д.) проведение межэтнических кустовых совместных мероприятий и празднеств.

5. По реализации конфессионального аспекта концепции «устойчивое развитие сельских территорий» возможно и необходимо осуществление следующих направлений деятельности: а) содействие возрождению традиционных для каждого села религиозных организаций через максимально беспрепятственную регистрацию и выделение земельных участков для строительства храмов (мечетей) для верующих; б) узаконение налоговых и других финансовых преференций для сельских религиозных общин и для их спонсоров; в) создание и

реализация специальных образовательных программ по целевой подготовке высокообразованных служителей церкви традиционных конфессий на бюджетной основе с последующей отработкой по принципу т.н. сельского священника; г) законодательное закрепление в трудовых графиках и организационная поддержка региональными государственными и муниципальными органами празднования наиболее выдающихся религиозных дат, поддержка паломничества; д) организация пропаганды традиционных этнорелигиозных ценностей жителей данного региона и их поддержка в системе образовательных учреждений (выделение молельных комнат и т.п.).

Выражение признательности

Р.Р. Галлямовым статья выполнена в рамках осуществления государственного задания № АААА-А21–121012290084–6 «Традиционные религии и новые религиозные движения на Южном Урале и в Приуралье: вопросы функционирования, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений» (дата гос. регистрации 22.01.2021).

Acknowledgements

R. Gallyamov carried out the research within the state assignment № АААА-А21–121012290084–6 «Traditional religions and new religious movements in the Southern Urals and Cis-Ural region: functioning, state-confessional and interconfessional relations» (date of registration 22.01.2021).

Список литературы

- Агibalов А.В., Клейменов Д.С., Орехов А.А. Методология разработки стратегии развития сельских территорий: инновационный подход // International Agricultural Journal. 2019. Т. 62, № 4. С. 279–289.
- Галлямов Р.Р. Этноязыковые процессы в Волго-Уральском макрорегионе России в XX веке (на примере Башкортостана и Татарстана) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3(48). С. 81–89. DOI: <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2020-3-48-81-89>
- Галлямов Р.Р., Емелин С.М. Религиозная идентичность жителей полиэтнического российского региона: основные этапы развития (на материалах Республики Башкортостан) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2023. Т. 13, № 1. С. 56–61. DOI: <https://doi.org/10.15350/26191490.2023.1.7>

Греков А.Н. Совершенствование механизма устойчивого развития сельских территорий (на материалах Тамбовской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2015. 24 с.

Итоги ВПН-2020. Т. 5: Национальный состав и владение языками / Федеральная служба государственной статистики. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 20.08.2024).

Карпович О.Г. Глобальные проблемы и международные отношения. М.: Юнити-Дана, 2014. 503 с.

Лаврухина Е.А. Социальные ресурсы развития сельских территорий Российской Федерации (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2013. 40 с.

Макурина Ю.А. Совершенствование управления развитием сельских территорий (на материалах Новосибирской области): дис. ... д-ра экон. наук. Новосибирск, 2022. 274 с.

Меренкова И.Н. Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика. Воронеж: Изд-во НИИЭОАПК ЦЧР РФ, 2011. 265 с.

Муравьева М.В. Мотивационный механизм социально-экономического развития сельских территорий. Саратов: ЦеСАин, 2021. 250 с.

Мурашова Н.В. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий в условиях цифровой трансформации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Княгинино, 2022. 36 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб.: в 2 ч. Ч. 1. Уфа: Башкортостанстат, 2013. 193 с.

Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.): стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2006. 198 с.

Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. бюллетень. Уфа: Башкортостанстат, 2012. 58 с.

Прока Н.И., Третьякова Л.А. Устойчивое жизнеобеспечение как индикатор качества жизни населения сельских территорий. Орел: Орлик, 2009. 256 с.

Стовба Е.В. Стратегия устойчивого развития сельских территорий региона (на материалах нечерноземной зоны Республики Башкортостан): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2021. 48 с.

«Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года», утв. распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

Сунцов С.А. История понятия и концепции устойчивого развития // Молодой ученый. 2018. № 41(227). С. 24–28. URL: <https://moluch.ru/archive/227/53010/> (дата обращения: 27.08.2024).

Ураев Р.Р. Региональные аспекты государственной политики в области развития сельских поселений (на примере Республики Башкортостан) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 56–58.

Хагуров А.А., Тамбиянц Ю.Г., Клычев Е.Н., Жукова Т.А., Передерий В.А., Аутлев Д.М., Асланов Ш.С. Устойчивое развитие сельских территорий. Институциональные основания устойчивого развития (управление, экономика, экология и социальная сфера как основные факторы устойчивости общества): монография. Краснодар: Изд-во КубГАУ, 2020. 219 с.

References

Agibalov, A.V., Kleymenov, D.S. and Orekhov, A.A. (2019). [Methodology of development of strategy of development of rural areas: an innovative approach]. *International Agricultural Journal*. Vol. 62, no. 4, pp. 279–289.

Gallyamov, R.R. (2020). [Ethno-linguistic processes in the Volga-Ural macro-region of Russia in the XX century (on the example of Bashkortostan and Tatarstan)]. *Vestnik BIST (Bashkirskiy institut sotsialnykh tekhnologiy)* [Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. No. 3(48), pp. 81–89. DOI: <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2020-3-48-81-89>

Gallyamov, R.R. and Emelin, S.M. (2023). [Religious identity of the residents of the poly-ethnic Russian region at the present stage: main stages of development (by the materials of the republic of Bashkortostan)]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* [Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the Ural-Volga Region]. Vol. 13, no. 1, pp. 56–61. DOI: <https://doi.org/10.15350/26191490.2023.1.7>

Grekov, A.N. (2015). *Sovershenstvovanie mekhanizma ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy (na materialakh Tambovskoy oblasti): avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Development of the mechanism of sustainable rural development (based on the materials

of the Tambov region): Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 24 p.

Itogi VPN-2020. T. 5: *Natsional'nyy sostav i vladeniye yazykami* (2022) [Results of the All-Russian Population Survey 2020. Vol. 5: National composition and language proficiency]. Federal State Statistics Service. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (accessed 20.08.2024).

Karpovich, O.G. (2014). *Global'nye problemy i mezhdunarodnye otnosheniya* [Global problems and international relations]. Moscow: Yuniti-Dana Publ., 503 p.

Khagurov, A.A., Tambiyants, Yu.G., Klychev, E.N., Zhukova, T.A., Perederiy, V.A., Autlev, D.M. and Aslanov, Sh.S. (2020). *Ustoychivoe razvitie sel'skikh territoriy. Institutsional'nye osnovaniya ustoychivogo razvitiya (upravlenie, ekonomika, ekologiya i sotsial'naya sfera kak osnovnyye faktory ustoychivosti obschestva)* [Sustainable development of rural areas. Institutional foundations of sustainable development (management, Economics, Ecology and the social sphere as the main factors of the sustainability of society)]. Krasnodar: KubGAU Publ., 219 p.

Lavrukhina, E.A. (2013). *Sotsial'nye resursy razvitiya sel'skikh territoriy Rossiyskoy Federatsii (sotsiologicheskiy analiz): avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Social resources for rural development of the Russian Federation (sociological analysis): Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 40 p.

Makurina, Yu.A. (2022). *Sovershenstvovanie upravleniya razvitiem sel'skikh territoriy (na materialakh Novosibirskoy oblasti): dis. ... d-ra ekon. nauk* [Management of rural development (based on the materials of the Novosibirsk region): dissertation]. Novosibirsk, 274 p.

Merenkova, I.N. (2011). *Ustoychivoe razvitie sel'skikh territoriy: teoriya, metodologiya, praktika* [Sustainable development of rural areas: theory, methodology, practice]. Voronezh: RIEOAIC of CBER Publ., 265 p.

Murashova, N.V. (2022). *Obespechenie ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy v usloviyakh tsifrovoy transformatsii: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Ensuring sustainable development of rural areas in the context of digital transformation: Abstract of Ph.D. dissertation]. Knyaginino, 36 p.

Murav'eva, M.V. (2021). *Motivatsionnyy mekhanizm sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya sel'skikh territoriy* [Motivational mechanism of socio-economic development of rural areas]. Saratov: CeSAin Publ., 250 p.

Natsional'nyy sostav i vladenije yazykami, grazhdanstvo naseleniya Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g.: stat. sb. v 2 ch. (2013) [Ethnic composition and language proficiency, citizenship of the population of the Republic of Bashkortostan according to the All-Russian Population Census of 2010: stat. collection: in 2 parts]. Ufa: Bashkortostanstat Publ., part 1, 193 p.

Natsional'nyy sostav naseleniya Respubliki Bashkortostan (po dannym Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g.): stat. sb. (2006) [Ethnic composition of the population of the Republic of Bashkortostan (according to the All-Russian Population Census of 2002): stat. collection]. Ufa: Bashkortostanstat Publ., 198 p.

Natsional'nyy sostav naseleniya Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g.: stat. byulleten' (2012) [Ethnic composition of the population of the Republic of Bashkortostan according to the 2010 All-Russian Population Census: statistical bulletin]. Ufa: Bashkortostanstat Publ., 58 p.

Proka, N.I. and Tret'yakova, L.A. (2009). *Ustoychivoe zhizneobespechenie kak indikator kachestva zhizni naseleniya sel'skikh territoriy* [Sustainable life support as an indicator of the quality of life of the population of rural areas]. Orel: Orlik Publ., 256 p.

Stovba, E.V. (2021). *Strategiya ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy regiona (na materialakh nechernozemnoy zony Respubliki Bashkortostan): avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [Strategy of sustainable development of rural areas of the region (based on the materials of the Non-Chernozem zone of the Republic of Bashkortostan): Abstract of Ph.D. dissertation]. Yekaterinburg, 48 p.

«*Strategiya ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda*», *utverzhdannaya rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 2 fevralya 2015 goda. № 151-r* [«Strategy for Sustainable Development of rural areas of the Russian Federation for the period up to 2030», approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated February 2, 2015, No. 151-R]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf> (accessed 20.08.2024).

Suntsov, S.A. (2018). [The history of the idea and concept of sustainable development]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. No. 41(227), pp. 24–28. Available at: <https://moluch.ru/archive/227/53010/> (accessed 27.08.2024).

Uraev, R.R. (2014). [Regional aspects of state policy in the field of rural settlement development (on the example of the Republic of Bashkortostan)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 10, pp. 57–58.

Об авторах

Галлямов Рушан Рахимзянович

доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник

Институт этнологических исследований
им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального
исследовательского центра
Российской академии наук,
450077, Республика Башкортостан, Уфа,
ул. К. Маркса, 6;
e-mail: gal-rushan@yandex.ru
ResearcherID: O-4755-2015

Ураев Раиль Рауфович

кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой социально-экономических
и гуманитарных дисциплин

Башкирский государственный
аграрный университет,
450001, Республика Башкортостан, Уфа,
ул. 50-летия Октября, 34;
e-mail: rail_uraev@mail.ru
ResearcherID: LKM-1322-2024

About the authors

Rushan R. Gallyamov

Doctor of Sociology, Professor,
Chief Researcher

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Research
of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences,
6, K. Marx st., Ufa, Republic of Bashkortostan,
450077, Russia;
e-mail: gal-rushan@yandex.ru
ResearcherID: O-4755-2015

Rail R. Uraev

Candidate of Sociology, Docent,
Head of the Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines

Bashkir State Agrarian University,
34, 50th Anniversary of October st., Ufa,
Republic of Bashkortostan, 450001, Russia;
e-mail: rail_uraev@mail.ru
ResearcherID: LKM-1322-2024

УДК 316.353:316.74

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-594-608>

EDN: ZTOPGO

Поступила: 03.06.2024

Принята: 18.08.2024

Опубликована: 27.12.2024

ПОСЕТИТЕЛЬСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ИНТЕРЕСАНТОВ ГОРОДСКИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: ТРЕХКОМПОНЕНТНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ И УПРАВЛЕНИЮ

Шелгинская Виктория Алексеевна

*Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург)*

В статье исследуются особенности восприятия различных элементов социокультурных мероприятий, на основании которых могут быть оптимизированы управленческие решения для достижения стратегических целей инициатора мероприятия. Предложен трехкомпонентный принцип рассмотрения структуры процессов, имеющих место при реализации мероприятия: управление инфраструктурой (материальная среда), информационно-коммуникационное управление (информационная среда), социальное управление (социальная среда). Использование данного принципа в качестве методологического позволило реализовать комплексный подход к исследованию, релевантный объективным условиям деятельности в социокультурной среде. На основе эмпирического исследования показаны особенности восприятия интересантами мероприятий различных элементов мероприятия и организационных работ, их мотивации при посещении. Раскрываются источники получения информации о мероприятии, оценки ее значимости и вторичные аудитории ее распространения. Показываются особенности социального взаимодействия посетителей на мероприятии, включая аспект влияния представителей референтных групп или личностей. Прослеживаются взаимосвязи ряда элементов мероприятия с такими факторами, как городская специфика, тип посещаемых обычно мероприятий, пол и возраст. На уровне дискуссии раскрывается проблема гетерогенности общности интересантов мероприятий, выделяется ряд направлений для дальнейших исследований на основе таблицы анализа сопряженности переменных, выдвигается гипотеза о недетерминированности пребывания на самом мероприятии. На рекомендательном уровне при управлении мероприятиями аргументируются: интегративный подход к коммуникационной политике вместо интегрированного, ориентация на выявленную специфику при привлечении посетителей с учетом вариативности и гибкости поведения и восприятия оных на самом мероприятии, потенциал социальных технологий при работе с посетителями. Полученные результаты и выводы представляют интерес для специалистов в сфере креативных индустрий или социального управления в сфере культуры, использующих ивент-мероприятия для достижения стратегических целей организации.

Ключевые слова: публика, организация массовых мероприятий, восприятие потребителя, городской фестиваль, фестивали молодежи, передача ценностей, ценности социальной группы, специальное событие, досуг горожан, интересы социальной группы, культурный досуг, социокультурная среда города, социальное управление, сфера культуры.

Для цитирования:

Шелгинская В.А. Посетительские предпочтения интересантов городских социокультурных мероприятий: трехкомпонентный подход к исследованию и управлению // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 594–608. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-594-608>. EDN: ZTOPGO

PREFERENCES OF THOSE INTERESTED IN URBAN SOCIO-CULTURAL EVENTS: A THREE-COMPONENT APPROACH TO RESEARCH AND MANAGEMENT

Victoria A. Shelginskaya

Ural Institute of Management (Branch) of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg)

The article examines the perception of various elements of sociocultural events based on which management decisions can be optimized to achieve the strategic goals of the initiator. A three-component principle is proposed for considering the structure of event-management processes: infrastructure management (material environment), information and communication management (information environment), social management (social environment). Using this principle as a methodological basis made it possible to implement a comprehensive approach to research that is relevant to the objective conditions of the sociocultural environment specifics. Based on an empirical study, the article shows the peculiarities of perception of various elements of events and of organizational work by those interested, demonstrates their motivation. The paper reveals sources of obtaining information about the event, assessing its significance, and secondary audiences for its dissemination. The features of social interaction between visitors of events are shown, including the aspect of influence of reference groups or individuals. The author traces the relationships between a number of elements of the event and such factors as the city specifics, the type of events usually attended, gender, and age. In the discussion section, the paper highlights the problem of heterogeneity in the community of those interested in events, identifies a number of vectors for further research based on the table of contingency analysis, puts forward a hypothesis about interdeternacy of staying at social events. The article argues for: the integrative approach to communication policy instead of the integrated one; focus on the identified specifics when attracting visitors while taking into account variability and flexibility of their behavior and perception at the event itself; focus on the potential of social technologies when working with visitors. The results and conclusions obtained are of interest to specialists in creative industries or social management in the field of culture who use event activities to achieve the strategic goals of organizations.

Keywords: society, public opinion, event management, consumer perception, city festival, youth culture, special event, citizens' leisure, interests of a social group, values of a social group, culture leisure, socio-cultural space, social management, consumer behavior, consumers attitude.

To cite:

Shelginskaya V.A. [Preferences of those interested in urban socio-cultural events: a three-component approach to research and management]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 594–608 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-594-608>, EDN: ZTOPGO

Введение

Массовые мероприятия досуговой сферы сопровождали развитие общества с ранних его этапов. При этом непосредственно развлекательная функция не всегда была приоритетной при реализации подобных мероприятий, тогда как функции коммуникации [Каверина Е.А., 2017], ценностно-поведенческого формирования и даже «генерации социальной реально-

сти» [Герасимов С.Г., 2023] неизменно представляют интерес как для коммерческого сектора, так и для государственного социального управления. Акцент на данной функции получил отражение в определенных изменениях понятийно-категориального аппарата, где на смену развлекательным формам мероприятий (праздникам, фестивалям и пр.) приходят «ивент-мероприятия» и «специальные собы-

тия», предполагающие достижение трансформационных целей по отношению к аудитории и посетителям.

Стратегический аспект данной сферы получил импульс к активному исследованию, развитию и совершенствованию в Указе Президента «О национальных целях развития Российской Федерации» до 2030–2036 гг., в котором устанавливаются перспективные ориентиры развития данной сферы с социально-управленческой (п. 3а: «создание условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности» [Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309]) и отраслевой точек зрения (п. 6ф «увеличение доли креативных (творческих) индустрий») [Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309]).

При этом достижение указанных целей невозможно без критического осмысления существующей ситуации. В частности — без оценки свойств управляемой подсистемы, посетителей, в части особенностей их восприятия, предпочтений, ожиданий, мотивации и пр., на основе данных о которых могут быть разработаны эффективные, соответствующие отраслевой или иной специфике управленческие решения.

При этом, изучая научные и научно-популярные публикации в данной области, мы видим достаточно высокий интерес исследователей из различных областей (от политологии до педагогики) к теме реализации социокультурных городских массовых мероприятий (далее — ГММ) или, иначе, ивент-мероприятий [Рыбакова О.В., 2022; Богатырев К.А., 2022; Мишина Т.В. и др., 2020]. Несмотря на это, по-прежнему существует недостаток детальных эмпирических исследований особенностей восприятия и посетительских предпочтений, которые бы позволили управлять ивент-деятельностью эффективно, отталкиваясь от понимания групповых или общностных особенностей, влияющих на качественную интерпретацию элементов мероприятия и оценку их значимости.

Предпосылки к исследованию

К настоящему моменту существует некоторое количество исследований ожиданий и предпочтений посетителей ГММ культурно-досугового и досугово-развлекательного характера, в которых действительно встречаются примечатель-

ные выводы и которые позволяют установить общее направление исследовательской мысли в данном вопросе. При этом необходимо отметить два аспекта, которые свидетельствуют об определенной разрозненности их подходов.

Первый аспект относится к проблеме выработки теоретико-методологических оснований структуры исследования (и вопросов к респондентам), которые бы соответствовали особенностям управления организацией мероприятия в современных условиях. Многие исследования последних лет не имеют четко определенной структуры, авторы руководствуются частными задачами (например, установления факта удобства места или времени, привлекательности того или иного формата, оценки качества мероприятия и т.д.) [Мартышенко Н.С., 2020; Толстяков Р.Р. и др., 2021; Землянская А.С., Савостин Д.А., 2020]. Среди примечательных комплексных исследований можно, например, отметить работу В.П. Устинова и соавт. [Устинов В.П. и др., 2014], которая посвящена психологическим аспектам проведения и посещения мероприятий; Е.П. Поповой [Попова Е.П., 2022], в которой проводится сегментирование потребителей событийного туризма. Отметим также некоторые исследования зарубежных авторов: М.-А. Stricklin и G. Ellis, структурировавших элементы мероприятия на художественные и технические [Stricklin M.-A., Ellis G.D., 2018]; A. Dalgıç и K. Birdir, исходящих из принципов теории систем [Dalgıç A., Birdir K., 2020]; Y. Ait Kertoum и K. Anasse, основывающихся на принципах «полисистемности» и определения различных «сил, которые формируют производство и восприятие культурных событий в городской среде» (перевод наш. — В.И.) [Ait Kertoum Y., Anasse K., 2024]. Таким образом, мы по-прежнему испытываем недостаток в комплексных социологических исследованиях особенностей восприятия посетителями массовых социокультурных мероприятий.

Второй аспект относится к особенностям эмпирической базы. Среди представленных в научно-дискуссионном поле исследований последних лет значительная доля ориентирована на группы подростков и студентов [Мартышенко Н.С., 2020; Горбунова Н.А., Комраков Р.В., 2021; Одинцов А.В., 2019], а также имеет дело с ситуативными случайными группами, посетителями каких-либо конкретных мероприятий

[Галушкин А.Б., 2021; Скрипникова Н.Н., Шущарина Е.С., 2019; Булганина С.В. и др., 2021]. Это ограничивает эвристический потенциал, сводя наши знания об особенностях восприятия массовых мероприятий к особенностям восприятия отдельных мероприятий и отдельных групп посетителей, находящихся в эмоционально измененном состоянии после или во время посещения мероприятия.

Вышеизложенное обусловило ряд поставленных *исследовательских задач*:

1) разработать комплексный подход к структуре исследования, учитывающий те аспекты организации мероприятий, которые соответствуют и отражают объективные условия, в рамках которых вынужден оперировать организатор мероприятия на современном этапе;

2) проверить гипотезу о различии восприятия аспектов мероприятий в зависимости от типа города (городской специфики);

3) охарактеризовать существующие различия по каждому типу.

Концептуальные основы

Отправной точкой к построению структуры исследования послужило рассмотрение составляющих не какого-либо отдельного мероприятия, а ключевых составляющих социокультурного пространства города в целом. Руководствуясь принципом иерархичности в формировании социокультурных суперсистем из совокупности подсистем меньшего уровня (П. Сорокин) [Головин Н.А., Русанова В.С., 2023], автор полагает целесообразным такой подход, поскольку в микросистеме (которой является социокультурное пространство отдельного мероприятия по отношению к городскому) пропорционально воспроизводятся те же составляющие, что и в крупной системе. Поскольку ивент-мероприятие, в свою очередь, является пространством формирования локальной социокультурной реальности [Mair J., Smith A., 2022], то справедливо и обратное: оно может служить основой для формирования качественных состояний системы более высокого уровня. Подобного рода двусторонняя взаимосвязь актуализирует проблему выработки оптимальной управленческой стратегии и технологии не только на уровне отдельного бизнеса, но и на уровне интересов отдельных территорий и государства в целом.

На общем уровне теоретико-методологическими основаниями рассмотрения составляющих (или «уровней») социокультурного пространства служат классические подходы: социологический, культурно-семиотический и средовой [Романова Н.В., 2015]. Соответственно, переходя с общего уровня на частный, по отношению к отдельному мероприятию, можно выделить следующие составляющие его среды: материальную, информационную и социальную.

Материальная среда реализуется в инфраструктуре мероприятия. Под инфраструктурой в данном случае понимаются составные элементы общего устройства мероприятия: декоративные, программные, логистические и т.д. Управление процессами в конкретной материальной среде соответствует непосредственной организации мероприятия: площадки, оформление, содержательное наполнение и пр.

Информационная среда охватывает процессы распространения и восприятия информации о мероприятии (его имидже и т.д.) перед его началом и после окончания. В ней происходят такие значимые процессы, как формирование предварительного отношения к мероприятию, знакомство с концепцией, содержанием и организаторами и пр. Управление процессами данной группы ориентировано как на рефлексивные задачи (сбор обратной связи, оценка настроений, ожиданий), так и может быть использована в целях формирования ожидаемого и желаемого образа мероприятия.

Социальная среда охватывает процессы взаимодействия между представителями организующей стороны (организаторами, волонтерами, ведущими и пр.) и посетителями, а также между самими посетителями в процессе совместной деятельности, единого эмоционального сосредоточения внимания или групповой идентификации [Wood E.H., Kinnunen M., 2020; Templeton A., 2021]. При этом в существующей практике в основном принимается во внимание только первый аспект, тогда как второй остается предметом концептуальной разработки.

Следует отметить, что данные группы разделяются в зависимости от доминирующего типа среды, тогда как, без сомнения, возможно и частичное пересечение в данных группах. Например, проводя коммуникационную кампанию в сети Интернет, организатор оперирует в среде одновременно информационной и социальной

составляющими. Однако эта особенность носит уточняющий характер. Таким образом, рассмотрение вопросов управления мероприятием («управления ивент-деятельностью») целесообразно проводить в указанной неделимой триаде, охватывающей и взаимосвязывающей ключевые сферы мероприятия, подлежащие управленческому воздействию. Соответственно, и комплексная оценка посетительских предпочтений предполагает рассмотрение каждого из трех аспектов для формирования целостного представления.

Вышеуказанные три компонента также можно рассматривать не только как составляющие организационно-управленческого комплекса, но и как структурные элементы ценностно-мотивационной системы, направленной на формирование (преобразование) личностных свойств. Передача ценностей становится возможной на различных уровнях коммуникационного воздействия на посетителей. В частности, на уровнях, соответствующих вышеуказанным трем компонентам: в рамках инфраструктурной компоненты — на символическом уровне, в рамках информационной компоненты — на вербальном и знаковом, в рамках социальной компоненты — на вербальном и кинетическом. Передача мотивирующего стимула может быть реализована в рамках социальной (социальное вовлечение, вовлечение через привлекательный пример и т.д.) и информационной (формирование заинтересованности, персональной значимости и т.д.) компонент. Таким образом, качественное преобразование адресатов коммуникационного сообщения зависит от особенностей выбора коммуникационных каналов и средств, от степени их соответствия существующим особенностям посетительского восприятия.

Материалы и методы

Контекст нашего исследования сосредоточен на анализе особенностей восприятия различных аспектов мероприятий горожанами. Это подразумевает наличие у них актуального посетительского опыта, определенной насмотренности в данном предмете. Соответственно, именно т.н. событийно-активные горожане (горожане, заинтересованные и посещающие открытые городские мероприятия) представляют объект исследовательского интереса в данном случае. При этом в городском населении пред-

ставлены группы горожан, посещающих мероприятия и проявляющих интерес к этому виду досуга, а также не посещающие и не заинтересованные группы. С управленческой точки зрения, изучение особенностей восприятия, в основе которого нет непосредственного и актуального посетительского опыта, может привести к искажению результатов, на основе которых могут быть выработаны не соответствующие специфике целевых групп управленческие решения. В подобном случае целесообразен специализированный отбор из известных подсовокупностей с применением стратифицирующего фактора (критерия) при сохранении вероятностного характера отбора и долевых отношений. Подобный подход к формированию выборок оправдан в случае, если некоторые подгруппы исследуемой совокупности способны значительно повлиять на характер исследуемых переменных.

Таким образом, исследование проводилось по стратифицированной выборке ($n = 540$). Стратифицирующим критерием послужил критерий заинтересованности и готовности к посещению социокультурных ГММ. Процедура стратификации включала следующие этапы: аналитический (изучение, анализ результатов смежных исследований в области городского досуга, проведенных специализированными организациями или отдельными исследователями) и полевой (определение возрастных групп горожан, в которых фиксировалось наибольшее количество отрицательных ответов относительно опыта и заинтересованности в посещении открытых городских мероприятий: среднего возраста 46–55 лет (около 30 %) и 56–65 лет (свыше 60 %), 65 лет и старше (более 70 %)). Структура полученной выборки отражает распределение населения Свердловской области по возрастному (при ограничении: старше 18 лет, т.к. большинство мероприятий подразумевает этот пороговый ориентир), гендерному (52 % женщин) и территориальному (пропорционально доле городского населения в областных городах различного типа: чуть менее половины — мегаполис, треть — малые города, остальное — крупные и большие города) признакам с поправкой на стратифицирующий критерий.

Группы задаваемых респондентам вопросов соответствовали одной из трех выделенных ранее компонент: организации материальной сре-

ды мероприятия, организации информационного сопровождения мероприятия и особенностям социального взаимодействия. Предлагаемые варианты ответов были сформулированы так, чтобы отразить какие-либо из коммуникативных средств в рамках исследуемых компонент.

Результаты

Прежде чем рассматривать каждую группу вопросов, отметим, что среди опрошенных из мегаполиса несколько более востребованы мероприятия частного (коммерческого) организатора — 33 %, тогда как городские мероприятия больше привлекательны для жителей крупного. Проявляются также различия в мотивации к посещению мероприятий, с высокой долей вероятности связанные с типом поселения. Несмотря на то, что доминирует пассивно-развлекательная ориентация (45 % упоминаний), существуют различия в дополнительных мотивах. Интересантам из города-миллионера сравнительно более значимо получить новый опыт (13 %), из мегаполиса и крупного — узнать нечто новое (до 30 % упоминаний), а из малого — проявить социальную активность, пообщаться (24 % упоминаний). Мотивация общения и нового опыта более выражены среди

женщин, тогда как среди мужчин — познавательная и развлекательная.

Материальная среда (инфраструктура) мероприятия

Одними из важнейших элементов инфраструктуры являются те, наличие которых привлекает посетителя к посещению и предпочтению конкретного мероприятия. На рис. 1 мы можем увидеть следующие различия в предпочтениях и общие доминанты восприятия. Они указывают на элементы, присутствие которых посетители ожидают и которые могут повлиять на их решение. Женщины сравнительно чаще отмечают значимость выступлений, деятельностных активностей и ярмарок, тогда как мужчины — оформление, возможности для общения и интерактивы.

При этом доминирующая триада «выступление – оформление – ярмарки» более выражена для городских и коммерческих мероприятий. Значимость выступлений и оформления менее выражена у тех интересантов, кто чаще посещает клубно-студийные мероприятия (хотя у них более выражены ожидания деятельностного опыта, конкурсной программы и социальной активности).

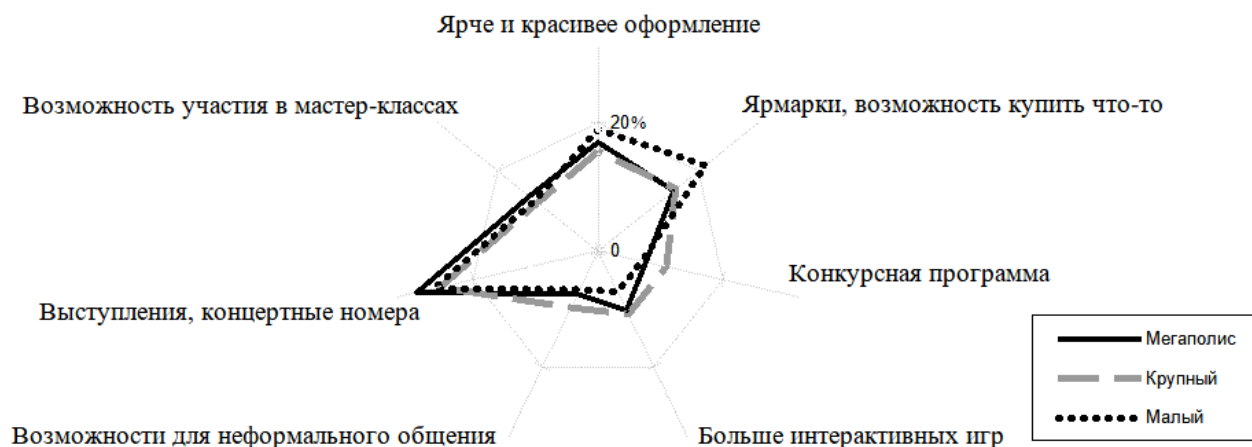

Рис. 1. Привлекательность различных элементов программы мероприятия в восприятии интересантов (% от числа ответов)

Fig. 1. Attractiveness of various elements of the event in the perception of the interested (% of the answers)

Почти у половины опрошенных выражено пассивное поведенческое намерение (наблюдать за программой выступлений — 48 %), хотя респонденты из различных городов также достаточно расположены к взаимодействию с участ-

никами (12 %). Среди опрошенных из крупного города был проявлен неожиданный рост предпочтений в деятельностном участии (мастер-классы и игровые зоны — 24 % против 15–17 % в других городах; готовность к взаимодействию

с ведущими — 14 % против 8–10 % в других городах). Деятельностное поведенческое намерение более проявлено в ответах женщин (29 % ответов в группе), готовность к общению — в ответах мужчин (27 % ответов в группе).

С точки зрения инфраструктуры, не менее важно учитывать не только привлекающие к посещению мероприятия элементы, но и те, которые представляют интерес для посетителя уже

на месте проведения. Как видно из рис. 2, при ряде общих оценок, в зависимости от места проживания, различается оценка значимости таких элементов, как тема (тематика) мероприятия, стиль и особенности ведения программы, возможности для неформального общения и взаимодействия посетителей, гастрономические удобства.

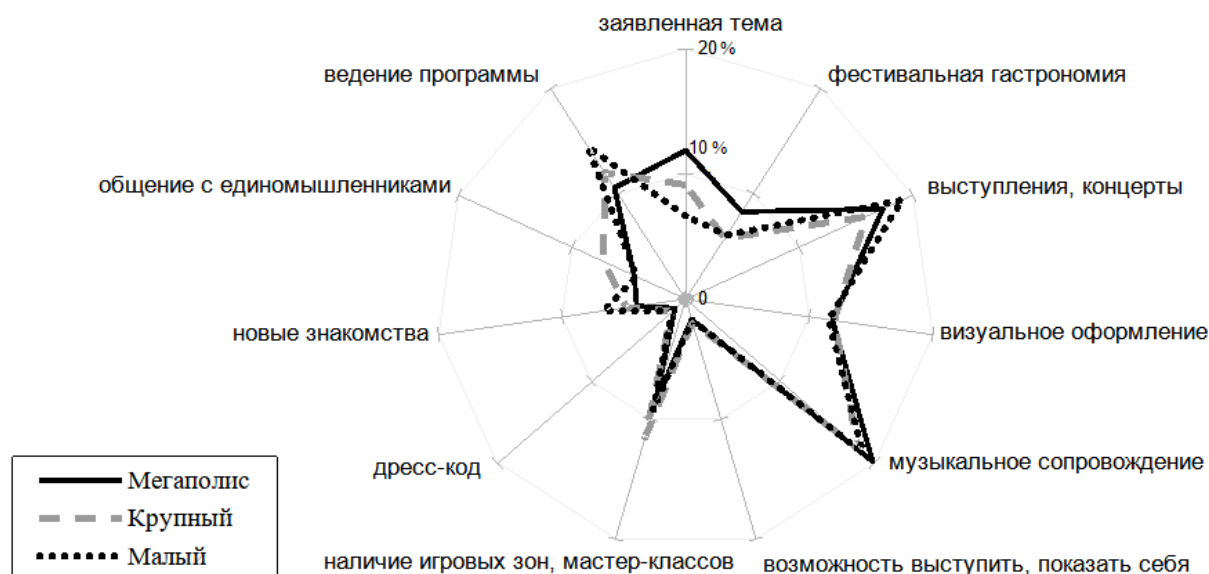

Рис. 2. Восприятие интересантами значимости различных элементов мероприятия (% от числа ответов)

Fig. 2. Significance various elements of the event in the perception of the interested (% of the answers)

Наконец, управление инфраструктурой подразумевает целый комплекс процессов, связанных с различными элементами мероприятия. Важность тех или иных элементов отмечена выше на рис. 2., тогда как на рис. 3 показана оценка респондентами значимости того или иного вида организационно-управленческих работ, связанных с данными элементами. Здесь также можно увидеть как определенные различия (по городам), так и сходства с представленной выше оценкой значимости различных элементов. Мужчинам сравнительно более значимы этапы режиссирования, организации работы обеспечивающих специалистов; женщинам — соблюдение расписания, организация работы ведущих и волонтеров.

С точки же зрения значимости тех или иных этапов организации и проведения мероприятия для самих посетителей отметим такие периоды: 1) непосредственно на мероприятии (наблюдение за программой (29 %) и участие в предлагаемых активностях (11 %)); 2) перед мероприятием (поиск и изучение информации, в т.ч. в социальных медиа (21 %) и поиск компании для совместного визита (9 %)).

Информационная среда мероприятия

Информационная среда мероприятия

В данной группе вопросов представляет интерес оценка особенностей распространения и потребления информации, значимость различных источников и адресатов.

Интересанты из малого города ориентированы только на организационную информацию (дата, место, время начала и пр.) (44 % в группе против 36 % в остальных), тогда как в крупном городе интересантам важна комплексная информация о мероприятии, в процессе ее изучения складывается их посетительское намерение (22 % в группе против 15 % в остальных).

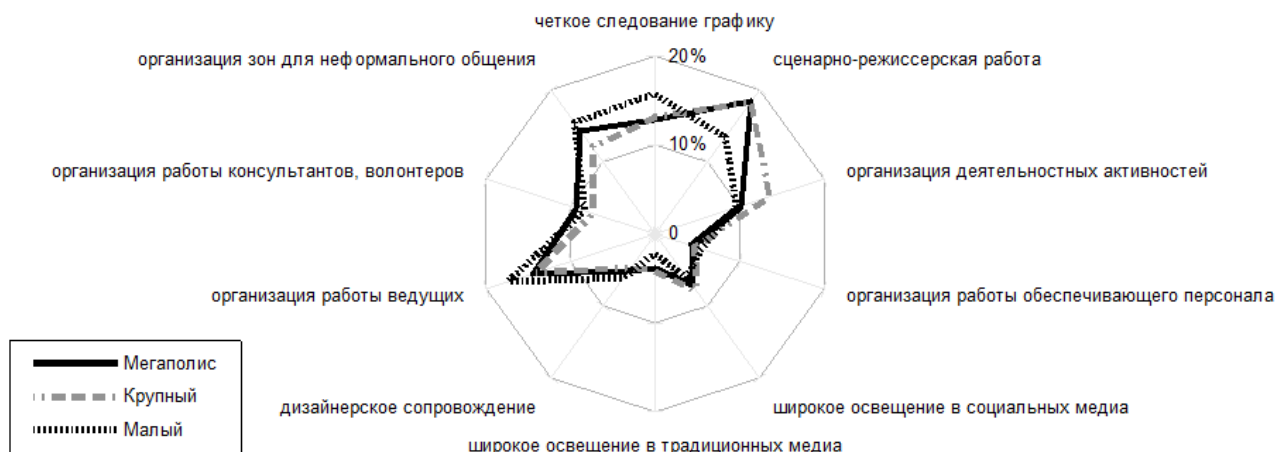

Рис. 3. Восприятие интересантами значимости различных организационных работ (% от числа ответов)

Fig. 3. Significance of various kinds of work in the perception of the interested (% of the answers)

Среди респондентов из крупного города на треть меньше тех, кто узнает о мероприятии в процессе непосредственного общения (только 20 %, тогда как в малом и мегаполисе — практически треть респондентов), а среди респондентов из малого города — самое малое количество заинтересованных в изучении официальных событийных порталов города (менее 10 %). В целом, наиболее востребованным источником являются социальные сети (44 % опрошенных), личное общение (треть) и традиционная реклама (афиши, теле- и радиопрограммы, до 20 % опрошенных).

Не менее интересно оценить и обратный процесс: склонность изучать информацию о мероприятии (отзывы, репортажи и пр.) после мероприятия, т.к. такое изучение способно повлиять на восприятие положительных и отрицательных аспектов посещения [Сергеев Л.И., 2021; Wang Y. et al., 2021]. Здесь также проявлены некоторые особенности. В малом городе интересанты индифферентны наиболее всего (больше ответов «мне все равно» и «не обязательно» — до 45 %), в крупном — менее всего (до 20%, при этом заинтересованных и потенциально подверженных влиянию этих отзывов здесь больше всего, 60 %). Почти треть интересантов из мегаполиса категорично не заинтересованы в источниках и информации такого рода.

Условиями рекомендации мероприятия к посещению в основном является качество собственно развлекательно-рекреационного опыта

(46 %), уверенность в интересности тематики мероприятия, формата проведения (33 %). Повторное совместное посещение было указано только в 14 % случаев, что примечательно, если принять во внимание значимость такого этапа, как поиск компании.

При оценке особенностей распространения информации важно понимать состав т.н. вторичных аудиторий — тех групп людей, которые, не являясь посетителями мероприятия, тем не менее получают информацию (как общего, так и идейного характера) от тех, кто на нем побывал. Чаще всего ими являются друзья (38 %), близкие (28 %), коллеги (21 %), при учете, что выбор той или иной группы связан с возрастной и гендерной группой интересанта. В редких случаях респонденты склонны делиться своими впечатлениями в открытом доступе, например, на персональных страницах в социальных сетях (10 % и менее), хотя, как показано выше, получают информацию о мероприятии чаще всего именно из подобных источников. Подобное несоответствие свидетельствует об определенных проблемах в коммуникативной политике организаторов или даже в том, как ими реализуется «материальная» часть рассматриваемого комплекса.

Социальная среда мероприятия

В данной группе вопросов нас интересуют два аспекта: особенности социального взаимодействия посетителей и восприятие ими «особен-

ных» людей — тех, которые субъективно выделяются и могут быть рассмотрены как потенциальные примеры для подражания.

Большинство опрошенных в целом открыты к взаимодействию, но не склонны инициировать его сами (63 %), а 26 % заявили о более активной поведенческой стратегии. Среди завсегдатаев городских мероприятий больше всего не расположенных к какому-либо взаимодействию (20 %), среди посетителей клубных — больше всего активных (33 %). При этом в половине случаев интересанты готовы не только взаимодействовать, но и заводить знакомства, а еще около 10 % рассчитывают на большое их количество. Несмотря на это, они не склонны к долгосрочному знакомству и взаимодействию: обмениваться контактными данными готовы только 44 %, что, в принципе, соответствует описанному выше.

Можно заключить, что социальное взаимодействие в границах мероприятия рассматривается как минимум как допустимое и приемлемое, а как максимум — как элемент, приносящий посещению мероприятия дополнительную ценность. При этом оно предполагает отсутствие обязательств и заключение в пространственно-временные границы мероприятия. Этот вывод представляется уместным, принимая во внимание, что пространство массового мероприятия действительно представляет собой пространство «третьего места» [Харченко Л.Н., 2021] в значении нейтрального, формально не регламентированного пространства, не предполагающего церемоний и обязательств.

Значимые личности и представители референтных для потенциального посетителя групп способны оказывать влияние как на принятие решения и выбор мероприятия, так и на особенности времяпрепровождения на самом мероприятии. Среди наших респондентов менее пятой части ответили, что им совершенно не важно присутствие на мероприятии личности, чем-либо привлекавшей их внимание (уважение, восхищение и пр.). Остальные так или иначе этим интересуются: 23% ответили, что от этого зависит их собственное посещение мероприятия (таковых больше всего в малом городе), 28 % просто интересно это знать (среди интересантов из

мегаполиса), а треть ответила, что это было бы интересным дополнением или даже «сюрпризом» (больше всего таких в крупном городе).

Завершая представление результатов, уделим внимание выбору той или иной потенциальной референтной персоны (представителя референтной группы) из числа присутствующих или приглашенных на мероприятие. Представим их в порядке убывания частоты упоминаний: танцоры, спортсмены и другие выступающие сценической программы (21 %), мастера своего дела, специалисты-практики, мастера-ремесленники и пр. (16 %), просто некоторые посетители (11 %), медийные персоны и блогеры (10 %), ведущие программы и мастер-классов, лекторы-спикеры (менее 10 % каждый). При этом завсегдатаи мероприятий различных типов склонны несколько по-разному оценивать этот элемент социальной среды мероприятия (рис. 4). Лишь 20 % отметили, что для них таковой личностью не может являться никто из предложенных примеров.

Обсуждение

Установив сам факт разнообразия и определенных различий посетительских предпочтений, открытым остается вопрос о том, какой именно переменной обуславливаются эти различия, поскольку помимо городской специфики, кратко охарактеризованной выше, она может определяться другими факторами. В таблице представлены обобщенные результаты анализа сопряженности с использованием критерия хи-квадрат (χ^2), коэффициентов Пирсона и Крамера, которые показывают степень вероятности, с которой различия в исследуемых переменных могут обуславливаться основными социально-демографическими факторами.

Так, влияние типовой специфики мероприятия и гендерного фактора более всего выражено в отношении элементов инфраструктуры; возрастной и городской факторы оказывают большее влияние в сфере информационной; на различия в социальной активности и восприятии элементов данной группы в большинстве случаев влияние определяется типом мероприятия, возрастной группой и образованием.

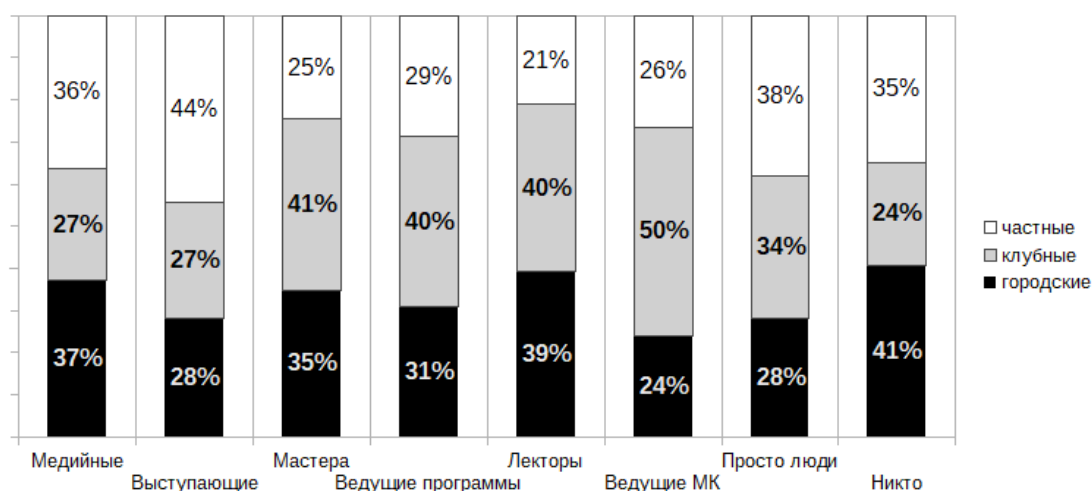

Рис. 4. Типы референтной личности в зависимости от типа мероприятия (% от числа ответов)

Fig. 4. Types of reference personality depending on the type of event (% of the answers)

Обобщающая таблица анализа сопряженности переменных

Summary table of contingency analysis of variables

Переменная*	Пол	Город	Возраст	Образование	Тип
Материальная среда (инфраструктура мероприятия)					
Цель посещения	Вероятна (C=0,31; V=23)	Вероятна (C=0,33; V=0,24)	Вероятна (C=0,5; V=0,4)	x	x
Предпочтения в выборе мероприятия	Вероятна (C=0,25; V=20)	x	Вероятна (C=0,5; V=0,4)	x	Вероятна (C=0,3; V=0,2)
Поведение на мероприятии	Вероятна (C=0,21; V=0,15)	x	x	Возможна	x
Важное в мероприятии	x	x	x	x	x
Важность этапа	x	x	x	x	x
Главное в организации	Вероятна (C=0,34; V=0,25)	x	Вероятна (C=0,5; V=0,4)	Возможна	x
Информационная среда					
Изучают информацию перед	x	Вероятна (C=0,23; V=0,17)	Вероятна (C=0,4; V=0,3)	x	x
Влияние мнения ближнего окружения	x	x	Вероятна (C=0,4; V=0,3)	x	x
Влияние мнения дальнего окружения	Возможна	x	Вероятна (C=0,4; V=0,3)	x	Вероятна (C=0,2; V=0,2)
Состав вторичной аудитории	Возможна	x	Вероятна (C=0,4; V=0,3)	x	x
Готовность воспринимать коррекцию	x	Вероятна (C=0,36; V=0,28)	Вероятна (C=0,4; V=0,3)	Вероятна (C=0,4; V=0,3)	x
Социальная среда					
Взаимодействие с посетителями	x	x	x	Вероятна (C=0,4; V=0,3)	Вероятна (C=0,2; V=0,2)
Готовность заводить знакомства	Вероятна (C=0,06; V=0,04)	x	Вероятна (C=0,4; V=0,3)	x	Возможна
Интерес к наличию референтных групп	x	Возможна	Вероятна (C=0,4; V=0,3)	Вероятна (C=0,3; V=0,2)	x
Долгосрочное взаимодействие (после)	x	x	x	x	Вероятна (C=0,2; V=0,2)
Значимая личность (пример для подражания)	x	x	Вероятна (C=0,6; V=0,6)	Вероятна (C=0,4; V=0,3)	Вероятна (C=0,3; V=0,2)

* C — коэффициент Пирсона, V — коэффициент Крамера, при $p \leq 0,05$; x — не выявлено статистически значимых вероятностей взаимосвязи переменных

* C — Pearson coefficient, V — Cramer's coefficient for $p \leq 0,05$; x — no statistically significant probabilities of inter-relationship between variables were found

Необходимо добавить, что основной массив исследуемых переменных был представлен в номинальной или упорядоченной номинальной форме, ввиду чего установление наличия (отсутствия) однозначных причинно-следственных зависимостей представляет собой задачу дальнейших исследований. Однако, руководствуясь полученными вероятностями зависимостей, можно оптимизировать этот процесс, исключив заведомо бесперспективные пары. Кроме того, это дает возможность для дальнейшего построения многоуровневых зависимостей: так, например, переменная «город» (городская специфика как фактор влияния) включает в себя как фактор образования (например, в моногородах горожане преимущественно имеют среднее специальное образование и узкую профессиональную направленность, что может влиять на их посетительские предпочтения), так и фактор типовой принадлежности мероприятия (в мегаполисах, например, разнообразие праздничных форм, форматов и типов мероприятий шире, что не может не влиять на их восприятие, сравнительное ранжирование и посетительский опыт). Таким образом, при наличии фактических различий в восприятии интересантами элементов мероприятия, их социальных особенностей и специфики реакции на информационное стимулирование, перед нами существует перспективное поле дальнейших исследований, которые позволят конкретизировать детерминанты восприятия. Тем не менее, полученные результаты уже могут быть использованы для выработки управленческих решений или использованы в смежных исследованиях в сферах социального управления в сфере культуры, проектного управления и пр.

Заключение

В представленном выше исследовании было решено несколько задач, что позволило дополнить наше знание о восприятии массовых мероприятий интересантами и соответствующим образом выявить ряд аспектов, на которые целесообразно обратить внимание при управлении событийной (ивент) деятельностью в отдельных случаях.

В материальной среде мероприятия целесообразно ситуативное управление элементами, связанными с такими переменными, как цель,

предпочтения при выборе и оценка того, что по мнению целевой аудитории важно при реализации мероприятия. При этом элементы, связанные с пребыванием на площадке (поведение, выбор приоритетов, важность этапов), в основном не детерминируются, что открывает широкие возможности для координации или аккумуляции посетительского потока, акцентирования внимания на необходимых аспектах или использования социальных технологий.

В качестве гипотезы для дальнейшей дискуссии можно предположить, что эта особенность определяется тем, что на мероприятии посетители подвержены различным каналам воздействия, несущим разные сообщения, тогда как на этапе выбора мероприятия они подвергаются значительно меньшему их количеству, что формирует относительно устойчивые восприятия.

Рост значимости информационного сопровождения для горожан молодого и среднего возраста, активных в цифровом или аналоговом информационном поле, актуализирует перенос рабочих технологий, механизмов коммуникативного и социального воздействия в виртуальную среду. При этом становится возможным интегративный подход к коммуникационной политике, т.е. подход, служащий объединительным, агрегирующим единую идею, изложенную в различающейся форме, в пространстве виртуальном и материальном.

Управление же социальными процессами, в настоящий момент незаслуженно обделяемое вниманием организаторов мероприятий, представляется автору дополнительным уровнем, реализация которого позволит более контролируемо достигать поставленных целей.

Провести комплексное рассмотрение восприятия интересантами отдельных элементов мероприятия позволила предложенная автором методология структурирования составляющих ивент-деятельности, отражающая объективную структуру уровней и сред, формирующих городское социокультурное пространство.

Полученные результаты позволяют охарактеризовать особенности восприятия городских массовых социокультурных мероприятий посетителями на современном этапе, а также обнажают ряд аспектов, представляющих собой основу для будущей научной дискуссии и эмпирического поиска.

Список литературы

- Богатырев К.А.* Правовое просвещение на культурно-массовых мероприятиях для детей и молодежи // Вестник науки. 2022. Т. 3, № 6(51). С. 28–34.
- Булганина С.В., Лебедева Т.Е., Цапина Т.Н., Авдонькина В.В., Дюдякова С.В.* Эффективность событийного туризма для территории на примере празднования 800-летия Нижнего Новгорода // Московский экономический журнал. 2021. № 9. С. 424–436.
- Галушкин А.Б.* Система оценки качества проведения культурно-массовых мероприятий в досуговых учреждениях в сфере молодежной политики // Альманах научных работ молодых ученых Университета ИТМО: материалы Пятидесятой науч. и учеб.-метод. конф. (Санкт-Петербург, 1–4 февраля 2021 г.). СПб.: Университет ИТМО, 2021. Т. 5, ч. 1. С. 117–122.
- Герасимов С.Г.* Специальные события как триггеры социально-культурных процессов: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2023. 417 с.
- Головин Н.А., Русанова В.С.* Проблемы формирования логико-смыслового метода П.А. Сорокиным в контексте историософии О. Шпенглера и А. Тойнби // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 2. С. 26–45. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.2>
- Горбунова Н.А., Комраков Р.В.* Диагностика готовности бакалавров социокультурной деятельности к использованию потенциала событийного туризма в своей профессиональной деятельности // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4(93). С. 159–162.
- Землянная А.С., Савостин Д.А.* Эмпирическое исследование мероприятий как инструмента продвижения в контексте пандемии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 7(65). С. 84–87.
- Каверина Е.А.* Событийные коммуникации в координатах современности // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 2(27). С. 54–64.
- Мартышенко Н.С.* Роль развлекательных ивент-мероприятий в организации досуга молодежи г. Владивостока // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 3(32). С. 256–259. DOI: <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0903-0059>
- Мишина Т.В., Самсоненко Т.А., Ронь И.Н.* Особенности организации массового праздника // International Journal of Professional Science. 2020. № 11. С. 24–28.
- Одинцов А.В.* Культурное наследие Чемпионата Мира по футболу 2018 в представлении студенческой молодежи Волгограда // Социодинамика. 2019. № 9. С. 53–63. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.9.30603>
- Попова Е.П.* Целевая группа потребителей событийного туризма // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: сб. ст. VI Междунар. конф. профессорско-преподавательского состава (Казань, 18 март 2022 г.). Чебоксары: Среда, 2022. С. 282–290. DOI: <https://doi.org/10.31483/г-101160>
- Романова Н.В.* Социокультурное пространство провинциального города как одна из форм существования универсума культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6(56), ч. 1. С. 169–172.
- Рыбакова О.В.* Роль крупного события в области культуры в укреплении позитивного имиджа города на примере фестиваля Уральская ночь музыки // Управление культурой. 2022. № 4(4). С. 22–28.
- Сергеев Л.И.* Экономика впечатлений в цифровой трансформации // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2021. № 7(201). С. 61–72. DOI: <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2021-7-201-61-72>
- Скрипникова Н.Н., Шушарина Е.С.* Event-менеджмент: коммуникационные подходы к организации мероприятий для абитуриентов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. № 4(21). С. 165–169.
- Толстяков Р.Р., Петренко А.С., Горбунов И.Н.* Региональный event-маркетинг: многокритериальная оценка эффективности проводимых мероприятий на примере г. Тамбова // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2021. № 4(82). С. 108–114. DOI: <https://doi.org/10.17277/voprosy.2021.04.pp.108-114>
- Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».* URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=lw6dfqe7ss942869966> (дата обращения: 14.05.2024).
- Устинов В.П., Кыштымова И.М., Белякова И.Г., Голик К.И.* Экспертный психологический анализ массовых мероприятий (на примере городского праздника Хеллоуин) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 9. С. 74–89.

Харченко Л.Н. К вопросу о концепции «третьего места» и ее трактовке в отечественной научной литературе // *Современные наука и образование: достижения и перспективы развития: материалы Национальной науч.-практ. конф.* (Керчь, 15 мая 2021 г.): в 2 ч. Керчь: Изд-во КГМТУ, 2021. Ч. 2. С. 199–204.

Ait Kerroum Y., Anasse K. Arts festivals as poly-systems: a case analysis of Morocco music and film festivals // *Leisure Studies*. 2024. Vol. 43, iss. 5. P. 832–843. DOI: <https://doi.org/10.1080/02614367.2023.2261656>

Dalgiç A., Birdir K. Key success factors on loyalty of festival visitors: the mediating effect of festival experience and festival image // *Tourism & Management Studies*. 2020. Vol. 16, iss. 1. P. 28–38. DOI: <https://doi.org/10.18089/tms.2020.160103>

Mair J., Smith A. Events and sustainability: why making events more sustainable is not enough // *Events and sustainability: Can events make places more inclusive, resilient and sustainable?* / ed. by A. Smith, J. Mair. Oxon, UK: Routledge, 2022. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003314295-1>

Stricklin M.-A., Ellis G.D. Structuring quality experiences for event participants // *Event Management*. 2018. Vol. 22, no. 3. P. 353–365. DOI: <https://doi.org/10.3727/152599518x15251972495591>

Templeton A. Future research avenues to facilitate social connectedness and safe collective behavior at organized crowd events // *Group Processes & Inter-group Relations*. 2021. Vol. 24, iss. 2. P. 216–222. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368430220983601>

Wang Y., Cheng Y., Sun J. When public relations meets social media: A systematic review of social media related public relations research from 2006 to 2020 // *Public Relations Review*. 2021. Vol. 47, iss. 4. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0363811121000746?via%3Dihub> (accessed: 14.05.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2021.102081>

Wood E.H., Kinnunen M. Emotion, memory and re-collective value: shared festival experiences // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2020. Vol. 32, iss. 3. P. 1275–1298. DOI: <https://doi.org/10.1108/ijchm-05-2019-0488>

References

Ait Kerroum, Y. and Anasse, K. (2024). Arts festivals as polysystems: a case analysis of Morocco music and film festivals. *Leisure Studies*. Vol. 43, iss. 5, pp. 832–843. DOI: <https://doi.org/10.1080/02614367.2023.2261656>

Bogatyrev, K.A. (2022). [Legal education at cultural events for children and youth]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science]. Vol. 3, no. 6(51), pp. 28–34.

Bulganina, S.V., Lebedeva, T.E., Tsapina, T.N., Avdonkina, V.V. and Dyudyakova, S.V. (2021). [The effectiveness of event tourism for the territory on the example of the celebration of the 800th anniversary of Nizhny Novgorod]. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal* [Moscow Economic Journal]. No. 9, pp. 424–436.

Dalgiç, A. and Birdir, K. (2020). Key success factors on loyalty of festival visitors: the mediating effect of festival experience and festival image. *Tourism & Management Studies*. Vol. 16, iss. 1, pp. 28–38. DOI: <https://doi.org/10.18089/tms.2020.160103>

Galushkin, A.B. (2021). [System for assessing the quality of cultural events in leisure institutions in the field of youth policy]. *Al'manakh nauchnykh rabot molodykh uchenykh Universiteta ITMO: materialy Pyatidesyatoy nauch. i ucheb.-metod. konf. (Sankt-Peterburg, 1–4 fevralya 2021 g.)* [Almanac of scientific works of young scientists of ITMO University: Proceedings of the Fiftieth Scientific and Educational-Methodological Conference (St. Petersburg, Feb. 1–4, 2021)]. St. Petersburg: ITMO University Publ., pp. 117–122.

Gerasimov, S.G. (2023). *Spetsial'nye sobytiya kak triggery sotsial'no-kul'turnykh protsessov: dis. ... d-ra filos. nauk* [Special events as triggers of socio-cultural processes: dissertation]. St. Petersburg, 417 p.

Golovin, N.A. and Rusanova, V.S. (2023). [Problems of formation of the logical-semantic method P.A. Sorokin in the context of the historiography of O. Spengler and A. Toynbee]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 26, no. 2, pp. 26–45. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.2>

Gorbunova, N.A. and Komrakov, R.V. (2021). [Diagnostics of the readiness of bachelors of socio-cultural activities to use the potential of event tourism in their professional activities]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Oryol State University]. No. 4(93), pp. 159–162.

Kaverina, E.A. (2017). [Event communications in the coordinates of modernity]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research]. No. 2(27), pp. 54–64.

Kharchenko, L.N. (2021). [On the issue of the concept of «third place» and its interpretation in domestic scientific literature]. *Sovremennye nauka i obrazovanie: dostizheniya i perspektivy razvitiya*

materialy Natsional'noy nauch.-prakt. konf. (Kerch', 15 maya 2021 g.): v 2 ch. [Modern science and education: achievements and development prospects: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference (Kerch, May 15, 2021): in 2 parts]. Kerch: KSMTU Publ., part 2, pp. 199–204.

Mair, J. and Smith, A. (2022). Events and sustainability: why making events more sustainable is not enough. A. Smith, J. Mair (eds.) *Events and sustainability: Can events make places more inclusive, resilient and sustainable?* Oxon, UK: Routledge Publ., pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003314295-1>

Martyshenko, N.S. (2020). [The role of entertainment events in the organization of youth leisure in Vladivostok]. *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration]. Vol. 9, no. 3(32), pp. 256–259. DOI: <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0903-0059>

Mishina, T.V., Samsonenko, T.A. and Ron, I.N. (2020). [Features of organizing a mass holiday]. *International Journal of Professional Science*. No. 11, pp. 24–28.

Odintsov, A.V. (2019). [The cultural heritage of the 2018 FIFA World Cup in the minds of Volgograd students]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. No. 9, pp. 53–63. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.9.30603>

Popova, E.P. (2022). *Tselevaya gruppa potrebitel'ey sobytiynogo turizma* [Target group of event tourism consumers]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk: sbornik statey VI Mezhdunarodnoy konf. professorsko-prepodavatel'skogo sostava (Kazan', 18 mart 2022 g.)*. [Current Problems of the Humanities and Natural Sciences: collection of articles of VI International Conference of the Faculty (Kazan, Mar. 18, 2022)]. Cheboksary: Sreda Publ., pp. 282–290. DOI: <https://doi.org/10.31483/r-101160>

Romanova, N.V. (2015). [Social-cultural space of provincial town as form of culture universe existence]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 6(56), part 1, pp. 169–172.

Rybakova, O.V. (2022). [The role of a major cultural event in strengthening the positive image of the city on the example of the Ural Night of Music festival]. *Upravlenie kul'turoy* [Managing of Culture]. No. 4(4), pp. 22–28.

Sergeev, L.I. (2021). [Economy of impressions in digital transformation]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Samara State University of Economics]. No. 7(201), pp. 61–72. DOI: <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2021-7-201-61-72>

Skiprikova, N.N. and Shusharina, E.S. (2019). [Event management: communication approaches to organizing events for applicants]. *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk* [Problems of Social and Humanitarian Sciences]. No. 4(21), pp. 165–169.

Stricklin, M.-A. and Ellis, G.D. (2018). Structuring quality experiences for event participants. *Event Management*. Vol. 22, no. 3, pp. 353–365. DOI: <https://doi.org/10.3727/152599518x15251972495591>

Templeton, A. (2021). Future research avenues to facilitate social connectedness and safe collective behavior at organized crowd events. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 24, iss. 2, pp. 216–222. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368430220983601>

Tolstyakov, R.R., Petrenko, A.S. and Gorbunov, I.N. (2021). [Regional event-marketing: Multi-criteria evaluation of the effectiveness of the events in Tambov]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* [Issues of Modern Science and Practice. V.I. Vernadsky University]. No. 4(82), pp. 108–114. DOI: <https://doi.org/10.17277/voprosy.2021.04.pp.108-114>

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 07.05.2024 № 309 «O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» [Decree of the President of the Russian Federation dated July 5, 2024 No. 309 «On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030 and for the future until 2036»]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=1w6dfqe7ss942869966> (accessed 14.05.2024).

Ustinov, V.P., Kyshtymova, I.M., Belyakova, I.G. and Golik, K.I. (2014). [Expert psychological analysis of mass events (using the example of the city Halloween holiday)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology]. Vol. 9, pp. 74–89.

Wang, Y., Cheng, Y. and Sun, J. (2021). When public relations meets social media: A systematic review of social media related public relations research from 2006 to 2020. *Public Relations Review*. Vol. 47, iss. 4. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0363811121000746?via%3Dihub> (accessed 14.05.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2021.102081>

Wood, E.H. and Kinnunen, M. (2020). Emotion, memory and re-collective value: shared festival experiences. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. Vol. 32, iss. 3, pp. 1275–1298. DOI: <https://doi.org/10.1108/ijchm-05-2019-0488>

Zemlyannaya, A.S. and Savostin, D.A. (2020). [Empirical study of events as a promotion tool in the context of a pandemic]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice]. No. 7(65), pp. 84–87.

Об авторе

Шелгинская Виктория Алексеевна

аспирант кафедры управления персоналом
и социологии

Уральский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66;
e-mail: victoria.shelg@yandex.ru
ResearcherID: KLC-3699-2024

About the author

Victoria A. Shelginskaya

Postgraduate Student of the Department
of Personnel Management and Sociology

Ural Institute of Management (Branch) of Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
66, 8 Marta st., Ekaterinburg, 620144, Russia;
e-mail: victoria.shelg@yandex.ru
ResearcherID: KLC-3699-2024

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Редколлегия журнала

*«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология»
выражает глубокую благодарность рецензентам 2024 года*

OUR REVIEWERS

*Editorial Board of «Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology»
expresses deepest gratitude to 2024 reviewers*

Асеева Ирина Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям (Москва).

Антипьев Константин Анатольевич — кандидат социологических наук, и.о. заведующего кафедрой социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Балева Милена Валерьевна — доктор психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Береснева Наталья Ириковна — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Бурко Виктор Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Волегов Владимир Сергеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Воронова Ксения Андреевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Желнин Антон Игоревич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Жданова Светлана Юрьевна — доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии развития ПГНИУ.

Зарипова Лина Зефаровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Игнатова Екатерина Сергеевна — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ.

Комаров Сергей Владимирович — доктор философских наук, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Кузнецов Александр Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Липский Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Академии государственной противопо-

жарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (Москва).

Лоскутов Юрий Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Маркова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Маслянка Юлия Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Моисеев Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, биомедицики и гуманитарных наук Российского университета медицины (Москва).

Мусаелян Лева Асканазович — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии ПГНИУ.

Пащак Игорь Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Плотникова Елена Борисовна — кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социологии ПГНИУ.

Поросенков Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Порус Владимир Натанович — доктор философских наук, профессор-исследователь Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва).

Руднова Наталья Александровна — кандидат психологических наук, сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» (Москва).

Сироткин Павел Федорович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Харламова Людмила Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Шевкова Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страницы источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из 15–20 источников; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 *в алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «<», «>», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastroyki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatsti», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennyye sposoby aktivizatsii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru и дублируются на платформе <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-13122024.pdf>.

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтингуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2025 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	10 апреля
в № 2 — до 01 мая	3 июля
в № 3 — до 01 августа	2 октября
в № 4 — до 01 октября	26 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal accepts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Authors have to send their materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru). In addition, submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>). The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2025

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 10
No 2 May 1	July 3
No 3 August 1	October 2
No 4 October 1	December 26

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2024
Выпуск 4

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 17.12.2024
Дата выхода в свет 27.12.2024
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 18,37
Тираж 100 экз. Заказ № 1840

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Философско-социологический факультет.
Тел. +7 (342) 239-63-05

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Управление издательской деятельности.

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке